
**Региональная стипендиатская программа
Фонда им. Генриха Белля для молодых
ученых на Южном Кавказе**

**Новый Южный Кавказ:
пересмотреть старые границы.**

Сборник статей

- **Социология**
- **Политология**

Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля

**Новый Южный Кавказ: пересмотреть старые границы.
Сборник статей.**

Научный редактор

Олеся Кирчик, PhD; Институт социологии Российской Академии Наук (ИСРАН, Москва); Васшая школа социальных наук Парижа (EHESS, Paris).

Ответственный редактор

Нино Лежава, координатор программ Фонда им. Генриха Белля

© Heinrich Böll Stiftung South Caucasus. 2008

Тбилиси, ФГБ, 2008. - 176 стр.

ISBN 978-9941-9009-2-1

**The New South Caucasus: Overcoming old boundaries.
Collection of papers.**

Scientific editor

Olessia Kirtchik, PhD; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; École des Hautes Études en Sciences Sociales, Paris.

Volume editor

Nino Lejava, Programme coordinator, Heinrich Boell Foundation South Caucasus regional office

Tbilisi, HBS, 2008. - 176 p.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Георгий Бабунашвили

Неформальные институты обеспечения влияния в городских управленческих структурах Грузии: партийный фактор..... 13

Георгий Шубитидзе

Клиентелизм в местных органах самоуправления в Грузии
(случай Шида-Картли)..... 33

Арчил Малания

Вынужденно перемещенные лица (ВПЛ) из Абхазии в Кутаиси:
15 лет спустя..... 51

Майя Баиадзе

За пределами детского дома: трудности и перспективы социальной жизни
воспитанников детских домов Грузии 75

НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Торк Далалаян

Идентификационные процессы среди курманджиязычного населения
Армении..... 93

Абульфаз Сулейманов

Община молокан в Азербайджане: от идентичности религиозной к
идентичности локальной и этнической. 112

Екатерина Паверман

Фамилия – это судьба 127

Айкануш Чобанян

Возвратная миграция из России в Армению: от реинтеграции до
реэмиграции..... 141

ABSTRACTS..... 155

АВТОРЫ / AUTHORS 169

PREFACE

You hold in your hands the result of an experiment that the Heinrich Böll Foundation's South Caucasus Regional Office has carried out since 2003. Within the framework of its Regional South Caucasus Scholarship Programme, the Heinrich Böll Foundation provides young scholars with the opportunity to perform independent scientific research beyond the traditional academic settings.

The Heinrich Böll Foundation's Regional Scholarship Programme for the South Caucasus has two major objectives:

- It hopes to encourage young researchers to take on interdisciplinary, individual research projects and to contribute to the renewal of the social sciences in the region through the use of innovative research methods.
- It seeks to construct a cross-border network of young scientists and practitioners, which can serve as a framework in which cross-border projects in the fields of socio-political education and social science research can be carried out.

The proposed collection represents the scientific results of the **fourth generation** of the scholars of the **Heinrich Böll Foundation** from Armenia, Azerbaijan and Georgia and allows observing the scope of scientific interests of the **new generation of researchers** in the South Caucasus. The publication presents individual papers that were drawn up within the framework of the programme in the field of social sciences in 2007. Some of the research projects have derived from the daily experience of the researchers. Others were motivated by their social position or the practical experience obtained in their professional environment. Not aimed at elucidating all the major research questions in the majority of social sciences, the papers reflect on the data of the empirical research, that view relations of the individual and the society in the context of modern analysis.

The authors have taken interdisciplinary approaches to subjects that are of fundamental importance for the understanding of **social and political processes** in the societies of the South Caucasus, but which are hardly touched upon in public debate, or even fall into the realm of taboo to some

extent. And yet anyone who attempts to foster social **modernization and democratization** in this region has to take a critical look at these very themes at some point. Therefore, of particular relevance is the work of the scholars engaged in researching issues of **social and political transformations**.

Two articles in the **first section** of the book – “**Politics and society**” are dedicated primarily to the questions of informal mechanisms for the realization of power and for regulating access to power. The reader can examine the issues, which are often masked by formal democratic facades. *G. Babunashvili* describes informal mechanisms of decision-making and party influence using the example of Tbilisi city government. The research reveals new trends of increasing centralization of power combined with a growing role of party resources for the purpose of controlling political conduct of the party members. *G. Shubitidze* studies the influence of clientile relationships over the self-governance system and tracks the development of informal relationships in the local government of Khashuri. The article of *A. Malania* is assessing the state policy for integration of IDPs using the example of Kutaisi and reveals the reasons that complicate the process of integration of IDPs from Abkhazia within the local “host” communities: spatial aggregation, unemployment, wish to return, and specific social infrastructure of the IDP community. *M. Baiadze* describes the social environment that forms social skills and values and at the same time determines stigmatization or socialization of children that are brought up in children’s home.

The papers in the **second section** – “**New Identities**” – deal with historical and sociological points of changing ethnic, national and religious constructions of identity in the societies of Southern Caucasus that took place during the 20th century. *T. Dalanyan’s* article discusses the process of constructing new national identities, namely Kurd and Yazidi, among the Kurmanji speaking population of Armenia. *A. Suleimanov* studies the *Molokan* community in Azerbaijan; the article analyses transformation of confessional identity into local and ethnic identities. *E. Paverman* looks into the construct of the *Georgian ethnic code*, which plays a significant role in the social relations of the modern Georgian society. The author reveals two elements as the markers of this *code*: the *Georgian gene* as well as the factor of the *right family name*. *A. Chobanyan* in her article describes the motivation of emigration and returning to Armenia as well as the strategies of overcoming various obstacles, encountered by re-emigrants in the process of reintegration in their own country. The author draws the interesting conclusion that the decision to return is influenced mainly by non-economic factors, while the initial decision to emigrate is determined exclusively by economic motivations.

The editors hope that this **fourth volume** will provide interesting asset to library stocks, not only to a specialized readership, but to anyone interested in the political and social developments in the South Caucasus or involved in civil society initiatives. We also hope that this publication will open some doors **to the international scientific “community”** for these young scientists and, by doing so, encourage the process of opening up South Caucasian societies to the international exchange of ideas and opinions.

We would like to express our sincere gratitude to all of the **experts** in and outside of the South Caucasus who are guiding and supporting our scholarship programme with their scientific expertise and personal commitment.

Tbilisi, December 2008

Nino Lejava
Scholarship Programme Coordinator
South Caucasus Regional Office of the Heinrich Böll Foundation

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Перед Вами результат эксперимента. Этот эксперимент Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля проводит с 2003 года. В рамках региональной Южно-Кавказской стипендиатской программы Фонд им. Генриха Белля предоставляет молодым исследователям возможность заниматься независимыми научными исследованиями вне стен традиционных академических учреждений.

Региональная Южно-Кавказская стипендиатская программа Фонда им. Генриха Белля преследует две цели:

- Побудить молодых ученых к таким индивидуальным междисциплинарным проектам, которые вносят свой вклад в обновление социальных наук в регионе посредством использования инновационных исследовательских методов.
- Содействовать формированию региональной сети молодых ученых и практиков для осуществления межграницных проектов в сфере общественно-политического образования и социальных исследований.

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой научные результаты **четвертого поколения** стипендиатов Фонда им. Генриха Белля из Азербайджана, Армении и Грузии и позволяет рассмотреть палитру научных интересов **нового поколения исследователей** на Южном Кавказе. В книгу вошли те индивидуальные исследовательские работы молодых ученых, которые проводились в рамках программы в сфере социальных наук в 2007 году. Некоторые исследовательские проекты родились из сугубо жизненного опыта их авторов, мотивацией для других послужила их гражданская позиция или практический опыт из своей же профессиональной среды. Естественно, не претендуя освещать весь научный спектр социальных наук, статьи все же отражают те эмпирические исследования, которые рассматривают в качестве современного анализа отношения индивида и общества.

Работы в междисциплинарном плане касаются тех тем, которые важны для элементарного понимания **социальных и политических процессов** в южнокавказских обществах, и притом почти не играют существенной роли в общественных дискуссиях, а в некоторых случаях

даже табуированы. И, тем не менее, всем, кто занимается проблемами общественной **модернизации и демократизации** в этом регионе, не миновать критического обсуждения по рассматриваемым в данном сборнике вопросам. Поэтому чрезвычайно важной представляется работа ученых, занимающихся исследованием **социальных и политических трансформаций**.

Две статьи в **первой части** книги – «**Политика и общество**» – посвящены вопросам неформального осуществления власти и регулированию доступа к власти. Читатель сможет рассмотреть те проблемы, которые часто скрываются за формально демократическим фасадом.

Г. Бабунашвили описывает неформальные механизмы принятия решений и партийного влияния на примере городского самоуправления г. Тбилиси. В исследовании выявляется новая тенденция роста централизации власти вместе с увеличением роли партийных ресурсов для осуществления контроля над политическим поведением членов партии. *Г. Шубитидзе* исследует влияние клиентелистских отношений на систему самоуправления и прослеживает развитие неформальных отношений в местном самоуправлении г. Хашури. Статья *А. Малания* посвящается оценке государственной политики по интеграции ВПЛ на примере г. Кутаиси и выявляет причины, затрудняющие процесс интеграции беженцев из Абхазии в местное общество: пространственная агрегация, безработица, нацеленность на возвращение, а также специальная «беженская» социальная инфраструктура. *М. Баиадзе* описывает ту социальную среду, которая формирует социальные навыки и ценности, а также определяет стигматизацию или социализацию воспитанников детских домов.

Во **второй части** - «**Новые идентичности**» - статьи затрагивают исторический и социологический ракурс изменений этнических, национальных и религиозных конструкций идентичности в обществах Южного Кавказа в XX веке.

В статье *Т. Далалаяна* рассматриваются процессы конструирования новых – курдской и езидской – национальных идентичностей среди курманджиязычного населения Армении. Объектом исследования *А. Сулейманова* является сообщество молокан в Азербайджане; в нем анализируется трансформация конфессиональной идентичности в локальную и этническую идентичность. *Е. Паверман* исследует конструкт «*грузинского этнического кода*», который в современном

грузинском обществе играет значимую роль в социальных отношениях. Маркерами этого «кода» автор выявляет следующие элементы: Родина – Грузия; грузинские традиции, культура, язык; религия – православие; «грузинский ген», а также фактор «правильной фамилии». *А. Чобанян* изучает мотивы эмиграции и возвращения в Армению, а также стратегии преодоления тех трудностей, с которыми сталкиваются реэмигранты в процессе реинтеграции в собственной стране. Автор приходит к интересному выводу, что на принятие решения о возвращении влияют в основном не экономические факторы, в то время как первичное решение об эмиграции определяется исключительно экономическими мотивами.

Издатели надеются, что **четвертый том** этой серии окажется интересным пополнением библиотеки не только для узких научных кругов, но и для всех, кому не безразличны политические и общественные процессы на Южном Кавказе, а также для тех, кто активно участвует в гражданских инициативах. Мы надеемся, что эти публикации помогут некоторым молодым исследователям открыть доступ к **международному научному сообществу**, и это тем самым послужит дальнейшему развитию южнокавказских обществ и их открытости для международного обмена идеями и мнениями.

Выражаем особую благодарность всем экспертам, как на Южном Кавказе, так и за его пределами, которые внесли большой вклад в стипендиатскую программу Фонда им. Генриха Белля своими научными знаниями и личным активным участием.

Тбилиси. Декабрь, 2008 г.

Нино Лежава
Координатор программ
Региональное бюро Фонда им. Генриха Белля на Южном Кавказе

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Георгий Бабунашвили

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ В ГОРОДСКИХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ГРУЗИИ: ПАРТИЙНЫЙ ФАКТОР

После развала СССР и образования независимого государства в Грузии начался процесс создания новой политической системы, которая с приходом к власти Эдуарда Шеварднадзе должна была ориентироваться на либерально-демократические ценности. Считалось, что реализация этих ценностей в грузинском контексте может быть достигнута путем демонтажа старых институтов и основания новых, скопированных с западных демократий. Однако вскоре стало ясно, что такой подход не в силах привести к консолидации системы управления в стране. Формальные механизмы не смогли оправдать возложенные на них надежды, в то же время выявилась значимость неформальных структур. Значительная часть так называемых западных моделей оказалась неэффективной в постсоветской реальности и уязвимой для коррупции.

Исследования последних лет описывают существенную роль неформальных правил как в экономике¹, так и в политической системе² Грузии. При этом особенности функционирования партии власти, и в частности его неформальные стороны, изучены пока недостаточно. Работы, ведущиеся в этой сфере, группируются по трем основным направлениям: изучение внутрипартийных структур³, изучение положения партии на идеологическом поле⁴, а также исследования влияния избирательной системы на функционирование партийной системы⁵. Оригинальность подхода, положенного в основу данного исследования, состоит в попытке изучения неформальных механизмов партий-

1. *Christophe B.* From Hybrid Regime to Hybrid Capitalism? The Political Economy of Georgia under Eduard Shevardnadze. 2007 (www.uws.ac.uk/schoolsdepts/business/cces/documents/Barbara.Christophe.rtf).

2. *Лосаберидзе Д., Мелуа Д., Нармания Д. (ред.)* Годовой отчет о развитии демократии в Грузии (2006), 2007; *Жоржелиани Г., Мухелишвили М., Берекашвили Т., Бандзеладзе Г.* Политика и общество в Грузии, 2006 (на груз. яз.).

3. International IDEA, Political parties in Georgia and Armenia (www.idea.org).

4. *Nodia G., Scholtbach A.* Georgian Political Landscape: Political Parties: Achievements, Challenges and Perspectives. NIMD, OSCE/ODIHR, CIPDD, 2006.

5. International IDEA, Political parties in Georgia and Armenia (www.idea.org).

ного влияния на процесс принятия решений в институтах городского управления на примере муниципальных органов самоуправления Тбилиси. Мы попытаемся показать, что параллельно с укреплением вертикали власти происходит рост значимости партийной организации: с ростом централизации власти увеличивается роль партийных ресурсов для осуществления контроля над политическим поведением членов партии.

1. Неформальные механизмы партийного влияния в странах с «зарождающейся демократией»

В современных теориях демократии политическая партия является единственным легитимным и функциональным институтом, претендующим на приобретение временного контроля над институтами осуществления государственной власти. Рамки и условия этого контроля четко обозначены в законодательстве, и попытки обойти эти правила встречают сильное сопротивление в странах с развитыми демократическими институтами. Формальный институциональный и неформальный политические контексты ограничивают возможности партии власти упрочить партийную организацию путем использования административных ресурсов, слияния партийных и государственных структур и построения вертикали власти⁶. Неформальные правила в рамках формальных институтов дают акторам возможность сочетать плюсы как неформальных (исключение внешних и неприемлемых акторов, гарантирование оправдания ожиданий, высокая гибкость при принятии решения), так и формальных демократических институтов (демократическая легитимность). На развитие институтов большое влияние оказывает стратегия поиска путей снижения транзакционных издержек, среди которых сокращение времени и количества формальных процедур принятия решения⁷.

Иначе обстоит дело в странах с зарождающейся многопартийной системой. Опыт таких стран свидетельствует, что позиционирование партии в политическом поле в большой мере зависит от ее доступа к административным ресурсам. Это обстоятельство принуждает власть – правящую партию – максимизировать свое влияние на управленче-

6. *Diamond L., Gunther R.* (eds.) *Political parties and democracy*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001.

7. *Milgrom P., Roberts J.* Bargaining costs, influence costs, and the organization of economic activity // *Alt J. and Shepsle K.* (eds.) *Perspectives on positive political economy*. New York: Cambridge University Press, 1990. С. 57-89; *Posner R.* *The Economics of Law* (2nd ed.). Boston: Little, Brown, 1977; *Williamson O.* The emerging science of organization // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1993. N 149. P. 36-63.

ские структуры, в том числе с помощью неформальных механизмов. Власть партии осуществляется не только через конституционные механизмы, но и через средства неформального характера.

Есть определенное сходство между неформальными институтами влияния партии на управленческие структуры и системой партии-государства, описанной Дж. Сартори⁸. Партия-государство – это специфическая форма отношения института партии и других управленческих институтов государства. В своей классической форме она полностью реализуется только в однопартийных государствах. Но элементы этого феномена характеризуют и многопартийную систему, где правящая партия устанавливает практически полный контроль над всеми государственными структурами. Что касается современного контекста Грузии, речь идет не о тоталитарном контроле, но об общих методах расширения партийного влияния, унаследованных из коммунистического прошлого⁹.

Неформальные структуры могут возникнуть как вне формальных институтов (параллельно), так и внутри них. В обоих случаях формальная институциональная система становится фасадом, за которым реально функционируют неформальные механизмы. Структура организации удваивается: возникают системы формальных и неформальных отношений. При этом стирается грань между частными и универсальными интересами. Горизонтальные отношения между отдельными государственными инстанциями искажаются проникновением неформальных механизмов в институты правления. Основной акцент ставится на вертикальный контроль, что приводит к уменьшению степени автономии организации и упадку общей профессиональной бюрократической культуры.

Одним из самых значительных ресурсов для построения системы неформальных связей и увеличения партийного влияния является *клиентелизм*. Согласно М. Афанасьеву, «*В модернизирующихся обществах клиентелистские связи в известной мере могут компенсировать тяготы, сопутствующие социальной перестройке*»¹⁰. Другой ресурс неформального влияния – патронаж правящей партии. В этом случае сеть неформальных связей базируется на обезличенной институциональной основе партийного членства. Партия выступает механизмом сцепления отдельных индивидуальных усилий внутри сети;

8. *Sartori G. Parties and Party Systems: A framework for analysis*, Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

9. *Csanadi M. Party-states and their legacies in post-communist transformation*. Cheltenham: Edwards Elgar Publishing Limited, 1997. P. 269-300.

10. *Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. (2-е изд., доп.)* М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

именно она артикулирует и направляет ресурсы, необходимые для решения тех или иных задач.

С целью проверить вышеуказанные положения на материале современной политической системы Грузии попытаемся ответить на следующие вопросы:

Каковы неформальные механизмы обеспечения влияния партии в управленческих структурах?

На каких ресурсах базируются эти неформальные механизмы?

Насколько важным является фактор партийности в структуре неформальной системы принятия решений?

Исследование проводилось методом глубинных интервью с экспертами и представителями законодательных и исполнительных органов самоуправления Тбилиси в 2002-2004 гг. Информанты отбирались по принципу снежного кома. Для демонстрации действия неформальных механизмов партийного влияния на практике, была использована стратегия кейс-стади. На основе данных, полученных в ходе интервью, был проанализирован случай конфронтации в городском самоуправлении, иллюстрирующий осуществление партийного контроля над депутатами местного собрания.

Следует отметить, что в ходе полевого исследования возникали определенные сложности, связанные с политической актуальностью темы: в частности, некоторые респоденты опасались приводить конкретные примеры неформального взаимодействия. Исходя из этого, мы попытались по меньшей мере выявить общие тенденции развития роли неформальных механизмов в городском самоуправлении. В свою очередь, подробный анализ случая (кейс-стади) позволил рассмотреть конкретные примеры некоторых неформальных практик.

2. Неформальные практики в системе городского самоуправления Тбилиси

Устройство системы самоуправления столицы Грузии в основном определено двумя правовыми актами: «Законом о местном самоуправлении» 2005 г. и «Законом о столице Грузии – Тбилиси», принятым в 1998 г. и получившим существенные поправки в 2005-2006 гг. Представительным (законодательным) органом города является сакребуло, из 37 членов которого 25 избираются по мажоритарной системе в многомандатных избирательных округах и 12 – по пропорциональной системе в 10 округах. Главой городского самоуправления является мэ́р, помимо которого в структуру исполнительной власти города

входит премьер, являющийся главой городского правительства, его заместители и главы отдельных городских служб. Премьер, как и мэр, назначаются президентом страны.

Рассмотрим основные тенденции в развитии механизмов неформального влияния центральной власти на систему городского самоуправления в период работы сакребуло созыва 2002-2004 годов, который был отмечен существенными изменениями, связанными со сменой правящей элиты в результате «революции роз» в 2003 году.

2.1. Муниципальное самоуправление в вертикали власти: новая расстановка сил

Период 2002-2003 годов характеризовался двумя основными тенденциями. Во-первых, отношения между исполнительной и законодательной властью носили ярко выраженный конфронтационный характер. Так, большинство мест в сакребуло созыва 2002-2004 годов принадлежало партии «Единое национальное движение» (ЕНД), основанной в октябре 2001 г. Михаилом Саакашвили. Изначально она позиционировалась как прозападная либеральная политическая сила, оппозиционная режиму Шеварднадзе. В то же время мэром города был В. Зоделава, и исполнительная власть в городе контролировалась пропрезидентской партией «Союз граждан Грузии» (СГГ). Партии СГГ и ЕНД, контролировавшие, соответственно, исполнительную и законодательную ветви самоуправления города Тбилиси, предпочитали не сотрудничать друг с другом, что отражалось на работе местных органов власти.

Во-вторых, центральная власть стремилась институционально ослабить городское самоуправление. В качестве примера второй тенденции можно рассмотреть решение Парламента Грузии, которое было принято по инициативе СГГ и согласно которому были уменьшены доходы муниципалитета. Муниципальный бюджет лишился поступлений в виде части налога на добавочную стоимость, в то время как его расходные статьи остались на прежнем уровне. Это снизило способность сакребуло финансировать популярные программы, такие как ремонт аварийных жилищ и лифтов, что было приоритетным направлением деятельности ЕНД. Поэтому очевидно, что эта мера должна была послужить ослаблению оппозиционного сакребуло. Можно сказать, что в период 2002-2003 годов высокая фактическая степень независимости сакребуло от центрального правительства сочеталась с его невысокой эффективностью в тех сферах, где требовалось сотрудничество между центральной властью и городским самоуправлением.

В ноябре 2003 года в Грузии произошла «Революция роз», приведшая во власть оппозиционные политические силы, сплоченные вокруг ЕНД. Представители этой партии заняли ключевые посты в структуре исполнительной власти Тбилиси, а также получили большинство мест на выборах в сакребуло 2004 г. Таким образом, ЕНД получила полный контроль как над законодательной, так и над исполнительной ветвями городского самоуправления. Как утверждают представители оппозиции, тем самым центральной власти был обеспечен контроль над самоуправлением:

«Большинство [ЕНД] согласует [свою позицию] с президентом, посредством контакта президент – мэр – глава сакребуло. Мы же часто соглашались с главой партии, который не являлся членом сакребуло, но даже во время переговоров внутри партии главным являлось большинство внутри партии, а не глава партии» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

В связи с получением ЕНД большинства мест в Парламенте Грузии и сакребуло, меняются отношения между центральной и городской властью. Если до смены власти в 2003 г. отношения центра и городского самоуправления носили характер противостояния, степень эффективности сакребуло была низкой, а автономность – высокой, то после смены власти сакребуло больше подчиняется исполнительной власти, и эффективность его решений становится выше благодаря поддержке центра. В интервью информанты указывают на то, что некоторые решения сакребуло исходят от центральной власти, а большинство в сакребуло лишь выполняет ее поручения. Есть сферы, которые прочно ассоциируются с личностью лидера правящей партии, составляя часть его PR-кампании, и над которыми он осуществляет личный контроль. Одной из таких сфер, по словам информантов, является строительство фонтанов. Указания центра передаются через мэра города членам городского правительства и через лидеров сакребуло – членам большинства представительного органа.

Неопределенность в распределении полномочий между институтами центральной и городской власти, в свою очередь, ведет к недостаточно четкому разграничению полномочий в некоторых сферах, находящихся в совместном ведении центральной власти и городского самоуправления. На практике это приводит к столкновению интересов министерств и городских служб, к примеру, в сфере дошкольного образования. Как и в других подобных случаях, в условиях правового вакуума чиновники городских служб действуют в соответствии с указаниями городской власти:

«Сейчас проводится конкурс на должности директоров детских садов, но в комиссии много представителей Министерства образования. [...] Все-таки глава отраслевой городской службы воспринимает мэра как своего непосредственного начальника» (председатель комиссии сакребуло по вопросам культуры и образования в 2002-2004 гг., член ЕНД).

Таким образом, неформальное влияние центральной власти на городское самоуправление осуществляется в основном через вертикаль исполнительной власти. Горизонтальные неформальные связи обеспечения влияния институтов центральной власти непосредственно на соответствующие институты городской власти не наблюдаются.

Степень вмешательства центральной власти в городское самоуправление оценивается респондентами неодинаково. Некоторые представители правящей партии опровергают наличие сколько-нибудь заметного вмешательства центра, которое выходило бы за рамки закона. Но при этом среди представителей большинства распространено и другое мнение, согласно которому самоуправление не смогло бы функционировать эффективно без помощи центральной власти. Так, самоуправление не в состоянии самостоятельно привлечь инвестиции:

«Когда город нуждается в чем-то, мэр обращается к центральной власти. Центральная власть должна помогать в тех вопросах, которые может решить только она, например, в привлечении инвесторов. Инвесторы не входят без центральной власти, потому что нуждаются в ее помощи. Мэр и председатель сакребуло имеют непосредственную связь с президентом» (председатель фракции большинства в тбилиском сакребуло в 2002-2004 гг.).

2.2. Значимость партийной организации для политических сил

В сакребуло 2002-2004 годов партийная принадлежность не определяла позицию акторов в системе принятия решения. Значение имела принадлежность к группе влиятельной элиты, границы которой не совпадали с границами правящей партии «Союз граждан Грузии» (СГГ). Некоторые влиятельные лица, не являвшиеся членами СГГ, входили в круг принимающей решения элиты. Кроме некоторых членов СГГ, в эту группу входили бизнесмены, влиятельные представители гражданского сектора, родственники высокопоставленных чиновников. Члены этой элиты имели гораздо большее влияние, чем

рядовые члены СГГ. Например, один из самых влиятельных людей того периода мэр Тбилиси Зоделава не входил в правящую партию, но являлся частью ближайшего окружения президента.

Основной стратегией, которой руководствовались при принятии решения в данный период при Шеварднадзе, было сохранение баланса между различными политическими акторами. Сохранение баланса достигалось путем принятия решений, дававших преимущества тем акторам, усиление которых в данный момент восстанавливало равновесие среди различных влиятельных групп. С одной стороны, степень централизации такой системы была довольно высокой, поскольку вся система служила цели сохранения контроля центра над конкурирующими друг с другом силами на более низких ступенях иерархии. С другой стороны, решения принимались с учетом интересов многих групп, что делало систему в известной степени открытой для многих акторов. Таким образом, мы видим, что в 2002-2003 гг. СГГ не была монолитной единицей и партийность не являлась определяющим фактором.

После «революции роз» наблюдается тенденция роста значения партийности, что отражается на кадровой политике. Так, новый мэр тоже не был партийным, но от депутатов партии большинства стали ожидать согласования своих позиций с партией в большей степени, чем раньше. Происходит сужение границ круга людей, принимающих решения: решения, одобренные членами сакребуло, зачастую исходят от партийного руководства. Главное, что от них требуется, — это лояльность и подчинение. Члены правительства также не автономны, принимая, как правило, заранее согласованные решения. Власть начинает отходить от стратегии нейтрализации «несогласных» при помощи балансирования интересов. Теперь сопротивление карается строже, оно воспринимается как барьер на пути к консолидации правящей группы. Старые клиентелистские сети рушатся и возникают новые, как правило, основанные на институциональной партийной структуре. Таким образом, после «революции роз» в Грузии партийная иерархия получила большую значимость с сравнением с публично-административной иерархией. Если человек занимает ту или иную должность в городском самоуправлении и его начальник в сакребуло является членом той же партии, что и он, но занимающий более высокое положение в партийной иерархии, то в их отношениях отражается партийная иерархия. Это влияет на соотношение сил и в структуре публичной власти: правящая партия проникает в государственные органы и учреждения, осуществляя над ними контроль при помощи внутрипартийных сетей.

2.3. Правила принятия решений в партии (партийная дисциплина против свободы)

При голосовании для членов Единого Национального Движения, как и для оппозиционных партий, большое значение имеет партийность. Однако в сравнении с СГГ партия ЕНД обладает более высокой дисциплиной. От членов партии требуется действовать в соответствии с интересами партии и разделять ее идеологию:

«Если только личный интерес толкает человека на членство в партии, но его взгляды отличаются от позиции партии, то зачем он там? Из нашей партии никто не уходил, в отличие от некоторых оппозиционных партий. Когда происходило тайное голосование, не знаю... Если мне не нравилось что-либо, я говорил заранее, что не буду голосовать за это; если кто-нибудь был против, то заявлял заранее и не голосовал или не являлся на голосование» (председатель фракции большинства в тбилисском сакребуло в 2002-2004 гг.).

При этом, по словам депутата сакребуло, формальная партийная элита не оказывает влияния на членов городского парламента:

«В партии большинства Киркитадзе, Бокерия, Надирадзе были исключены из этого списка [лиц, которые имели влияние на городское самоуправление]. Было ясно, что в сакребуло фракции большинства не испытывали никакого влияния партийной элиты» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

Однако в самом сакребуло существует свой узкий круг партийной элиты, формулирующий повестку дня:

«Не все члены партии ставят вопросы, существует определенный круг, который обычно ставит вопросы. Вопросы редко ставятся спонтанно, и если это происходит, то эти вопросы настолько локальные, что не вызывают никаких осложнений. Вопросы ставятся человеком, который умеет это делать, которого знают, считают одним из лидеров партии и у которого есть ораторские способности» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член ЕНД).

Несмотря на то что почти всегда депутаты большинства официально придерживались одной позиции, порой имели место кулуарные переговоры с членами других фракций, в результате которых прини-

мались решения, которые шли вразрез с волей партийного руководства. Таким образом, оппозиция имела определенные рычаги влияния на принятие решений. По словам информантов, в сакребуло созыва 2002-2004 годов предварительная работа в комиссиях не гарантировала согласия при конечном голосовании, по всем принципиальным вопросам происходили серьезные дискуссии, и пленарное заседание превращалось в трибуну для повышения политического рейтинга. Поддержка той или иной инициативы во многом зависела от того, от какой политической группы она исходила. При этом определенное значение имело также ее содержание. Если идея была хорошей, то другие тоже могли ее поддержать. Но в целом культура межпартийного диалога была на очень низком уровне. Специфические партийные интересы требовали, чтобы хорошие инициативы приписывались собственной партийной группе:

«Вообще, для представительного органа характерна не очень скрытая борьба между большинством и оппозицией ради набора очков в глазах избирателей. Если эти конкретные идеи добавляли очков оппозиции, то большинство не меняло своего мнения. Здесь работает принцип: если горит дом противника, согрей руки. Главное было - очки, поэтому изменения первоначальных позиций во имя компромисса между партиями были не очень заметными, что использовалось оппозицией для повышения своего рейтинга» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член ЕНД).

Информанты указывают на то, что важнейшие вопросы решаются, как правило, еще до пленарных заседаний сакребуло: при их вынесении на заседание они уже более или менее согласованы сторонами, а решение почти всем известно. Есть вопросы, при голосовании которых во фракции допускается разброс мнений, однако и в этом случае депутаты принимают решение не по своей инициативе, а по воле фракции. При этом, когда члены правящей партии голосуют по-разному, по мнению информанта, – это лишь наигранный спектакль. Точно так же главное, что требуется от нынешнего городского правительства, – это не выдвижение инициатив, но согласие с исходящими от мэра решениями. Городское правительство не принимает решения независимо, оно легитимирует инициативы и потом выполняет их. Представители большинства в нынешнем сакребуло утверждают, что главным фактором, определяющим поддержку инициатив в законодательном органе, является аргументация и качество подготовки предложений, а не политические интересы. По мнению оппозиции, решающим фактором

является, напротив, не целесообразность самого предложения, а то, какие политические последствия поддержка этой инициативы будет иметь для разных политических групп в сакребуло:

«Например, лейбористская фракция поставила вопрос открытия муниципальной больницы, где примут на обслуживание самых социально незащищенных. Эту идею поддержали многие, включая главу сакребуло, но не приняли только потому, что она была выдвинута нами, чтобы мы не смогли набрать политические очки. Наши инициативы были обречены» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

Целесообразность предложения является важным фактором, но так как генерального плана развития города в законченном виде не существует, то проверить целесообразность предложения часто не представляется возможным. Поэтому решение поддержать то или иное предложение следует скорее логике политической борьбы:

«Действует и человеческий фактор, в том числе узкие интересы. Если бы существовало системное видение, как оценивать проекты, это уменьшило бы влияние человеческого фактора. [...] Бывали случаи, когда члены оппозиционных фракций в личных беседах говорили, что они согласны с нами, но на заседаниях голосовали против нас из-за политической конъюнктуры» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член ЕНД).

2.4. Система контроля и наказания

Существующая система поощрения и наказания превращает депутатов и членов городского правительства в пассивных исполнителей указаний партии. Взамен лояльности по отношению к правящей группе члены партии получают определенные дивиденды, причем они тем щедрее, чем выше должность. Кроме формально определенных привилегий (например, оплаченная телефонная связь, служебный автомобиль, комфортабельные кабинеты; зарплата, которая с 2005 г. обозначается как «компенсация затрат членов сакребуло»), существуют и неформальные поощрения, такие как «именные программы» (см. ниже) и определенные ресурсы влияния на глав городских служб (т. е. на членов городского правительства). «Именные программы», в свою очередь, могли быть использованы в качестве контрольного механизма для поддержания лояльности среди членов партии. Особенно

сильное влияние имели председатели фракций и секретарь сакребуло, которые пользовались им в своих интересах, например, устраивая так, чтобы городские службы выполнили ту или иную работу для них, их друзей, родственников за счет государства, или отдали предпочтение какой-либо компании в тендере. Например, представитель сакребуло использовал городскую службу благоустройства для ремонта своего дома, который вносился в список зданий, ремонтируемых за счет бюджета. Другой вариант: выделить городской службе стройматериалов и денег больше, чем необходимо в действительности, на осуществление работ в том или ином проекте, например, при возведении памятника, чтобы потом использовать оставшиеся деньги на благоустройство квартир членов сакребуло. По информации сотрудника аппарата мэра Тбилиси в 2004-2005 гг., некоторые члены сакребуло пользовались такой возможностью. Определенными дивидендами можно пользоваться и после ухода из политики:

«У меня хороший контакт с теперешним председателем сакребуло. Сегодня нам нужно было получить автобус, чтобы поехать в село Курта, я позвонил, и он сразу сделал. [...] Если у меня возникнет какая-то проблема, я позвоню и мне помогут» (председатель фракции большинства в сакребуло в 2002-2004 гг.).

Что касается системы наказания, то можно выделить два вида санкций: непопадание в предвыборный список при следующих выборах в сакребуло и, в крайнем случае, преследование бывшего депутата в законном порядке, для чего специально собирается компромат. По словам информанта из оппозиционной партии, для контроля над своими членами правящая партия прибегает к шантажу.

2.5. Доступ к информации как механизм исключения «чужих»

Доступ к информации в сакребуло является своего рода индикатором привилегированного положения членов правящей группы. Сокрытие информации служит цели свести до минимума сопротивление оппозиции и провести желаемые решения. В 2002-2003 годы, до «революции роз», когда сакребуло было оппозиционным, его членам было трудно получать информацию от силовых структур и от глав районных администраций (*гамгебели*), которые были назначены Шеварднадзе: информация поступала не вовремя и в неполном виде. Иногда это служило причиной популизма в сакребуло:

«Если вопрос касался популярных мер, то все были вынуждены проголосовать «за» несмотря на недостаточность информации» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член ЕНД).

В сакребуло 2002-2004 гг., когда большинство мандатов принадлежало оппозиционной партии ЕНД, а исполнительная ветвь самоуправления была лояльной к центральной власти, характер взаимоотношений между институтами городской власти определялся политической конъюнктурой, персональными качествами политического лидера и ожиданием политических перемен. Несмотря на публичную критику, мэр города Зоделава, предпочитал не входить в открытую конфронтацию с председателем сакребуло Саакашвили:

«На низовом уровне исполнительной власти все понимали, что предстояли изменения, и старались не делать резких шагов против сакребуло, тем более после того, как сакребуло опубликовало материалы антикоррупционной комиссии и с шумом освободило от должности нескольких глав городских служб» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член ЕНД).

После «революции роз» проблем с закрытостью информации в сакребуло стало меньше, чем в предыдущий период, но доступ к информации опять контролируется властью. По словам представителей оппозиции, раньше, когда большинство готовилось внести инициативы, которые, по их мнению, должны были вызвать сопротивление оппозиционных фракций, информация давалась непосредственно перед заседанием или за час до него, в нарушение регламента. Доступ к информации был не одинаков не только для большинства и для оппозиции, но и внутри правящей группы. В партии большинства существовала еще более узкая элита, которая имела более свободный доступ к информации по сравнению со своими не столь привилегированными коллегами по партии. При недоступности информации официальными путями, оппозиционные депутаты могли воспользоваться и неофициальными каналами, в которых личные знакомства играли более важную роль, чем политические интересы:

«Некоторые члены Национального движения тайком давали нам информацию о своих соратниках по партии, мы получали информацию и от сотрудников мэрии. Если мы называли источники информации, то эти каналы информации сразу перекрывались» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

В сакребуло последнего созыва информация уже представляется своевременно с соблюдением регламента, так как большинство не нуждается в этом способе манипулирования голосованием. Оно может провести любую инициативу, поскольку три оппозиционных депутата не имеют возможности оказать существенное влияние.

2.6. Сеть патрон-клиентских отношений

Как уже было сказано выше, после «революции роз» основная борьба за власть происходит в кулуарах исполнительной ветви городского самоуправления. Среди членов большинства в сакребуло существует два лагеря, связанные клиентелистскими отношениями либо с мэром города, либо с премьером. В борьбе за влияние решающее значение имеет то, какое место занимает чиновник в цепи патрон-клиентских отношений, во главе которых находится лидер партии Национального движения. Первый мэр Чиаберашвили, назначенный после смены власти, был более уязвим для неприятностей, исходящих от политических противников, чем его последователь Угулава, так как последний числится в ближайшем окружении Саакашвили, а Чиаберашвили не только не входил в этот круг, но даже не являлся членом правящей партии. Без включения в сеть патрон-клиентских отношений он становился беззащитным.

Помимо мэра и премьера, определенную степень влияния на членов городского правительства имеют также некоторые представители сакребуло, располагающие партийным ресурсом. Особенно влиятельные в партии лидеры могли повести за собой других членов партии в сакребуло и противопоставить городской законодательный орган руководству городской службы, чего последние пытаются избежать путем принятия во внимание позиции влиятельных депутатов.

3. Действие неформальных механизмов на практике: случай объединенной службы культуры, образования и спорта

Наконец, рассмотрим функционирование клиентелистских отношений и механизма контроля на примере конкретного случая. В марте 2004 г. мэр Тбилиси Чиаберашвили объединил городскую службу Образования и культуры и городскую службу спорта. Основной функцией объединенной структуры стала организация культурных и спортивных мероприятий, являющаяся одной из компетенций городского самоуправления. Инициатива мэра включала не только структурную

реорганизацию, но и кадровую перестановку. Еще до объединения двух служб ходили слухи о том, что во главе объединенной организации предполагалось назначить Наталью Мачаладзе, до этого не имевшую опыта работы в указанной структуре. Члены сакребуло были недовольны как объединением этих структур, так и той кандидатурой, которая была представлена на пост руководителя объединенной службы. Н. Мачаладзе была одноклассницей мэра Чиаберашвили и пользовалась его поддержкой, хотя в качестве менеджера не имела опыта работы в указанной сфере. Данный вопрос считался практически решенным и было ясно, что ни один из руководителей двух прежних служб не мог претендовать на этот пост. Согласно высокопоставленному чиновнику мэрии того времени, приказ о назначении Мачаладзе был подписан по просьбе мэра премьером, поскольку назначение глав городских служб культуры, образования и спорта формально входит в сферу его компетенции.

Инициатива объединения встретила сопротивление со стороны членов городского законодательного органа сакребуло. Бывший председатель фракции большинства считает, что не только кандидатура Мачаладзе, но и сама идея объединения двух разных структур под одной крышей была ошибочной:

«Я бы не соединял эти службы... было много проблем в этих сферах, и Мачаладзе не смогла бы справиться со всем этим» (председатель фракции большинства в тбилисском сакребуло в 2002-2004 г.).

Кампания против Мачаладзе началась еще до ее утверждения на пост руководителя городской службы образования, культуры и спорта. По словам информанта, большинство депутатов сакребуло были настроены против Мачаладзе. Не ограничиваясь критикой Мачаладзе на заседаниях сакребуло, недовольная группа проводила небольшие митинги перед зданием мэрии, в которых участвовали некоторые представители шоу-бизнеса. Сотрудник мэрии вспоминает случай, когда известная певица пришла в кабинет мэра и требовательным тоном стала объяснять ошибочность такой кадровой замены. Лидером этой неформальной группы являлся заместитель председателя комитета сакребуло по вопросам образования и культуры. После того как Мачаладзе начала работать, ее оппоненты в сакребуло несколько раз инициировали комиссию для проверки ее ведомства, высказывали критику по поводу того, что она плохо выполняет свои функции. Они требовали ее отставки, но принципиальная поддержка мэра каждый раз ее спасала.

Еще более усугубила положение одна из инициатив Мачаладзе на посту руководителя объединенной службы, направленная на изменение порядка финансирования культурных мероприятий. На момент ее назначения бюджет службы, принимаемый законодательным органом городского самоуправления, включал не только суммы, выделенные на разного рода культурные мероприятия, но и указывал компании, которые должны были выполнять тот или иной госконтракт. Новая начальница, в свою очередь, настаивала на том, чтобы компании выбирались среди нескольких претендентов на основании конкурса.

Необходимо отметить, что в соответствии с законом о государственных закупках и иными подзаконными актами структуры городской мэрии осуществляют закупки по четко определенным правилам, которые регламентируют также предельные суммы расходов. В мэрии Тбилиси, в отличие от мэрий других городов Грузии, закупки находятся в ведении городских служб, что объясняется экспертами большим объемом бюджета Тбилиси и большей диверсифицированностью его управленческих структур. Существующее законодательство предусматривает четыре типа закупочных операций: договор с юридическим лицом, котировка цен, тендер и отдельная процедура для закупки интеллектуальной собственности. Применение каждой из этих процедур зависит от бюджета и от специфики закупки, а также от временных рамок. Существует специальная городская служба, в функции которой входит координация и контроль за соблюдением закупочных процессов другими городскими службами. При принятии решения о том, какая компания получит заказ от мэрии, создается специальная тендерная комиссия. Эта комиссия состоит из руководителей отдельных подразделений городской службы, и руководит ею глава организации. Члены комиссии назначаются главой организации, но в нее обязательно должны входить руководители юридического и финансового отделов. Решение принимается большинством голосов. Нетрудно представить, что право назначать членов комиссии главой организации дает возможность для лоббирования частных интересов. Разместить заказ напрямую, без участия комиссии, можно только в форс-мажорной ситуации, или при неотложных обстоятельствах. По словам эксперта, бывали случаи, когда при проведении культурных мероприятий процедура выбора компании проводилась в спешном порядке. Например, концерт зарубежной певицы в центре города в 2006 г. был организован по личной инициативе высокопоставленного чиновника, и на организацию тендера, обычно требующую 1-2 месяца, времени не оставалось.

Возникает вопрос, почему при наличии детальных формулировок закона правила выбора компании стали объектом дискуссии между представителями одной партии в городском законодательном собрании. По мнению эксперта,

«У всех есть конкретные интересы, и все пытаются помешать другим. Все хотят, чтобы назначили «его» кадра – всегда так было, так есть и сейчас» (эксперт, Национальная ассоциация самоуправления).

По распоряжению председателя большинства была создана специальная комиссия, которая должна была изучить деятельность Мачаладзе на посту главы городской службы. Комиссия стала местом объединения ее оппонентов. Одним из самых ярых противников Мачаладзе стал Окиташвили, руководивший до нее сферой культуры. Официально позиция членов сакребуло состояла в том, что они поддерживали кандидатуру Окиташвили на пост главы объединенной организации по причине того, что он эффективно выполнял свои функции. По словам депутатов того созыва, он был хорошим менеджером и неплохо работал в своей сфере. Однако, по мнению сотрудника мэрии, в кулуарах больше беспокойства высказывалось по поводу того, что после назначения Мачаладзе объединенная служба будет заключать контракты с компаниями посредством тендеров. Некоторые члены собрания открыто высказывались против проведения тендеров при выборе компаний, организующих культурные мероприятия.

Созданная межфракционная группа критически оценила деятельность Мачаладзе: основные замечания сводились к тому, что она не идет на контакт со своими сотрудниками и что принимаемые ею решения недостаточно отражают интересы данной городской службы. После представления выводов комиссии на пленарном заседании был поставлен вопрос об импичменте Мачаладзе, однако противники новой главы объединенной службы, подписавшие выводы комиссии, проголосовали против ее отставки:

«Мы подписались под заключением, которое указывало на множественные нарушения. Его подписало много членов сакребуло, в том числе председатель комитета сакребуло по вопросам образования и культуры, но перед заседанием раздался звонок сверху, и они проголосовали против импичмента Мачаладзе, против выводов комиссии. Думаю, этот звонок исходил от мэра» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

Во время этого конфликта премьер дистанцировался от обеих групп и открыто не высказывал свою позицию. Его роль заключалась в попытке примирения сторон, но, по словам информанта, неформально премьер симпатизировал скорее членам сакребуло, чем Мачаладзе. По мнению информанта, это было самое острое противостояние в сакребуло второго созыва.

Таким образом, противостояние в сакребуло по поводу Мачаладзе, которое иногда доходило до физического столкновения, закончилось сразу после того, как возникла реальная возможность того, что она может потерять свой пост. Как считает один из информантов, это объясняется покровительством мэра Чиаберашвили, который попросил спасти ее от отставки премьера, имевшего, по всей видимости, больше влияния на противников Мачаладзе. По словам другого информанта, одного из основных критиков Мачаладзе и члена межфракционной комиссии, правительство взяло на себя обязательство урегулировать вызвавшие нарекания моменты. Наконец, дело было взято под личный контроль премьера:

«Проблемы и вправду были более или менее исправлены, ослабло напряжение. Мы довольно часто проводили встречи комиссии и имели постоянный контакт с учителями, сотрудниками детских садов и т.д. Прецедентов было уже меньше» (председатель комиссии сакребуло по вопросам культуры и образования в 2002-2004 гг., член ЕНД).

Из слов другого информанта напрашивается вывод, что в правящей группе происходила борьба между отдельными фигурами за контроль над определенными сферами, а структурные перемены в городских службах и кадровая перестановка служили интересам мэра и увеличению его влияния:

«Мачаладзе начала осуществлять контроль над культурой Тбилиси, чего не стерпел Окиташвили, поскольку потерял свою должность. Все считали Окиташвили хорошим менеджером, но интересы стоящих за ними людей столкнулись. Национальное движение не является единой командой» (депутат тбилисского сакребуло в 2002-2004 гг., член Лейбористской партии).

Проводимые в то время конкурсы на должности в мэрии, в результате которых значительное число сотрудников было уволено, стали причиной роста недовольства политикой Чиаберашвили, что в свою очередь отразилось на Мачаладзе как его кадры. У каждой группы есть

неформальные связи с чиновниками: например, Окиташвили являлся «своим человеком» для определенной группы в сакребуло. От «своего человека» ждут, что он будет вести себя согласно интересам группы, а взамен получает поддержку от сети. Некоторые члены сакребуло лоббируют свои экономические интересы и заинтересованы в том, чтобы заказы от муниципальных организаций получали определенные компании.

Итак, для лоббирования интересов используются личные связи. Сеть этих связей формирует «свое» неформальное пространство. При приходе «чужого» возникает напряжение, и группа старается всеми силами защитить границы «своего» пространства от проникновения «чужих» сил. Для защиты «своего» пространства группа использует все формальные и неформальные ресурсы, которые имеются в ее руках. Борьба носит не межпартийный характер, она ведется в основном внутри одной политической группы не из-за идеологических или программных разногласий, а в силу разности интересов. Политическая партия имеет значение только в той степени, в какой люди, связанные с нею (но необязательно члены партии), могут принять участие в борьбе за ресурсы.

Выводы

Фактическая степень автономии городского самоуправления в большой степени зависит от распределения политических сил. Основным фактором, повлиявшим на принятие решения в период правления Шеварднадзе, являлась стратегия сохранения равновесия между различными игроками политического поля. Сохранение баланса сил осуществлялось путем принятия решений, которые давали преимущества тем акторам, усиление которых в данный момент шло на пользу равновесию в системе.

Неформальные механизмы играют существенную роль в системе принятия решений в органах самоуправления г. Тбилиси. До смены власти в результате «революции роз» основным ресурсом влияния являлись клиентелистские (личные) отношения. Границы системы, внутри которой происходило принятие решения, не всегда совпадали с границами правящей партии «Союз граждан Грузии». Другие политические структуры также имели влияние на принятие решения и играли важную роль в структуре равновесия. Многие влиятельные лица не входили в правящую партию, но имели тесные связи с элитами.

После 2003 г. начинается отход от стратегии периода Шеварднадзе. Новая тенденция состоит в том, чтобы, с одной стороны, сделать правящую группу более монолитной изнутри, а с другой – более четко обозначить границы той группы, которая причастна к принятию решения. Возникает централизованная система неформальных отношений с более жесткой неформальной иерархией, базирующейся на партийных связях. Круг влиятельных акторов на сегодняшний день ограничен правящей партией, в то же время ее формальная элита не имеет определяющего влияния на распределение власти внутри партии.

Новая тенденция подразумевает маргинализацию «проигравших». Можно сказать, что партия выполняет роль идентификатора, позволяющего отличить «своего» от «чужого», провести границу между принципиальными противниками. А те разногласия, которые возникают внутри партии, касаются в основном частных интересов и не представляют угрозы доминированию находящейся у власти группы, так как все члены партии заинтересованы в сохранении группы как таковой. Что касается более узкого круга влиятельной элиты, то ее лояльность по отношению к режиму не вызывает сомнений, поэтому для ее членов потребность в партийной идентичности отпадает.

Законы оставляют «лазейки» для действий, способствующих укреплению неформальных правил. Неформальные правила действуют не только там, где закон определяет правила действия недостаточно точно, но и там, где есть довольно детализированная правовая база. Конкретные решения зависят не столько от законов, сколько от личностей и от групп, которые могут решить вопрос по своему усмотрению.

Георгий Шубитидзе

КЛИЕНТЕЛИЗМ В МЕСТНЫХ ОРГАНАХ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГРУЗИИ (СЛУЧАЙ ШИДАКАРТЛИ)

Существование прозрачного и представительного местного самоуправления является необходимым, хотя и не единственным, условием создания жизнеспособного демократического режима. Сама сущность самоуправления выражается в его способности разрешать проблемы, возникающие на локальном уровне. В отличие от западных обществ, имеющих длительные традиции самоуправления и самоорганизации, в постсоветских странах наблюдается дефицит политического и культурного опыта функционирования местного самоуправления как структуры гражданского общества. Формально структура местного самоуправления была создана после провозглашения независимости Грузии. Она включала две ветви власти: законодательную – сакребуло и исполнительную – гамгеоба. Законодательная власть избирается гражданами; законодательный орган (сакребуло) избирает председателя сакребуло и гамгебели¹, который, в свою очередь, комплектует администрацию.

Последняя попытка реформирования системы местного самоуправления была предпринята с принятием Органического закона в 2005 году². Однако, несмотря на важные нововведения он также содержит, по мнению опрошенных экспертов, ряд недостатков и не способен решить наиболее острые вопросы. Во-первых, он изменил административно-территориальное устройство страны в сторону укрупнения, объединив 1000 самоуправляющихся единиц в 70 муниципалитетов, что создает проблемы реального участия граждан в самоуправлении, а также вносит неясность в вопрос административной принадлежности территорий. Во-вторых, он не решает проблемы финансирования муниципалитетов. Наконец, сохраняется неопреде-

---

1. Гамгебели – глава районной администрации.

2. Органический закон о местном самоуправлении в Грузии, 16.12.2005 (http://www.parliament.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&kan_det=det&kan_id=1739).

ленность в разграничении компетенций между уполномоченным президентом в регионе и местным самоуправлением.

Но помимо вышеуказанных проблем законодательного характера одним из важнейших факторов, препятствующих осуществлению прозрачного и самостоятельного самоуправления на муниципальном уровне, остаются сложившиеся за долгое время социальные сети с устойчивыми клиентелистскими отношениями, которые играют важную роль на местном уровне. Одной из существенных черт клиентелизма, выделяемых в литературе³, является то, что он основан на персонифицированных отношениях, которые складываются и сохраняются на протяжении долгого времени. Важно также отметить, что клиентелистские отношения не носят формального характера и существуют только на основе устных договоренностей. Эти отношения подразумевают определенное принуждение и согласие сторон, вовлеченных в этот процесс.

В данной статье мы покажем влияние клиентелистских отношений на методы и формы самоуправления в постсоветской Грузии на примере хашурского муниципалитета (регион ШидаКартли), который представляется довольно типичным. Мы попытаемся выяснить:

- Какие основные институты (группы интересов) и представители этих институтов принимают/принимали решения на местном уровне?
- Какую роль играет в управлении муниципалитетом (районом) региональный центр?
- По каким критериям формируется кадровая политика на местном уровне?

Настоящая статья основана на анализе углубленных интервью с информантами, которые принимали непосредственное участие в социально-политической жизни Хашурского района после обретения независимости Грузией⁴. Кроме того, в рамках кабинетного исследования был проведен анализ законодательства местного самоуправления в Грузии.

---

3. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х т. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 536. См. также: Пашин В. Политический клиентелизм кадровой политики властных структур: история и современность // Власть и элиты в современной России. Сборник научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003.

4. Всего было проведено 7 углубленных интервью со следующими представителями самоуправления и местного сообщества: Резо, заместитель гамгбели по вопросам экономики в 1993-96 гг., около 65 лет; Александре, руководитель Комитета по социально-экономическим вопросам и транспорту муниципалитета Хашури, около 70 лет; Мурад, профессор, бывший руководитель отдела образования в Хашурском районе, около 55 лет; Дато, председатель местной неправительственной организации, около 40 лет; Олег, бывший заместитель гамгбели (1998-2003), около 50 лет; Тамар, директор школы, около 60 лет; Нино, журналист, около 30 лет. В целях соблюдения анонимности интервьюируемых нами были введены условные обозначения «А, Б, В, ... - информант», которые будут фигурировать при цитировании их слов.

Мы проследим развитие неформальных отношений в местном самоуправлении Хашури, выделив следующие периоды: правление Гамсахурдия (1991), первый этап правления Шеварднадзе (1992-1995), второй этап правления Шеварднадзе (1995-2002). Это позволит нам проанализировать динамику основных клиентелистских сетей, существующих на районном уровне, а также выделить их устойчивые черты: принципы функционирования этих сетей и основные «правила отношений» в бюрократическом аппарате, остающиеся неизменными также после «революции роз». Наконец, обсуждение роли НПО, медиа и местной интеллигенции позволит понять причины, по которым в Грузии до сих пор отсутствует эффективный контроль гражданского общества над местной властью.

1. Самоуправление в Хашури в первые годы независимости Грузии: период «мифологического патриотизма»

Накануне распада Советского Союза, весной 1991 года, на заседании Верховного Совета Грузинской ССР, а затем на всеобщих выборах первым президентом Грузии был избран Звиад Гамсахурдия. Соответственно, в Хашурский район также пришло «национальное правительство». В этот период были созданы новые клиентелистские группы, новые клиентелистские отношения и новые правила игры. Остановимся более подробно на неформальных практиках управления в органах местной власти в первые годы после обретения независимости Грузией.

Приход нового правительства ознаменовал собой смену форм, методов и кадрового состава управления. Старая «коммунистическая» номенклатура была смещена со всех важных должностей⁵, однако многие сотрудники среднего и низшего звена остались на своих местах. Для осмысления того, какими ценностными качествами обладали новые правители и как они осуществляли свои функции, необходимо проанализировать их социальные характеристики. В «новом» правительстве можно выделить две основные группы. Во-первых, это граждане, принимавшие активное участие в национальном движении (в 1988-1991 годы), являвшиеся членами партий «Круглый стол – свободная Грузия», «Национал-демократическая партия» и других. Среди их основных социальных характеристик можно назвать гуманитарное образование. Кроме того, их объединяло более или менее дис-

---

5. По причине того, что в районном архиве не существует статистических данных о количестве освобожденных сотрудников, наш тезис основывается на устных данных информантов.

сидентское прошлое и конфликтные отношения с коммунистической властью. Один из информантов так охарактеризовал представителей этого движения:

«У них было очень мифологическое восприятие патриотизма, они хорошо знали историю Грузии, грузинскую литературу, могли читать стихи о патриотизме, но у них не было никакого опыта управления. Они не знали, какие материальные ресурсы имел район и т.д.» (Б-информант).

Ко второй группе новых управленцев принадлежали те граждане, которые были чиновниками в советское время и тогда же по разным причинам были освобождены от должностей (за взяточничество, за растрату государственного имущества и т.п.):

«Они были обижены на коммунистические власти, потому что сами работали в разных органах при старом режиме, но по разным причинам, в основном за превышение должностных полномочий, были уволены» (Б-информант).

В этот период в Грузии доминировал «националистический» дискурс: страна имела возможность стать независимым государством, осуществить свой «исторический проект». Поэтому главным критерием была «идеологическая» готовность новых чиновников, а второстепенным – навыки: рациональное осмысление, планирование развития страны (района), менеджмент и т.д. Назовем такой подход к управлению «мифологическим патриотизмом». Но за этими настроениями, в тени, получали оформление частные интересы новых чиновников. Информанты отмечают, что в этот период для местной власти был характерен субъективный подход к кадровой политике. Сотрудники могли быть освобождены от должности из личных соображений. Практически не существовало объективных критериев для назначения кадров:

«Правление было очень агрессивным, установки были субъективны. Они могли пожертвовать всеми, кто, по их мнению, был не с ними» (Г-информант).

Такой стиль принятия управленческих решений отражает то радикальное движение, которое происходило в обществе, строго дифференцированном по принципу «свой» и «чужой». В это время, по

мнению информантов, местной власти практически не существовало. Район не имел своего бюджета, методов и форм управления. Центральная власть не обращала на него внимания:

«Правление Гамсахурдия было правлением только в границах столицы. На районном уровне у них не было практически никакой политики. Район существовал по инерции» (Б-информант).

Такие оценки выносят те информанты, которые работали в районной администрации во время Советского Союза: советский опыт, конечно, влияет на их восприятие. На деле местная власть формально существовала, но она не имела реальных функций и механизмов, чтобы создавать общественное благо. Довольно скоро в районе начали усиливаться социально-экономические проблемы, и в обществе в целом стало расти недовольство новой властью, выразившееся в ностальгии по «советской власти». Местная власть была вынуждена начать налаживать отношения с представителями старой, «опытной номенклатуры» и назначать их на общественно важные должности в целях урегулирования проблем. Так возобновилось влияние старой номенклатуры на местное самоуправление:

«Было трудное время, особенно с экономической стороны. Префект района приглашал меня на место председателя по экономическим вопросам. Я начал работать, но практически ничего не мог сделать. У района не было никаких ресурсов» (Б-информант).

Другим отличительным признаком этого времени было то, что практически не существовало формальных или неформальных институтов и механизмов, которые урегулировали бы отношения между районом и центральной властью. Данная ситуация была обусловлена тем, что в Тбилиси центральная власть не была окончательно структурированной и не могла успеть уладить такие структурные проблемы, как территориальное устройство Грузии и т.д.

В этот период в Грузии, как и в других постсоветских обществах, начинается формирование нового социального слоя – бизнесменов. В него в основном вошли директора местных производственных предприятий, некоторые бывшие чиновники. После прихода к власти «Национального движения» они, как правило, сохранили свои должности. Именно они создали первые кооперативы на базе заводов и фабрик (1991–1996 гг.), а вскоре началась распродажа национальной

собственности. Существовали неформальные договоренности между этой группой и представителями местной власти, которые тоже получали материальные дивиденды от этих процессов. Отношения между ними регулировалась устными договорами. Как указывает один из информантов:

«Тогдашние правители не были заинтересованы в том, чтобы в сферах их влияния были местные производственные предприятия. Может быть, они вообще не понимали значения этой сферы. Просто между этими группами был договор, выгодный для обеих сторон» (Б-информант).

Надо отметить, что формирование местных бизнесгрупп продолжилось и усилилось уже после прихода к власти Шеварднадзе в 1991-1998 годах⁶.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие основные черты системы управления на районном уровне во времена Гамсахурдия:

- уход старой номенклатуры и комплектование местной бюрократии из членов национального движения, которые не имели никаких навыков управления;
- возникновение новых клиентелистских групп на уровне администрации и «субъективный подход» к кадровой политике;
- дефицит механизмов регулирования отношений между районом и центром;
- сращение бизнес-элиты и административной элиты.

2. Ранний период правления Шеварднадзе (1992-1995): «реванш номенклатуры»

22 декабря 1991 г. в Грузии началась гражданская война, которая закончилась 6 января 1992 г. бегством первого президента страны Звиада Гамсахурдия. После этого восставшие командиры Тенгиз Китовани (командир грузинской гвардии в 1991-1992 гг.) и Джаба Йоселиани (лидер неформального военизированного объединения «Мхедриони») попросили Шеварднадзе вернуться в Грузию. В октябре 1992 г. состоялись парламентские выборы, на которых Эдуард Шеварднадзе

6. См., например: *Лосаберидзе Д.* Самоуправление в Грузии – тенденции развития. Тбилиси: Кавказский институт мира, демократии и развития, 1998 (на груз. яз.).

был избран председателем парламента и руководителем государства. Примечательно, что смена власти в Грузии произошла посредством восстания, а не демократическим путем.

После гражданской войны и государственного переворота в Хашурском районе также произошли изменения в местных группах интересов и в правящей элите. В особенности нужно отметить появление представителей военизированных формирований «Мхедриони» и «Гвардия», которые начали контролировать производственные предприятия. Местная администрация была очень слаба, и в решениях вопросов особое влияние имели представители этих вооруженных группировок. По словам тогдашнего директора хлебного завода:

«Практически каждый день приходили представители «Гвардии» и «Мхедриони». Они абсолютно бесплатно брали несколько тонн хлеба. Я несколько раз встретился с председателем местной гвардии, он обещал помочь, сам посетил завод, и после этого три или четыре дня они (представители военных формирований) не приходили; потом все началось сначала» (Б-информант).

Некоторые респонденты также подчеркивали, что в этот период активно распродалось оборудование промышленных государственных предприятий, которые предварительно были приватизированы директорами и их приближенными лицами. После стабилизации власти в период правления Эдуарда Шеварднадзе, центральная администрация начинает укреплять свое влияние на районном уровне. Одновременно с этим происходит возвращение во власть старой номенклатуры. На должность гамгбелли был назначен человек, имевший большой опыт работы в райкоме во времена Советского Союза. Этому способствовало как местное общество (директора средних школ, местных заводов, учителя, советская номенклатура), так и центральная власть. По словам информантов:

«Хведелидзе был депутатом в Парламенте Грузии и предпринимал шаги, чтобы стать гамгбелли. У него была своя группа в районе, которая проводила его интересы и была подотчетна ему со времен Советского Союза» (Д-информант).

«Хведелидзе был одним из лучших менеджеров в районе. Он был значительным феноменом, после него такое никто не мог повторить. Когда он пришел в высшие круги правления [в советский период], он помогал своим друзьям и сотрудникам начать работу в разных организациях (в школах, больницах и на промышленных предприятиях).

И их должности росли вместе с продвижением Хведелидзе по иерархической лестнице. С одной стороны, он делал все, чтобы у его людей было серьезное влияние в своих организациях. С другой стороны, он не терял власти над этими людьми. В реальности он создал свой клан» (Б-информант).

По мнению информантов, Хведелидзе, будучи депутатом, решил стать гамгебели в основном по двум причинам. Во-первых, на его решение повлияло то, что в то время исполнительная власть имела большее влияние, чем законодательная; во-вторых, высшая власть была заинтересована, чтобы районом правил «свой кадр». Этот случай позволяет увидеть механизмы формирования и укрепления власти Шеварднадзе одновременно «сверху» и «снизу» – посредством встраивания старой номенклатуры в новые реалии. На какие человеческие ресурсы они опираются, как возобновляют старую клиентелистскую сеть и начинают осуществлять свою власть?

До прихода Хведелидзе в районе было трудное социально-политическое положение: был дефицит хлеба, и, соответственно, росло недовольство населения местной властью в целом, и работой гамгебели в частности. Нужно отметить, что дефицит хлеба имел место по всей стране. Рыночная цена на хлеб была высокой, несмотря на попытки центральной власти ее контролировать. Хведелидзе (в этот период он был мажоритарным депутатом от Хашурского района в Парламенте Грузии) пускает в ход стратегии, имеющие целью получение власти в районе. Для этого он начинает работать со «своими людьми», задействуя вместе с тем «полезные» контакты в центре. Члены его клана организуют манифестации против прежнего гамгебели, в которых принимают участие учителя, лица, пользовавшиеся авторитетом в местном обществе, и представители разных социальных слоев. Согласно одному из информантов:

«В те дни лидеры манифестаций часто уезжали в Тбилиси и встречались с Хведелидзе, чтобы получить рекомендации, как действовать дальше. Люди протестовали из-за вопроса о хлебе; интересно, что эта проблема была во всей Грузии и никак не касалась местной администрации. Хведелидзе вернулся в район вместе с заместителем тогдашнего премьера – Автандилом Маргиани. Протестующие были в зале Дома культуры железнодорожников. Именно в этом зале заместитель премьера освободил от должности предыдущего гамгебели и назначил Хведелидзе» (Ё-информант).

Это явление мы можем назвать реваншем старой номенклатуры, который имел следствием воссоздание старых клиентелистских сетей. Этому способствовало совпадение политических интересов двух основных игроков: центральной власти и групп интересов (экономических и административных) на уровне района.

Во-первых, центральная власть, особенно ее исполнительная ветвь, которая стремилась, с одной стороны, уладить конфликтную ситуацию, возникшую в районе, и с другой – обеспечить поддержку Хведелидзе. Один из участников манифестации того времени вспоминает заявление государственного министра:

«В районе ситуация очень сложная. Я вижу, как много людей собралось в этом зале. По моему мнению, единственный выход из положения – это уход с должности нынешнего гамгели. Реальный кандидат, у которого есть опыт и способность урегулировать положение в районе, – это депутат Парламента Грузии, господин Хведелидзе».

Благодаря назначению последнего центральная власть гарантировала свое влияние в районе, которое она использует в будущем для осуществления своих экономических (теневая экономика) и политических (выборы) интересов.

Во-вторых, Хведелидзе и связанные с ним группы интересов⁷, среди которых можно выделить две. В первой более влиятельной и близкой группе, *«главным арбитром был Хведелидзе»* (Б-информант). В течение нескольких лет эта группа принимала все важные решения. По мнению информантов, она включала всего четыре или пять человек – главного прокурора района и несколько влиятельных чиновников. При этом местный сакребуло и другие официальные структуры существовали только де-юре. Фактически, решения принимались на неформальных встречах этой группы: *«Если гражданин хотел купить землю или что-то еще, он должен был получить согласие прокурора»*.

С формальной точки зрения, прокурор не вправе решать такие вопросы, как покупка земли или приватизация государственной собственности. Они относятся к компетенции соответствующих комитетов местного самоуправления. Вышеупомянутый случай свидетельствует о том, что формальные отношения слабы, а приоритетны – клиентелистские отношения, особенно в финансовых и в кадровых

7. Мы используем термин «группа интересов» как синоним клиентелистских групп в районе, поскольку, на наш взгляд, отношения между членами группы интереса в Грузии, в отличие от классических определений групп интереса в западных демократиях, определяются на основе патрон-клиентских взаимоотношений.

вопросах района. Вторая группа менее влиятельная и сплоченная. Это люди, которые помогли Хведелидзе стать гамгбели и в дальнейшем получали благодаря этому определенные дивиденды, но не принимали участия в процессе управления.

Таким образом, Хведелидзе получил контроль над ситуацией в районе как с политической и экономической, так и с административной точки зрения. В этом «авторитарном правлении», по мнению информантов, ему было очень трудно урегулировать отношения с бывшим местным криминальным авторитетом Мосулишвили⁸. В советское время он был судим за убийства (в общей сложности, 6-7 человек). После распада Советского Союза он добился определенной власти в районе и был выбран членом сакребуло, в том числе благодаря покровительству на высшем уровне МВД. По мнению информантов, Хведелидзе был вынужден удовлетворять все его требования, особенно в процессе приватизации:

«Он приватизировал в районе практически все, что мог. Хведелидзе не мог сопротивляться ему, потому что, с одной стороны, тот имел сильных покровителей в МВД. С другой стороны, он просто боялся этого человека» (А–информант).

«У него были свои люди в местной полиции тоже. Он шантажировал гамгбели» (Б–информант).

В этом случае интересно и то, что в главной правящей группе также случались конфликты, которые чаще всего касались кадровой политики. Каждый ее член хотел иметь «свои» кадры на влиятельных должностях. В таких ситуациях «выигрывал» тот, кто заручался поддержкой более влиятельных чиновников в столице:

«Конфликты в правящей группе иногда бывали, но об этом местное общество не знало. Все развивалось скрытым путем. Особенно важным было, кто был руководителем местной полиции, суда и отдела управления государственным имуществом и т.д. Например, когда руководителем полиции был человек, которому покровительствовал прокурор, он/она имел большее влияние в этой сфере, чем гамгбели» (А–информант, работавший в то время в гамгеоба).

Данный комментарий показывает несколько важных аспектов сложившейся системы управления: во-первых, отношения в правящей

---

8. Здесь и далее, когда приводятся фамилии, вместо настоящих фамилий используются псевдонимы, кроме фамилии гамгбели.

группе носят непубличный характер; во-вторых, сферы влияния не сосредоточены в руках только одного правителя; наконец, влияние того или иного чиновника зависит от позиции тех лиц, которые покровительствуют им в центре. Мы можем реконструировать клиентелистскую вертикаль, где каждое звено имеет свою неформальную роль и функции в управлении.

Итак, период правления Хведелидзе характеризовался следующими чертами:

- создание небольшой правящей группы, в основном из старой номенклатуры, контролирующей все материальные ресурсы в районе и создающей новую клиентелу;
- управление основывается на неформальных отношениях и потом разными путями законно оформляется;
- конфликты в правящей группе носят скрытый характер и регулируются с помощью вмешательства из центра;
- на первом этапе правления Шеварднадзе уполномоченный президента не имеет большого влияния (подробнее об этом см. ниже).

3. Поздний Шеварднадзе (1995-2002): «колонизация» Хашури

Во время правления Гамсахурдия центр не имел формальных и неформальных механизмов осуществления контроля над районами:

«Мы были в божьих в руках. По-моему, Гамсахурдия был президентом только в Тбилиси, районные центры не контролировал и не помогал им. Новые чиновники и префект, которые пришли из «Национального движения», не имели опыта управления, и шло расхищение государственного имущества» (Б-информант).

Шеварднадзе начинает укреплять свою власть в регионах. С одной стороны, для регулирования отношений между центром и районом создается новый институт уполномоченного президента (губернатора) в регионах Грузии (1994). С другой стороны, он назначает на пост гамгебели кадры из старой коммунистической партии. Один из информантов назвал период (начиная с 1995 г.), соответствующий росту влияния уполномоченного президента, «*колонизацией Хашури со стороны Гори*»⁹. В это время влияние гамгебели на процесс принятия

9. Гори – центральный город региона ШидаКартли, где находится администрация уполномоченного президента.

решений на местном уровне уменьшается в пользу уполномоченного президента в регионе, который, с одной стороны, имеет свои политические или меркантильные интересы, а с другой – осуществляет политику центральной администрации. По мнению информантов, влияние уполномоченного президента часто зависело от того, какими ресурсами и социальным капиталом он обладал в регионе, и от того, какие неформальные связи и политическое влияние он имел в органах центральной власти. Информанты также отмечали, что влияние уполномоченного президента возросло после назначения на эту должность Бадри Хатидзе, который являлся членом влиятельной политико-административной группы:

«В неделю три раза гамгებელი и сотрудники гамგეობა приезжали в Гори, чтобы встретиться с губернатором. Я не знаю, какие вопросы они обсуждали, но точно знаю, что средствами, затраченными на бензин, который расходовался для визита в Гори, можно было решить много проблем» (А–информант).

«Очень сильное влияние имел Гори. Мы не могли даже света включить вечером в городе без согласия представителей администрации президента в регионе ШидаКартли» (Б–информант).

Для выяснения вопроса, какими методами и в каких сферах осуществлялось влияние из региона, приведем мнение одного из информантов, который работал в то время в гамგეობა и занимал значительную должность:

«Гори диктовал основное направление в кадровой политике, а также по части выполнения бюджета. Официально эти вопросы их не касались, но они писали рекомендации и если мы не выполняли эти рекомендации, они могли освободить нас от должностей. Они всегда старались дать нам почувствовать, что «это мы вышестоящие». Было бесполезно тратить время и нервы. Само мое назначение первым заместителем гамგებელი было решено в Гори. Тогдашний хашურский гамგებელი не хотел, чтобы мне дали такую должность» (А–информант).

Таким образом, «колонизация» Хашури проявилась в следующем:

- Влияние на административный аппарат и вмешательство уполномоченного президента в кадровую политику на местном уровне,

- Определение норм неформального поведения в теневых экономических отношениях. Вмешательство и влияние на процесс приватизации в районе.
- Частые неформальные визиты к губернатору в региональный центр (Гори) гамгбели и его заместителей.

4. Динамика и устойчивые черты клиентелистской сети в муниципалитете Хашури в постсоветский период

Проведенное исследование показало, что клиентелистская сеть на районном уровне не является статичным и однородным явлением. Полученные данные позволяют утверждать, что роль и влияние различных социальных групп в клиентелистской сети изменялись с течением времени. Во-первых, они зависели от ситуации в государственных структурах в центре. Точнее говоря, от того, какие группы интереса имели большее влияние в центральных правительственных органах в тот или иной момент и какие отношения связывали представителей высших государственных структур с разными местными группами. Во-вторых, имел значение расклад сил в самом районе и методы правления, характерные для местных чиновников. В-третьих, необходимо учитывать специфический интерес, которым руководствовалась та или иная группа, стремясь осуществить свое влияние на местном уровне. Социальные акторы, действующие в рамках местной клиентелы, могут быть охарактеризованы на двух взаимозависимых уровнях: личностные характеристики (материальное могущество, авторитет на местном уровне, связи с влиятельными членами в высших государственных структурах) и членство в той или иной местной социальной группе (роль и влияние группы интересов в клиентелистской сети, патроны группы).

Однако, хотя конкретные акторы, входящие в местную клиентелистскую сеть, менялись, *неизменным остается правило социальных отношений*: общие ценности и борьба за приобретение власти. Неизменной в разные периоды остается фактическая зависимость местного самоуправления от региональных властей, о чем можно сделать вывод на основании слов интервьюируемых, имевших опыт работы в этих структурах в разные периоды. Так, информант, работавший в местном самоуправлении в середине девяностых годов, реконструирует отношения между регионом (Гори) и районом (Хашури) следующим образом:

«Гамгembali и гамгеоба не могли принимать решения без согласия губернатора даже по таким вопросам, которые его (губернатора) не касались. Гамгembali был неформально ему подотчетен» (А-информант).

Второй информант, который работает в местном самоуправлении по сей день, рассказывает:

«Сегодня очень трудное положение в самоуправлении, такой ситуации не было даже во время Шеварднадзе. Парламент принял новый законопроект о самоуправлении, по которому самоуправление формально выглядит независимым органом, но реально гамгеоба не имеет никаких прав. Губернатор решает все, даже кто будет уборщицей, не говоря о планировании бюджета...» (Б-информант).

Представители местного самоуправления не являются независимыми в том, что касается принятия решений. Особенно это заметно в вопросах финансирования. При увеличении финансирования из центра или в случае роста местного бюджета, соответственно, возрастает региональный контроль. При этом гамгembali не пытается в полном объеме реализовывать свои, прописанные в законе, полномочия. По мнению одного из информантов, это происходит по следующим причинам:

«Может быть, они нехорошо знают свои права, может быть, они боятся потерять свои позиции, возможно, такова государственная политика».

Можно предположить, что в этой системе неформальных отношений каждое звено играет свою роль, соблюдая некоторые обязательства в обмен на материальные или социальные дивиденды. Кроме того, по нашим наблюдениям, чиновники часто предпочитают не брать на себя ответственность, поскольку при авторитарных отношениях в аппарате для карьеры гамгembali лучше, если он/она будет выполнять указания вышестоящего начальника, а не подчиняться закону.

Клиентелистская сеть характеризуется также тем, что ее члены действуют в соответствии с общепринятыми правилами, привычными для традиционных обществ. Этот конфликт между правосознанием и традициями проявляется особенно остро в сфере кадровой политики. В каждый из периодов, последовавших за распадом Советского Союза, – времена Гамсахурдия, Шеварднадзе и после «революции роз» – происходила почти полная смена кадрового состава. Характерным для всех периодов было назначение основной части кадров, когда исходили из родственных и дружеских связей. По словам информантов:

«Во время Гамсахурдия пришли новые чиновники, в основном из «Национального движения». На ответственные должности они назначили своих близких, но все они были националистами и очень агрессивно относились к старой номенклатуре» (В-информант).

«Хведелидзе, возвращаясь в район, приводит свои опытные кадры из старой номенклатуры. Они начинают активные действия и распределяют ресурсы района. Позднее, когда возрастает влияние губернатора, он (губернатор) вмешивается в кадровую политику района» (Д-информант).

«Вопрос, как формируется кадровая политика после «революции роз», очень интересен. Там есть несколько сторон. Говорят, что близкий друг гамгебели является другом брата президента, и он имеет очень близкие отношения с его семьей. Кроме того, он хочет участвовать в будущих парламентских выборах и иметь свои кадры на местном уровне. Он также имеет свои интересы в ходе нового процесса приватизации. С другой стороны, также важна роль губернатора, который очень часто решает, кого и на какие должности должен назначать гамгебели» (Е-информант).

Из сравнения этих высказываний видно, что клановые связи во всех трех случаях играют значительную роль. Однако каждый из них имеет свою специфику, и само по себе членство в тех или иных родственных или дружеских кланах не является достаточным условием для включения в местную клиентелистскую сеть. В случае Гамсахурдия было важно, чтобы актер имел в прошлом опыт участия в «Национальном движении». При Шеварднадзе имели значение опыт работы и членство в коммунистической номенклатуре. А также, по словам одного из информантов, *«часто на должностях назначались дети старых чиновников»*. Особый интерес вызывает положение дел после «революции роз», когда кадровая политика в районе начинает формироваться в основном под влиянием человека, приближенного к президентской семье и губернатору. Формально ни губернатор, ни друг гамгебели не имеют права вмешиваться в кадровую политику, но фактически решения принимают они. Существенно, что вопрос приватизации и дивиденды, которые могут быть из этого извлечены, одинаково важны как во времена Шеварднадзе, так и после «революции роз».

Кроме дружеских связей и традиций, для включения в сеть важно совпадение личных интересов с интересами других членов группы. Например, бывали случаи, когда в районе на какой-нибудь значительный пост назначали чиновника из другого района или из столицы. Не Соответствуя

ни одному из вышеперечисленных критериев (дружба, лояльность) для включения в местную клиентелистскую сеть, при определении своих целей, интересов и возможностей он/она успешно вписывались в сеть.

5. Интеллигенция: рудимент гражданского общества или группа интереса?

В процессе исследования наше внимание привлекла роль местной интеллигенции в жизни района. Очерчивая границы той группы, которую можно именовать интеллигенцией, мы решили ориентироваться на самоидентификацию информантов: *«мы представители местной интеллигенции»* (бывший председатель отдела районного образования); *«часто встречались представители местной интеллигенции: учителя, врачи, журналисты»* (директор средней школы). На наш взгляд, это самоопределение в качестве «интеллигента» идет из советского времени, когда искусственно с помощью государственных институтов происходило формирование местной интеллигенции. Те, кто имеет свою сеть и круг неформальных отношений в этой среде, по сей день продолжают так себя воспринимать. Во времена Советского Союза эта группа имела от государства различные дивиденды. В свою очередь, они укрепляли коммунистическую власть с помощью идеологии и контроля в тех сферах, которыми они руководили. Кроме того, представители интеллигенции имели/имеют большой авторитет на местном уровне. Естественно, представители государственных структур старались, чтобы с этими сферами у них были хорошие отношения.

Конфронтация имела место во времена правления Гамсахурдия, когда к власти пришли представители «Национального движения». Те представители местной интеллигенции, которые имели хорошие отношения с коммунистической властью и иногда были членами этой партии, потеряли свое влияние. Более того, представители новой власти и ставшие близкими им представители «национальной интеллигенции» часто называли их людьми, предавшими своей народ:

«Когда они пришли, начали угнетать нас. Мы не могли говорить с ними. Мы им не нравились, и все. Они могли всех нас предать» (Г-информант).

Во времена Шеварднадзе, с приходом к власти старой коммунистической номенклатуры, в районе снова возрастает роль интеллигенции. Нужно отметить, что интеллигенция способствовала возвращению старой номенклатуры:

«Хведелидзе был хороший гамгебели. Он интересовался, как жили мы, местные интеллигенты. Почти каждый месяц благодаря финансированию гамгеоба мы устраивали культурные вечера, в которых принимали участие местные поэты, писатели и другие. Сам гамгебели всегда участвовал в таких мероприятиях» (Г–информант).

В 1998 году в районе формируется организация «Самокалако сакребуло» (Гражданский совет) типа неправительственной организации. Показательно, что совет осуществил несколько проектов, которые финансировались из районного бюджета.

«Мы организовали “Гражданский совет”, я был его председателем. В совете также были врачи, учителя, молодежь. Каждый месяц мы собирались и обсуждали проблемы и вопросы, как можно устроить улицы и фасады города. Часто даже ссорились. Мы работали, потому что любили наш город. К сожалению, реально ничего не могли сделать. Только сделали цикл передач на местном телевидении об исторических памятниках и о жизни местных знаменитостей. Передачу финансировало гамгеоба. Мы также старались, чтобы в гамгеоба на должности назначали членов нашего объединения. Несколько раз нам это удавалось» (В–информант).

Роль местной интеллигенции возрастает перед выборами. Часто они являются сторонниками представителей правящей партии, но другие кандидаты также пытаются заинтересовать представителей местной интеллигенции для получения их поддержки на выборах.

«Перед выборами 2003 года на том стуле, где вы сидите [имеется в виду стул, где сидел исследователь], в разное время сидели два кандидата, которые участвовали в выборах и были главными конкурентами. Оба они хотели, чтобы я был на стороне каждого из них, потому что они хорошо знали, что у меня был авторитет в обществе и я мог помочь им. Но я был раздражен, потому что сам хотел участвовать в выборах и знал, что мог победить. Однако избирательная комиссия искусственно не регистрировала мою кандидатуру. Поэтому я не поддержал ни одного из кандидатов» (Г–информант).

Из вышесказанного следует, что местная интеллигенция является самостоятельной группой в неформальной сети, имеет собственные интересы и цели.

В последние годы в Грузии получили актуальность дискуссии об определении и различиях интеллигенции и интеллектуалов. Кавказский институт мира, демократии и развития организовал дискуссию на эту тему и издал сборник публикаций, где главным отличием интеллектуалов от интеллигенции была названа их критичность по отношению к власти, в то время как интеллигенция – это способ оправдания действий власти¹⁰. Такую ситуацию мы видим в Хашури, где местная интеллигенция, как отдельная группа интереса, включена в клиентелистскую сеть и имеет свою роль и функции.

Кроме того, важно рассмотреть роль неправительственных организаций и независимых СМИ, являющихся на Западе важнейшими институтами обеспечения прозрачности решений и действенного контроля за действиями местных властей в условиях демократического общества. В период правления Хведелидзе, как и в более ранний период Гамсахурдия, в районе не существовало контроля власти со стороны неправительственных организаций (НПО) и независимых СМИ. Тогда было основано несколько НПО, но для местного общества их роль и функции оставались непонятными. Сами представители НПО также не имели опыта и человеческих ресурсов, чтобы осуществлять контроль над местным самоуправлением. В то время уже существовала формально независимая телекомпания, однако ее владельцы были очень лояльны по отношению к правителям:

«Цель местной телекомпании состоит лишь в том, чтобы делать деньги. Они всегда лояльны ко всем режимам управления и по сей день. Телекомпания не освещает проблемы района» (Ж–информант).

В связи с этим представляется важным провести дополнительное исследование, посвященное роли НПО и независимых СМИ в Грузии в период после «революции роз».

Данная статья – лишь первая попытка исследовать роль клиентелистских отношений на примере Хашурского района. Мы попытались показать основные черты и правила функционирования клиентелистских отношений на районном уровне. На данном этапе на основании данных, полученных в ходе углубленных интервью, мы можем заключить, что для осуществления местного самоуправления особенно важно включение управляющих в социальную сеть, где решения принимаются в основном неформальными путями.

10. Нодиа Г. Старая интеллигенция и новые интеллектуалы: измененные парадигмы? // Общество и политика. 2002. № 4. С. 9-20 (на груз. яз.).

Арчил Малания

ВЫНУЖДЕННО ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА (ВПЛ) ИЗ АБХАЗИИ В КУТАИСИ: 15 ЛЕТ СПУСТЯ

Посвящается Серапиону Малания

В конце 1980-х годов советская система оказалась на пороге всеобъемлющего кризиса. Наряду с нарастающими экономическими трудностями и неблагоприятной макроэкономической конъюнктурой, начавшаяся де-факто политическая дезинтеграция СССР фактически сделала невозможной «перестройку» его экономического механизма и общественного строя. Начиная с 1988 года, в Грузии и прибалтийских республиках активизировались «национально-освободительные движения», главной целью которых стал выход из состава СССР и восстановление суверенной государственности.

Одновременно внутри самой Грузии наблюдались схожие процессы, связанные с попыткой вывести из ее состава Абхазскую АССР и Южно-Осетинскую автономную область в 1989 г., за которой последовали столкновения между грузинским и абхазским населением. В 1990 г. Президиум Верховного Совета Абхазской АССР объявил о суверенитете этой автономной республики (АР), что вызвало еще большую напряженность как внутри Абхазии, так и в ее отношениях с центральным руководством Грузии. В августе 1992 года на территорию Абхазии был перемещен ограниченный контингент войск МВД Грузии. Официально целью ввода войск была названа охрана железнодорожных коммуникаций, которые подвергались разграблению, что наносило ущерб государству. Абхазская сторона расценила это как вооруженную агрессию, в результате чего начался широкомасштабный конфликт.

По окончании войны в самом тяжелом положении оказались люди, которые были вынуждены покинуть Абхазию, оставив свои дома, родственников и друзей, и начать свою жизнь заново в чуждой для них обстановке. Несмотря на то, что в период военных действий часть грузинского населения, в основном женщины и дети, покинули зону конфликта, его большая часть оставалась на

своих местах проживания вплоть до занятия Сухуми абхазскими вооруженными формированиями. Для того чтобы покинуть зону конфликта, им пришлось проделать тяжелейший путь. В условиях транспортной блокады Сухуми в конце сентября и начале октября 1993 г. большая часть населения, в том числе старики, женщины и дети, были вынуждены уходить через горный перевал. Из-за тяжелых природных условий и снегопада погибло большое число людей, значительное количество получило физические травмы, к чему добавился стресс, полученный вследствие вынужденного бегства и гибели близких людей:

«Мы оставили город и направились дорогой на Чуберский перевал, в Абхазскую Сванетию. По дороге были страшные картины человеческих трагедий» (А.Г., мужчина, 57 лет, ВПЛ).

Всего к концу сентября 1993 года в результате вооруженного конфликта в различные города, включая Кутаиси, из Абхазии мигрировали приблизительно 252230 тыс. человек, или 86307 семей¹, абсолютное большинство которых составляли этнические грузины². Как отразились на этих людях итоги конфликта в Абхазии, трудности вынужденной миграции? Как складываются их отношения с местным населением? Целью нашего исследования стала попытка определить те причины, которые не позволили ВПЛ полноценно интегрироваться в собственной стране.

Данное исследование проводилось в основном среди компактно проживающих ВПЛ из Абхазии в городе Кутаиси в течение 2007 года. Выбор Кутаиси в качестве объекта исследования определялся прежде всего тем, что, являясь вторым по величине городом Грузии и важным центром приема беженцев, он до сих пор оставался вне поля зрения исследователей, изучающих проблемы ВПЛ в Грузии. Помимо этого, крупный административный и промышленный центр, Кутаиси является своего рода индикатором проблем ВПЛ, которые, по нашему мнению, стоят еще более остро в других менее значимых по своему статусу населенных пунктах. Исследование проводилось в основном методом глубинного интервьюирования. Всего было проведено 10 интервью. При выборе респондентов мы старались соблюсти гендерный паритет (5 женщин и 5 мужчин), а также охватить различные возрастные категории (от 16 до 55 лет и

1. Справочник для вынужденно перемещенных лиц. Тбилиси: УНХСР; Ассоциация «Мигрант» и Министерство беженцев и расселения Грузии, 2002. Таблица 2. С. 267.

2. Ницхарадзе Г. Меньшинства в Грузии: ситуационный анализ (вынужденно перемещенные лица, турки-месхетинцы, религиозные меньшинства, этнические меньшинства). Рукопись (на груз. яз.).

выше). Три респондента в течении десяти дней вели дневниковые записи, в которых подробно фиксировались их контакты в течение дня. Анализ этих записей позволил составить схемы дружеских сетей, включающих как беженцев, так и местных жителей. Кроме того, были проведены интервью с «коренными» жителями Кутаиси и с государственными чиновниками, занимающимися проблемами ВПЛ.

1. Государственная политика в отношении ВПЛ: «интеграция с сохранением мотивации на возвращение»

Наше исследование позволило установить, что проживающие в городе Кутаиси беженцы не смогли полноценно интегрироваться в местное общество³. Эти люди до сих пор не могут смириться, что останутся здесь до конца своей жизни, продолжая надеяться, что конфликт в Абхазии будет урегулирован и что им будет дана возможность вернуться в покинутые дома⁴. У беженцев много проблем: экономические, социальные, коммунальные, жилищные и др. Беженцы страдают от пространственной сегрегации, социальной незащищенности, отсутствия работы, ресурсов и уверенности в завтрашнем дне. Многие аналитики отмечают недостаток внимания к их проблемам со стороны правительства Грузии⁵. Как мы увидим ниже, государственная политика в отношении беженцев не способствует их полноценной интеграции в общество.

1.1. Пространственная сегрегация

После вооруженного конфликта в Абхазии и вынужденной миграции большого количества людей особенно остро встала проблема расселения беженцев (далее ВПЛ). Грузинское государство было не готово эффективно ее решать, в том числе по ряду объективных причин, среди которых сложившаяся внутривосточная ситуация (вооруженный конфликт, экономический кризис, политическая нестабильность), фактическое отсутствие опыта такой деятельности.

3. В Кутаиси нашли прибежище 15077 ВПЛ, или 4825 семей (Справочник для вынужденно перемещенных лиц. Тбилиси: UNHCR; Ассоциация «мигрант» и Министерство беженцев и расселения Грузии, 2002. Таблица 2. С. 267). Всего, по данным переписи 2006 г., в Кутаиси проживает 190,1 человек (www.statistics.ge).

4. *Дзамукашвили Л.* Интеграция Вынужденно перемещенного населения в местное сообщество. Издание в печати (на груз. яз.). Исследование проводилось в г. Телави среди компактно проживающих ВПЛ.

5. См., к примеру: *Buck Th., Morton A., Allen S. and Zurikasvili F.* Aftermath: Effects Of Conflict on Internally Displaced Women in Georgia. Center for Development Information and Evaluation US Agency for International Development. Washington. September 2000. P. 6.

«Абсолютному большинству ВПЛ фактически негде было жить. В связи с этим перед государственными структурами встала необходимость их расселения. Практически никакого четкого плана действий не существовало, поэтому этот процесс протекал хаотично» (чиновник, пожелавший сохранить анонимность).

Лишь немногие из них разместились в частном секторе (у родственников, знакомых) или располагали финансовой возможностью арендовать приличное жилье. Большая же часть ВПЛ из Абхазии на момент исследования продолжала оставаться в тех центрах коллективного проживания (общежития, гостиницы, детские сады, неработающие предприятия, кемпинги), куда их поместило правительство Грузии в первые годы вынужденного переселения. По словам члена Совета Министров Абхазской АР в Имеретии, в г. Кутаиси ВПЛ были размещены в 94 коллективных центрах проживания – общежитиях, гостиницах, детских садах и т.д.

В этих центрах и по сегодняшний день сохраняются крайне тяжелые жилищно-коммунальные условия: целые семьи вынуждены ютиться в одной или двух комнатах, санитарные условия не соответствуют нормам, нет ванных комнат, а туалеты общие. Если помещения, куда были расселены ВПЛ, изначально не были пригодны для постоянного проживания, то интенсивная эксплуатация полностью вывела их из строя. У государства же не оказалось средств, необходимых для одновременной реабилитации этих зданий. Многие из них амортизированы и не ремонтируются, часто выходит из строя канализационная система. Наконец, над многими ВПЛ нависла угроза выселения:

«Здание наше каким было, таким и осталось: штукатурка обвалилась, двери и окна гнилые, с потолка сочится вода; единственное, что сделали, – вроде перекрыли крышу, но очень некачественно... Здание было нежилое. Когда сюда заселили 26 семей, оно быстро стало рушиться. На сегодняшний день здание аварийное, но никто, ни одна структура не думает о его ремонте. Лестница в подъезде отходит от стены. Но это еще не все – нам угрожают выселением, не знаю кому и для чего это нужно, и защитить нас некому... Если решат, то выселят, как в других местах выселяют... Куда тогда деваться, не знаю» (Д.М., женщина, 55 лет, ВПЛ).

Широкий резонанс вызвала приватизация государством нескольких заселенных ВПЛ объектов, приведших к насильственному вы-

селению людей. В Кутаиси эта проблема встала в связи с продажей гостиницы «Кутаиси». По свидетельству жильцов:

«Гостиница была приватизирована в 2005 году... Предложили определенную сумму в виде компенсации, и предложили покинуть гостиницу... На эту сумму ничего купить не можем, даже однокомнатную квартиру... Фактически нас вынуждают покинуть здание, а нас 65 семей, и мы остаемся на улице» (В.С., мужчина, 44 года, ВПЛ).

«Нас выселяют силой. 2 июля начали огораживать территорию вокруг гостиницы, что вызвало возмущение жителей. 73-летняя женщина выхватила из рук одного из рабочих лопату и за это тут же была задержана заранее вызванной полицией. После чего перевезена в Кутаисский городской суд и была осуждена на пять суток за административное правонарушение. А ведь она одна воспитывает двух внуков-сирот. Все это делается для того, чтобы запугать нас» (Л.К., женщина, 34 года, ВПЛ).

Это происходит несмотря на то, что в «Государственной стратегии по отношению к ВПЛ» четко прописано, что *«беженцы должны быть защищены от незаконного выселения»*⁶. В документе также отмечается, что *«выдаваемые беженцам взамен жилплощади денежные суммы должны быть адекватными, соответствующими рыночным ценам»*⁷. Но на практике выселенные хотя и получают компенсацию, она, по их мнению, недостаточна, что, естественно, вызывает их недовольство.

В конечном счете, как отмечают Д. Чарквиани и Н. Сарджвеладзе, *«заселение большого количества беженцев в гостиницы, кемпинги и другие здания различных городов определило и определяет их изоляцию и в определенных случаях затворничество»*⁸. Одним из следствий существующего территориального размещения беженцев является то, что их ежедневное общение происходит только между собой. Необходимо отметить, что уровень социальной интегрированности выше у ВПЛ, живущих в коллективных центрах проживания со сравнительно меньшим количеством жителей. Хотя у беженцев есть социальные контакты с местным населением, они по сей день ощущают себя изолированными. Социальная изоляция является главным фактором, отделяющим

6. «Государственная стратегия по отношению к вынужденно перемещенным лицам-беженцам». Гл.5., п.2.2. (на груз. яз. – здесь и далее перевод автора).

7. «Государственная стратегия по отношению к вынужденно перемещенным лицам-беженцам». Гл.5., п.2.6. (на груз. яз.).

8. Чарквиани Д., Сарджвеладзе Н. Самооценка, ценностная ориентация, этнический стереотип и процесс социальной адаптации в кризисных ситуациях // Эпоха. 2002. № 2. С. 53-58 (на груз. яз.).

ВПЛ от местного населения. Процессу интеграции помогло бы, соответственно, наличие у ВПЛ собственного жилья. Это позволило бы им преодолеть изоляцию и повысить свой социальный статус⁹:

«Хочу иметь собственную квартиру, как у моих друзей и одноклассников, квартиру с ванной, туалетом, с кухней, с собственной комнатой. Ведь мы все вместе живем в одной комнате, в общежитии с общим туалетом, а ванной комнаты вовсе нету. Мне друзей приглашать стыдно» (Е.О., женщина., 17 лет, ВПЛ).

В период правления Шеварднадзе политика властей фактически была направлена на сдерживание интеграции ВПЛ в местах нового проживания и тем самым – на поддержание высокого уровня мотивации на возвращение в «места постоянного проживания». По-видимому, именно этим было обусловлено законодательное ограничение возможности приобретения ВПЛ недвижимого имущества. Нужно отметить, что на сегодняшний день это ограничение снято.

1.2. Безработица и отсутствие ресурсов

Серьезнейшей проблемой для интеграции ВПЛ также является крайне бедственное финансовое положение, не позволяющее им вести «достойный образ жизни». По их собственным оценкам, они находятся за гранью бедности, и из года в год их положение ухудшается. ВПЛ являются наиболее бедствующим слоем населения Грузии, что вызвано рядом причин. Ежемесячные пособия, установленные «Законом о вынужденно перемещенных лицах» (принятым в 1995 году и дополненным более поздними поправками), являются чрезвычайно низкими: 11 лари для проживающих в компактных центрах и 14 лари для проживающих в частном секторе¹⁰. Для сравнения, прожиточный минимум в 2006 году был установлен в размере 118,0 лари для взрослого мужчины, 104,5 лари – для «среднего потребителя» и 197,9 лари в месяц – для средней семьи¹¹.

При этом шансы ВПЛ найти хорошо оплачиваемую и соответствующую их уровню квалификации работу в Кутаиси очень низки. Необходимо отметить, что раньше Кутаиси являлся промышленным

9. Дolidze A., Tatiшvili M., Чхетия А. Исследования по вопросу о приватизации коллективных центров Тбилиси. 2005. С. 81 (на груз. яз.).

10. Методическое указание № 19 «О выдаче пенсий и ежемесячных денежных пособий беженцам и вынужденно перемещенным лицам» // Справочник для вынужденно перемещенных лиц. Тбилиси: UNHCR; Ассоциация «Мигрант», Министерство беженцев и расселения Грузии, 2002. С. 205 (на груз. яз.).

11. Основные социально-экономические индикаторы за 2006 год. Таблица (<http://gbc.ge/index.php?m=georgia>).

центром, но после распада СССР экономические связи в промышленной сфере с бывшими республиками были фактически прерваны, и большинство промышленных предприятий прекратили функционировать. Вследствие этого большое количество жителей Кутаиси оказались без работы, как и значительная часть населения Грузии в целом. Иными словами, проблемы с трудоустройством возникают не только у ВПЛ, но и у местного населения, однако в случае беженцев эта проблема проявляется особенно рельефно. У большей части респондентов, особенно у мужчин, нет постоянной работы, хотя у значительной их части есть высшее образование, и до исхода из Абхазии они имели соответствующую их квалификации работу:

«Жила полной жизнью, работала, принимала участие в общественной жизни своего города Сухуми, интересовалась искусством, а сейчас [...] мы с мужем не работаем... Невыносимо трудно и морально, и материально... Пенсии не хватает, еле-еле сводим концы с концами, никакого просвета на будущее не видно. Лишь бы детей прокормить. Уже второе правительство, которое обещает нормальную жизнь, обещает работу, а главное – возвращение домой, на родную землю» (Д.М., женщина, 55 лет, ВПЛ).

Нередко в случае невозможности найти работу по специальности, беженцы не желают работать на местах, не соответствующих их прошлому социальному статусу. Однако некоторые заявляют, что не отказываются ни от какого заработка, лишь бы прокормить семью:

«Нам было очень трудно, жизнь начали практически с нуля, начали искать работу, надо же как-то жить, детей растить. Трудимся, где можем, где смогли найти работу. Определенного улучшения достигли собственным трудом, своими руками. Многим местным это не нравится, но это понятно: если ты не будешь искать работу, будешь пассивным, то само к тебе ничего не придет» (Т.В., женщина, 40 лет, ВПЛ).

Во многих семьях работает лишь один член семьи, и чаще всего, по свидетельствам респондентов, – это женщины. Беженцы указывают, что у последних больше возможностей найти работу, так как в экономике превалирует сфера услуг, а не производства. Изменения в социально-экономической сфере инверсировали роль мужчины и женщины: если раньше семью обеспечивали мужчины, то сегодня нередко все происходит наоборот. Как об этом свидетельствуют слова респонденток:

«Кроме меня никто не работает, а нас в семье пять человек» (Л.К., женщина, 34 года, ВПЛ).

«У нас папина пенсия 150 лари и пособие для беженцев. Мама хочет взять кредит в банке, чтобы начать торговать» (Е.О., женщина, 17 лет, ВПЛ).

Можно отметить, что основная проблема заключается не только в высоком уровне безработицы, но и в низкой квалификационной адаптированности ВПЛ, или в потере квалификации. Остро ощущается недостаток государственных программ по профессиональной переподготовке.

Вследствие зависимого положения, вызванного отсутствием собственного жилья и карьерных перспектив, у большинства опрошенных появляется неверие в себя, обреченность, отсутствие социальной активности, даже у молодых:

«Живу с родителями и со старшей сестрой, мать с сестрой торгуют, заменяют друг друга – по-другому на хлеб не заработать. У отца пенсия и у всех пособие для беженцев 11 лари. Живем в двух комнатах, женщины в одной спят, мы, мужчины, в другой... Тут все так живут, у всех одинаковые проблемы... Кто смог вырваться, тот переехал отсюда, в Тбилиси или за границу» (Г.Б., мужчина, 29 лет, ВПЛ).

ВПЛ в каком-то смысле смирились с таким положением, что ведет к отчужденности, потере мотивации что-либо менять в своей жизни. Свои надежды они обычно связывают с правительством, при этом жестко критикуя чиновников. Они считают, что их «забыли», что они «никому не нужны». Однако большинство опрошенных ВПЛ не готовы бороться за свои права, не стараются активно участвовать в политической жизни хотя бы на местном уровне.

Трудные социальные условия оказывают влияние на здоровье и эмоциональное состояние ВПЛ:

«Мое душевное состояние в связи со всем этим в самом страшном состоянии. Я потеряла веру в будущее, боюсь за завтрашний день своих детей. Даже если будет возвращение, уже возраст не тот. Сюда когда приехали, считала себя молодой, да так и было, а сейчас... Нет и здоровья, за 14 лет жизни на бетонном полу заболели суставы не только у меня, но и у детей» (Д.М., женщина, 55 лет, ВПЛ).

Таким образом, одним из важных факторов, определяющих уровень адаптации и интеграции в местное общество, является капитал, находящийся в распоряжении ВПЛ. Его отсутствие препятствует им в получении высшего образования, своевременной медицинской помощи, осуществлении собственных бизнес-проектов. Это, соответственно, отрицательно влияет на качество их жизни. Положение еще более осложняют сопутствующие социальной пассивности беженцев депрессия и фрустрация.

1.3. Надежда на возвращение: Абхазия как «потерянный рай»

Возвращение в Абхазию остается для ВПЛ по сегодняшний день самым приоритетным вопросом¹². При этом безапелляционное желание вернуться высказывают представители старшего поколения, вне зависимости от их социального статуса:

«Хочу вернуться, там мой дом, там я родилась, там кладбище моих близких людей, там вышла замуж, там родилась моя девочка, – ей был всего год, когда мы сюда перешли, – здесь родился мой мальчик... Но они знают, что мы здесь живем временно, что наш дом там, что там море, там все, чего не хватает здесь» (А.К., мужчина, 36 лет, ВПЛ).

По словам беженцев, стремление вернуться в Абхазию связано с тем, что ретроспективно ВПЛ на очень высоком уровне оценивают свою жизнь в прошлом: они были довольны социальными взаимоотношениями и семейным положением, имели положительные взаимоотношения с негрузинским населением¹³. Сравнение нынешней жизни и прошлой, а также мечты о возвращении помогают им уйти от реальности. Очевидно, что при таком положении люди возвращаются в прошлое, в воспоминания о былой «хорошей жизни» и искренне верят, что при возвращении их положение улучшится.

«Слишком большая разница была во всем: как жили и как приходится жить, где жили и где приходится жить» (Д.М., женщина, 55 лет, ВПЛ).

12. Шария Ш., Сарджвеладзе Н. Система характеристик социо-психологических отношений ВПЛ из Абхазии: Конфликт в Абхазии, причины и перспективы урегулирования; Шария Ш. Грузино-абхазский конфликт и ВПЛ (взгляды и ожидания); Шария Ш. Отношение изгнанного из Абхазии грузинского населения к собственной жизни (взгляд на прошлое, настоящее и будущее). Ассоциация молодых психологов Абхазии, Фонд развития человеческих ресурсов. (Статьи предоставлены автором.)

13. Шария Ш., Сарджвеладзе Н. Система характеристик социально-психологических отношений ВПЛ из Абхазии: Конфликт в Абхазии, причины и перспективы урегулирования. Ассоциация молодых психологов Абхазии. Фонд развития человеческих ресурсов.

«Для меня самым важным является возвращение домой, я уверен, что после возвращения буду жить лучше, достойнее» (С.Б., мужчина, 57 лет, ВПЛ).

Помимо объективно тяжелых условий нынешнего существования вынужденных переселенцев, не выдерживающих сравнения с их предыдущей жизнью в Абхазии, установка ВПЛ на возвращение подпитывается надеждами, искусственно поддерживаемыми на государственном уровне. Помимо специфической политики в отношении ВПЛ, не способствующей полноценной интеграции, на высшем государственном уровне делаются заявления о том, что решение территориальных проблем и возвращение ВПЛ на места их постоянного проживания являются безусловным первостепенным приоритетом государства. Таким образом, в силу вышеперечисленных причин возвращение в Абхазию остается для ВПЛ главной целью.

1.4. Новая-старая «государственная стратегия»

Взгляд на проблему ВПЛ нового правительства сформулирован в рассчитанной до 2010 года «Государственной стратегии по интеграции беженцев», принятой в 2008 г. Подготовка документа началась в 2006 году, и в ней приняли участие около сорока государственных, неправительственных и международных организаций. Экспертная оценка этого документа в общем сдержанно-оптимистичная. Отмечается, что это первый документ такого типа и что в нем нашли отражение все проблемные вопросы. Вместе с тем можно заметить, что концепция носит излишне общий характер и нуждается в дополнении конкретными планами и программами. Что касается ее содержательной стороны, то она намечает две основные цели: «*Первое – это улучшение бытовых условий, и второе – подготовка к достойному возвращению*» (Юлия Харашвили, Ассоциация женщин-беженок «Танхмоба»)¹⁴.

Согласно руководящим принципам политики в отношении ВПЛ, они должны пользоваться теми же правами и свободами, что и местное население, и не чувствовать себя дискриминированными. Иными словами, потребности беженцев, как и других граждан, должны быть удовлетворены – только в этом случае будет иметь место не «временная», а «постоянная» интеграция. Однако правительство Грузии пытается улучшить условия жизни беженцев и защищать их права пока только на словах. На деле же новая политика пока выразилась только в отмене части установленных для ВПЛ льгот.

14. Нижарадзе Г. Меньшинства в Грузии: ситуационный анализ (вынужденно перемещенные лица, турки-месхетинцы, религиозные меньшинства, этнические меньшинства). Издание в печати (на груз. яз.).

Установка на возвращение беженцев свидетельствует о преемственности политики старых и новых властей. На протяжении четырнадцати лет правительство Грузии не создало для ВПЛ таких условий, при которых они не стремились бы вернуться назад¹⁵. Этому сопутствует определенный страх, что если условия жизни беженцев улучшатся, то они могут потерять стимул на возвращение домой. Политику сегодняшних властей, по мнению некоторых экспертов, можно выразить следующей формулой: «интеграция с сохранением мотивации на возвращение». Поддержка надежды на возвращение – также политический расчет. Однако обещать беженцем, что они скоро *«вернутся в родные дома»*, опасно. Надежды на мирное соглашение, а также на компенсацию потерянного имущества, крайне малы, но даже в этом случае жизнь не была бы такой, как пятнадцать лет назад. Людям пришлось бы опять интегрироваться в новую среду.

2. «Чужой среди своих»: проблемы отношений с местным населением

Другая группа факторов, затрудняющих процесс интеграции ВПЛ из Абхазии в Кутаиси, связана с восприятием беженцев как «чужих» или «других грузин». Как мы увидим ниже, обособленность ВПЛ является, в частности, результатом политики властей, способствующих созданию и функционированию государственных институтов и учреждений так называемой Абхазской АР (в изгнании), предназначенных для ВПЛ и пользующихся у них определенным доверием. Такое разделение на «своих» и «чужих» не способствует улучшению отношений между беженцами и местными жителями. Мы постараемся понять причины, по которым отношение местного населения к ВПЛ остается по меньшей мере индифферентным, а иногда – открыто негативным. Помимо этого, можно говорить о своего рода «этнической» сегрегации, вызванной определенными различиями в языке, бытовых и культурных традициях.

2.1. Абхазские региональные учреждения

Все социальные вопросы, связанные с ВПЛ, находятся в ведении Министерства по делам беженцев и расселению и его региональных представительств, действующих при местных органах самоуправле-

---

15. Дзамукашвили Л. Интеграция вынужденно перемещенного населения в местное сообщество. Издание в печати (на груз. яз.).

ния (в том числе в тех местах, где беженцев нет). Однако эксперты выражают недовольство их деятельностью и указывают, среди прочего, на несоответствие названия министерства его реальным функциям: оно в основном имеет дело не с беженцами, т. е. гражданами других стран, а с вынужденно перемещенными лицами:

«Следует отметить, что это министерство называют министерством выселения и переселения беженцев» (чиновник, пожелавший сохранить анонимность).

В действительности ВПЛ предпочитают обращаться за помощью не в общегрузинские структуры, как остальное население Кутаиси, а в так называемые Абхазские региональные учреждения, или учреждения «в изгнании», что только усиливает сегрегацию. На политическом уровне легитимные власти Абхазии представлены в Кутаиси «правительственным центром», учрежденным Советом министров Абхазии «в изгнании»¹⁶:

«Постановлением №85 от 10 октября 1995 г. Совета министров Абхазской Автономной Республики в регионе Имерети был создан правительственный центр СМ Абхазии, который представлял собой структурное подразделение Совета министров» (чиновник, пожелавший сохранить анонимность).

В Кутаиси также действует Государственный университет субтропического хозяйства, переведенный сюда из Сухуми по причине известных событий. Он отчасти решает проблему получения высшего образования для ВПЛ, связанную с введением платного образования в вузах страны. В регионе также функционируют средние школы №4 и №5 Министерства просвещения АР Абхазия, музыкальная школа №2 Министерства просвещения АР Абхазия и другие образовательные учреждения, в которых обучаются дети ВПЛ:

«Усилиями правительственного центра в регионе действуют две средние общеобразовательные публичные школы, один детский сад, музыкальная и художественная школа, спортивная секция кик-боксинга» (чиновник, пожелавший сохранить анонимность).

Значительная часть ВПЛ стремятся отдавать своих детей в школы Министерства образования АР Абхазия, что вызвано, по нашему мнению,

---

16. Дзамукашвили Л. Интеграция вынужденно перемещенного населения в местное сообщество. Издание в печати (на груз. яз.).

причинами морального и материального характера. В первую очередь, это связано с определенными психологическими комплексами у самих родителей, которые боятся, что их дети будут чувствовать себя изгоями в местных школах. Однако практика показывает, что дети без проблем находят общий язык друг с другом, а случаи сегрегации в детской среде чрезвычайно редки. В этом контексте можно говорить и о стремлении родителей выработать в детях осознание принадлежности к абхазскому сообществу. Преодолеть эти установки непросто – это требует специальной работы с родителями, направленной на осознание ими того, что учеба детей в обычных школах будет способствовать их интеграции и адаптации в местной среде, что, в свою очередь, безусловно благотворно скажется на их будущем. Вторая причина, по которой родители ВПЛ отдают детей в школы Министерства образования АР Абхазия, – это материальные проблемы. Она является достаточно весомой и еще более труднопреодолимой. Официально обучение в средних школах является бесплатным, за исключением специализированных школ, но в реальности это далеко не так. В силу ограниченности финансовых возможностей родители ВПЛ боятся, что не смогут нести бремя этих затрат, а это, по их мнению, вызовет дискомфорт и зачатки комплекса неполноценности у их детей:

«Мой сын ходит в нашу школу. Я его отвела туда, чтобы он не почувствовал себя в местной школе чужим, чем-то обделенным, ведь у меня нет возможности одевать его на том уровне, на каком одевают-ся местные дети» (М.С., женщина, 40 лет, ВПЛ).

В школах Министерства образования Абхазии сборы денежных средств, напротив, сведены к минимуму. Нужно также отметить, что весь профессорско-преподавательский состав университета и школ укомплектован ВПЛ. Помимо образовательных учреждений, в регионе Имерети были также открыты Кутаисская городская и региональная поликлиника ВПЛ, семь районных амбулаторий, а также региональная служба здравоохранения для ВПЛ, которые, по словам представителя Совета министров Абхазской Автономной Республики в регионе Имерети, финансировались из бюджета Абхазской АР. Примечательно, что в Кутаиси было открыто даже новое «беженское кладбище», где хоронят только ВПЛ.

«Я тут похоронила маму, на этом кладбище для беженцев, тут все наши люди похоронены. К сожалению, это кладбище все больше и больше заполняется, и столько знакомых лиц на памятниках» (Д.М., женщина, 55 лет, ВПЛ).

Однако, позволяя решать часть проблем ВПЛ в Кутаиси и других регионах, эта инфраструктура, созданная по указанию представительства Совета министров Абхазской Автономной Республики в регионе Имерети, возводит искусственные барьеры в отношениях между ВПЛ и местным населением. Существование этих специализированных учреждений, в частности школ, вызывает раздражение у местного населения:

«Тут школы есть для беженцев, у них свои официальные учреждения, свое правительство. Не понимаю, почему детей надо водить в беженскую школу, разве не лучше, чтобы они учились в обычных школах» (Г.Б., мужчина, 45 лет, местный).

«Я учился в ГИСХе¹⁷. Там все лектора из Абхазии, и ощущалось, что они гораздо теплее относятся к студентам, которые по происхождению из Абхазии, даже оценки им доставались легче, к нам же отношение было гораздо более холодное» (Д.К., мужчина, 25 лет, местный).

Сам факт существования параллельной социальной инфраструктуры, предназначенной для ВПЛ, включая кладбище, приводит к выводу, что население делилось и делится на «своих» и «чужих». Это не может не углублять самоизоляцию и сегрегацию ВПЛ. Судя по всему, грузинское правительство начинает осознавать серьезность этой проблемы. Так, в «государственной стратегии по отношению к ВПЛ-беженцам» отмечается, что «...должно проводиться закрытие практически сегрегированных школ»¹⁸. Однако вследствие двусмысленности официальной политики в отношении ВПЛ из Абхазии, выраженной формулой «интеграция с сохранением мотивации на возвращение», данная проблема на сегодняшний день далека от своего разрешения.

2.2. Отношения ВПЛ с местным населением Кутаиси

М. Пагава в статье «Перемещение» ставит вопрос об отношениях беженцев с местным населением. Он описывает первый период жизни беженцев в изгнании, когда население Грузии с сочувствием и стремлением помочь приняло их в Тбилиси, Зугдиди, Кутаиси и других городах и селах Грузии. Для сравнения

17. ГИСХ – Государственный институт субтропического хозяйства, переведенный из Сухуми в Кутаиси.

18. «Государственная стратегия по отношению к вынужденно перемещенным лицам-беженцам» Гл.5, п. 3.1. (на груз. яз.).

автор рассматривает сегодняшнюю ситуацию, когда ВПЛ, продолжающие жить в обстановке абсолютной бесперспективности, оказались отторжены от местного населения¹⁹. Хотя в интервью беженцы говорят, что у них хорошие отношения с местным населением, при глубоком обсуждении этой тематики они отмечают, что им периодически приходится сталкиваться с проявлениями неприятия и отсутствия стремления понять их проблемы со стороны местного населения. Они также отмечают, что зачастую сталкиваются с абсолютно немотивированной и неадекватной грубостью с их стороны.

В первую очередь, по нашему мнению, местное население раздражают привилегии, которыми пользуются ВПЛ. В вопросе оказания помощи необходим индивидуальный подход, поскольку групповые привилегии вызывают зависть. Об этом свидетельствуют некоторые высказывания жителей Кутаиси:

«Многие беженцы лучше нас живут, у них есть работа, они покупают дома, квартиры. Они получают гуманитарную помощь, им государство выделяет ежемесячное пособие – это мы беженцы, а не они» (Д.С., мужчина, 40 лет).

«Беженцы лучше нас живут, им давали гуманитарную помощь, продукты, потом они начали заниматься торговлей, бизнесом, и сейчас они живут лучше нас...» (Н.Г., женщина, 43 года).

Помимо этого, не у всех коренных жителей Кутаиси есть адекватное понимание ситуации, которая вынудила ВПЛ бежать из Абхазии:

«Если бы я был в таком положении, как они [беженцы – прим. авт.], и у моего города стоял враг, я бы ни за что не оставил мой дом. А вы покинули его, не лучше было бы, если бы вы там остались и боролись до конца?» (Г.Б., мужчина, 40 лет, житель Кутаиси).

«Если какая-то проблема появляется во взаимоотношениях, то сразу же с их стороны начинается: что вам здесь надо, для чего сюда приперлись и т.д. [...] Начинаешь объяснять, вроде понимают, а потом то же самое. Такое ощущение, что просто не доходит, даже не знаю, как объяснить» (Т.Н., мужчина, 35 лет, ВПЛ).

Справедливости ради необходимо отметить, что не все население Кутаиси относится к «вынужденно перемещенным», бывшим

19. Нижарадзе Г. Меньшинства в Грузии: ситуационный анализ (вынужденно перемещенные лица, турки-месхетинцы, религиозные меньшинства, этнические меньшинства). Издание в печати (на груз. яз.).

жителям Абхазии, негативно. Определенная часть опрошенных местных жителей указывают на неадекватность деления населения на «своих» и «чужих», с пониманием относятся к их проблемам и подчеркивают их позитивный вклад в жизнь города. К примеру, директор одной из гостиниц, в которой проживают ВПЛ, утверждает в интервью:

«Мы одинаковы, и так надо было ставить вопрос с самого начала. Почему было допущено разделение людей, мне непонятно. [...] Когда человека преследуют и угрожают ему оружием, нужно понимать, в каком состоянии он находится» (С.Ц., мужчина, 53 года).

«Беженцы живут в ужасных условиях, в одной комнате вся семья, и даже сейчас их выселяют и вновь оставляют без жилья. Но эти люди несмотря ни на что работают, трудятся и зачастую нам показывают пример» (С.Л., мужчина, 40 лет, житель гг. Кутаиси).

Индикатором низкой интегрированности беженцев из Абхазии в местное сообщество является также то, что браки в основном происходят внутри среды ВПЛ. Наше исследование показало, что из 10 случаев 8 приходятся на браки между беженцами. По их словам, местные жители избегают создания семьи с ними, хотя, судя по нашим наблюдениям, сами ВПЛ также не приветствуют подобные браки:

«Я встречался с местной девушкой. В принципе намерения у меня были самые серьезные, но когда ее родители узнали, что я беженец, что у меня нет собственного дома, то категорически воспротивились нашему сближению. Это оказало влияние на девушку, и мы расстались» (З.Л., мужчина, 24 года, ВПЛ).

По нашему мнению, у относительно негативного отношения к ВПЛ со стороны местного населения есть несколько причин, среди которых низкий уровень жизни, нехватка рабочих мест и элемент демпинговой конкуренции, вносимый в эту сферу ВПЛ. Не менее важной причиной является явный дефицит разъяснительной работы среди местного населения, отсутствие внятно прописанной информационной политики со стороны государственных структур. Деятельность же НПО, несмотря на их активность, носит фрагментарный и зачастую компанийский характер. Все это приводит к сохранению достаточно прохладных, или по крайней мере индифферентных, взаимоотношений между ВПЛ и местным населением Кутаиси.

2.3. Этничность «беженцы»

Тот факт, что беженцы воспринимаются как более или менее закрытая группа «других грузин», является результатом сложного процесса взаимных приписываний и маркирований, который называется «этнификация». Он состоит в том, что одна из социальных групп представляется в глазах других как «этническая».

В первую очередь, важным маркером этничности выступают различия в языковой практике «вынужденно перемещенных» и «коренных» жителей. В глазах кутаисцев «настоящий грузин» не пользуется русским языком в повседневном быту, используя его лишь в исключительных случаях, в то время как беженцы из Абхазии владеют в равной мере как грузинским, так и русским языками. Это связано с тем, что в советское время Абхазия была полиэтничной республикой, где общим языком общения выступал русский. Этому способствовал также тот факт, что Абхазия являлась курортной зоной, принимавшей в летнее время большое количество отдыхающих из разных регионов Советского Союза. В ретроспективной реконструкции, обусловленной подъемом националистических настроений в Грузии в постсоветский период, это воспринимается болезненно неабхазскими грузинами, обвиняющими беженцев в «обрусении»:

«Вы там были все русскоязычные, грузинский язык не знали. Вообще вы на грузинском языке разговаривали? Ведь язык формирует мышление, национальную культуру, а вы стали фактически русскими, вот только здесь, после того как вас изгнали, вы научились общаться на грузинском языке» (Г.Б., мужчина, 54 года, местный).

«Меня в Сухуми не принимали грузины на отдых, не сдавали в аренду квартир, когда заговаривал с ними на грузинском, отвечали порусски. Вы даже здесь иногда между собой разговариваете на русском, не понимаю почему? Наверно, очень привыкли» (Б.Ч., мужчина, 45 лет, местный).

Об этих упреках также нередко в интервью упоминают сами ВПЛ, указывая на их «несправедливость»:

«Нам часто говорят, [...] в Сухуми, вы, местные грузины, с нами не общались на грузинском языке, разговор вели только на русском, поэтому вас и изгнали оттуда, а здесь вы научились грузинскому языку» (Д.М., женщина, 54 года, ВПЛ).

Нужно отметить, что в Грузии, в связи с невысокой социальной и географической мобильностью населения, с преувеличенным вниманием относятся к субэтническим различиям, таким как акцент, бычай и т.д. Кутаиси в этом смысле не исключение. Это также становится важным фактором этнификации – маркирования ВПЛ как «других грузин»:

«Когда я оказался впервые в Кутаиси, помню, на базаре меня продавщица спросила: ты мегрел? беженец? У тебя акцент не местный. Такие вопросы задают часто» (А.М., мужчина, 30 лет, ВПЛ).

«Вас сразу по разговору можно узнать, что вы не местные: как соберетесь вместе, начинаете по-мегрельски или по-русски разговаривать» (Г.Б., мужчина, 54 года, местный).

ВПЛ также отмечают различия в повседневных практиках, в образе жизни и обычаях, создающих образ «чужого»:

«Тут, когда встает очередь за пенсией и т.д., женщины становятся в один ряд, мужчины в другой. Для меня это было после Сухуми дико и абсолютно непонятно» (В.Б., мужчина, 54 года, ВПЛ).

«Сухуми был курортным городом. Приезжало очень много туристов из союзных республик, мы тесно общались с этими людьми, и это, наверно, оказало какое-то влияние на нас, по крайней мере, я считаю, что это расширило наш кругозор. А здесь, наоборот, Кутаиси был крупным промышленным центром, люди работали на заводах, утром на работу, вечером с работы и т.д. Соответственно, и жизненный опыт другой, мировоззрение другое, ничего в этом нет плохого, просто я к тому, что разница между нами и из-за этого есть» (Г.П., мужчина, 48 лет, ВПЛ).

Таким образом, вынужденно перемещенные лица продолжают восприниматься местным населением как «чужаки», что подчеркивается пространственной, социальной и «этнической» сегрегацией как на уровне представлений, так и на уровне институтов. Беженцы поставлены в положение «гостей», задержавшихся слишком надолго в этом зависимом статусе и в силу увековечивания такого положения уже не пользующихся привилегиями, связанными с законами гостеприимства. Вместе с тем они не могут претендовать на полноценное гражданство, дающее право на участие в общественной и политической жизни города. Эта специфическая ситуация «чужих среди своих» ярко отражена в следующих словах респондента-беженца:

«Знаешь, заметно, когда я на застолье, и мы вместе, беженцы и местные, то тамада всегда местный. Этим подспудно подчеркивается, что мы гости, ведь по традиции тамадой всегда назначается хозяин. Этот принцип распространяется на все сферы жизни, ведь ни в каких местных органах власти нет ни одного беженца, ни на одном ответственном посту. Что, нет достойных кандидатур? Есть, но даже не предлагают, а ведь беженец работал бы с удвоенной энергией, лишь бы доказать, что может принести пользу» (З.Г., мужчина, 34 года, ВПЛ).

3. Перспективы интеграции: возрастной и социальный фактор

В субъективном плане, изгнанные из Абхазии жители Кутаиси, как правило, низко оценивают шансы будущей интеграции в силу причин, рассмотренных выше. Приведем несколько показательных высказываний опрошенных нами «вынужденно перемещенных»:

«Стремление к интеграции должно быть обоюдным. Сколько бы я, например, к ней ни стремился, если нет встречного движения со стороны общества, то никакого результата не будет. Если честно, то я к ней и не стремлюсь [...] Что, стать такими, как они [местные – авт.]? Что мне это даст, что прибавится в моральном или материальном плане? По-моему, ничего. Я гражданин этой страны, я и так интегрирован в мое общество, общество таких, как я. Этого мне хватает, к большему не стремлюсь» (Т.Н., мужчина, 35 лет, ВПЛ).

«Некоторые боятся, что если интегрируются в общество, то потеряют самобытность, принадлежность к обществу Абхазии. Для меня интеграция – это взаимоотношения с людьми. К сожалению, где бы мы ни находились, везде подчеркивают, что мы беженцы [...] Пока мы не вернемся к себе, какая бы интеграция ни существовала, мы останемся для них [местных – авт.] беженцами. Это ярлык навсегда...» (Л.К., женщина, 34 года, ВПЛ).

Как показало исследование, наиболее низко свои шансы на интеграцию оценивают беженцы, чье социальное и финансовое положение наименее благополучно. Именно они также склонны демонстративно подчеркивать свою «прошлую» идентичность. Наличие стабильной и социально приемлемой работы, напротив, смягчает трудности интеграции:

«У меня нет проблем во взаимоотношениях. Но здесь в гостинице это для некоторых большая проблема. Это вызвано социальным по-

ложением беженцев. И сдержанным, но все-таки негативным отношением местных к нам» (Л.К., женщина, 34 года, ВПЛ).

«Я могу о себе сказать, что я активен в обществе, работаю, но, говоря об интеграции, вроде какая нужна была интеграция в свое же общество, но все же я чужой здесь, и сам себя не считаю местным» (З.Ш., мужчина, 32 года, ВПЛ).

Важным фактором интеграции является также возраст: старшему поколению сложнее интегрироваться, нежели молодому. Если старшие сформировались в другой социокультурной среде, наложившей определенный отпечаток на их личность, то дети, выросшие уже в Кутаиси, имели совсем иную социализацию. Опрошенные, принадлежащие к возрастной категории до 19 лет, чувствуют себя в отношениях с местным населением наиболее свободно, и особенно те из них, кто учится в обычных школах:

«Я хожу в местную школу, у меня тут много друзей, почти все кутаисские. Мне одно время хотелось учиться в школе для беженцев, но потом передумал, не хотелось расходиться с друзьями-одноклассниками. Я и здесь себя чувствую хорошо» (Д.Б., мужчина, 16 лет, ВПЛ).

«У меня очень хорошие отношения как со взрослыми, так и с ровесниками, с детьми... Никаких проблем нет во взаимоотношениях и с соседями местными» (Д.Л., мужчина, 19 лет, ВПЛ).

Однако, как они отмечают, у них возникают проблемы, относящиеся к сфере финансовых возможностей:

«Школьных книг не имею, не смогла купить, очень дорого стоят, так что без книг остался [...] Хочу найти работу и иметь свои карманные деньги» (Д.Б., женщина, 16 лет, ВПЛ).

Вывод о значимости фактора социализации, а также наличия работы и своего жилья, позволяющего ВПЛ вести общепринятый образ жизни, подтвердился также данными, полученными методом составления сетей общения. Данный метод позволил более точно установить степень включенности вынужденных переселенцев в местное сообщество, а также проанализировать ее причины. Одной из целей исследования было выяснить круг общения ВПЛ, т.е. людей, с которыми респонденты имеют каждодневное, тесное общение, с которыми их связывают дружеские отношения. Важно подчеркнуть, что у

абсолютного большинства респондентов среди друзей и знакомых количество беженцев в несколько раз превосходит количество местных. Приведем несколько примеров дружеских сетей.

У респондентки Додо М. (женщина, 55 лет, ВПЛ) основной круг общения, друзей и знакомых, состоит из беженцев. Она проживает в коллективном центре с супругом Вахо Б. и с сыном Дато Б. Их основной доход составляет социальная помощь. Она общается в основном с жителями коллективного центра Ириной М., Мананой К., Циалой К., Мариной Ш., Кетино Л., а также с родственниками из Абхазии Светой Х. и Димой Б. Дружеские отношения ее также связывают с соседкой, жительницей Кутаиси, Мариной П., владеющей своим магазином. Додо М. помогает ей в торговле. Друзей и знакомых Додо М. из числа ВПЛ связывают достаточно тесные и близкие отношения, фактически они представляют собой единую, сплоченную группу. В то же время взаимоотношения с местными жителями, соседками Наной Л., Зиной К. и Леной С., носят эпизодический характер. В данном случае можно говорить, скорее, о поверхностном знакомстве, чем о дружбе.

В интервью беженцы заявляют, что у них много друзей, но, как показывает метод составления сетей, абсолютное большинство тех, с кем поддерживается каждодневный, тесный контакт, принадлежат к группе ВПЛ. У респондентов есть и местные друзья, но важно подчеркнуть, что друзья-беженцы и друзья-местные в большинстве случаев между собой даже не знакомы. Из этого можно сделать однозначный вывод: ВПЛ предпочитают, или вынуждены предпочесть, общение в «своей» среде.

В то же время в случае респондента Дато Б. (16 лет) мы получили несколько иную картину: несмотря на то, что он проживает в коллективном центре, большинство его друзей и знакомых – местные, хотя он идентифицирует себя как выходца из Абхазии. Причины этого достаточно ясны: он сформировался как личность в городе Кутаиси и воспоминаний о Сухуми у него практически нет. Он живет в общежитии и учится в местной школе в 11 классе. В общежитии у него дружеские отношения с Экой О. (ВПЛ), Тамрико Б. (ВПЛ), Георгием О. (ВПЛ), Наной П. (ВПЛ); в классе – с Георгием Э., Наной Д., Мамукой Л., Зазой Н; во дворе – с Алеко Д., Важей К., Кристо Д., Геги К., Тамуной Д. Все они связаны друг с другом крепкими дружескими связями. Важно и то, что отношения с одноклассниками, являющимися в основном местными, носят не формальный, но живой, непосредственный характер. Следует также отметить тот факт, что отношение к нему со стороны местных друзей является абсолютно адекватным, т.е. они воспринимают его как «своего». Таким образом,

можно предположить, что проблема стигматизации беженцев уже не коснется людей его поколения.

Отдельную картину являют также дружеские сети ВПЛ, имеющих постоянную работу и собственное жилье. Рассмотрим случай Тамрико М. (женщина, 45 лет, ВПЛ). Она работает в одной из неправительственных организаций. Соответственно, круг общения у нее гораздо шире. Хотя в самой организации работают в основном беженцы, она имеет каждодневные контакты с местным населением и местными неправительственными организациями. С местными соседями у нее также установились тесные дружеские связи и, по ее словам, в их среде она не чувствует себя посторонней.

Из всего вышесказанного можно сделать однозначный вывод в том, что проблем в общении с местным населением нет у младшего поколения ВПЛ и у ВПЛ, имеющих стабильную, хорошо оплачиваемую работу и свое жилье. Соответственно, проблемы интеграции для этих категорий ВПЛ не являются непреодолимым препятствием, хотя и они своей приоритетной целью считают возвращение в Абхазию.

Заключение

Четырнадцать лет, вероятно, должно было хватить для того, чтобы эти люди стали полноценными и полноправными членами того общества, в котором они живут, однако в реальности этого не произошло. Большинство из них, в основном представители старших поколений, по сегодняшний день остаются в социальной изоляции и предпочитают взаимоотношения в своей среде. В изменившейся социально-психологической обстановке вынужденное перемещение вызвало у большинства беженцев глубокое чувство отторженности от жизни. У большинства из них резко снизился социальный статус, а также уровень жизни. Поэтому их заветной и неизменной мечтой остается возвращение домой, в Абхазию, что, по мнению беженцев, решит их проблемы. Это позволяет сделать вывод о крайне низком уровне интеграции ВПЛ в кутаисское общество.

Сравнительно лучшее социальное самочувствие наблюдается у младшего поколения беженцев, которые в большей степени интегрированы в местное общество благодаря тому, что их личностное становление произошло уже в местах нынешнего проживания: дети ВПЛ фактически выросли в Кутаиси, и он является их родным городом.

В ходе исследования было также установлено, что пол практически не влияет на степень интегрированности в местное общество.

Вместе с тем необходимо отметить, что женщины легче перенесли последствия конфликта и связанную с ним стрессовую ситуацию, лучше смогли адаптироваться в новой обстановке в силу того, что у них больше возможностей для обеспечения семьи. В отличие от них, большинство мужчин не смогли найти стабильную работу.

Проведенный анализ позволил сформулировать ряд причин, затрудняющих, или даже делающих невозможным, процесс интеграции беженцев из Абхазии в местное общество:

1. *Пространственная сегрегация*, связанная с компактным расселением беженцев: люди, проживающие в одном коллективном центре, имеют контакты в основном между собой и представляют собой практически автономные сообщества.
2. *Безработица*, которая максимально снижает вероятность социальных контактов. В случае же наличия работы ВПЛ зачастую трудятся на местах, не соответствующих их образовательной и профессиональной квалификации, что, в свою очередь, мешает им восстановить имевшийся у них до вынужденной миграции социальный статус.
3. *Нацеленность на возвращение*, культивируемая в том числе на государственном уровне.
4. *Искусственные барьеры* между ВПЛ и местным населением, выражающиеся в создании специальной социальной инфраструктуры для беженцев правительственными структурами АР Абхазия «в изгнании».
5. *Недоброжелательное отношение местного населения*. Как отмечают сами ВПЛ, местное общество фактически отторгает их.

Фактически ВПЛ продолжают оставаться группой, изолированной от общества. Наблюдается даже своеобразный процесс «этнификации», когда беженцы из Абхазии начинают восприниматься как «другие грузины», как «чужие». И хотя многие беженцы заявляют в интервью, что у них дружеские связи с местными, при тщательном рассмотрении их дружеских сетей выясняется, что местные жители представлены в них минимально и контакты с ними носят фрагментарный характер. Больше количество друзей, знакомых среди местного населения наблюдается только у подростков и у социально успешных ВПЛ. Таким образом, как показало наше исследование, основным фактором интеграции, наряду с возрастом, является наличие стабильной, достойной работы и собственного жилья.

Решить социальные проблемы ВПЛ, а значит позволить им интегрироваться в общество, могли бы помочь действенные меры государственной политики. И хотя новая стратегия государства декларирует

указанные цели, на деле государство не торопится решать проблемы беженцев, чтобы сохранить у них «мотивацию на возвращение». Для решения проблемы интеграции вопрос о возвращении в Абхазию имеет первостепенное значение. Из-за неопределенности в вопросе, когда беженцы смогут вернуться домой и вернутся ли вообще, они фактически не имеют возможности планировать собственную жизнь в долгосрочной перспективе. Чтобы вернуть им шанс на полноценную жизнь и настоящее гражданство в своей стране, необходима активная и адекватная политика государства.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДЕТСКОГО ДОМА: ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ ГРУЗИИ

В обществе, где мы живем, семья во многом определяет социальное функционирование и успех личности. В Грузии есть люди, которые растут или выросли в детских домах, совсем не похожих на семьи. Работая в проекте международной организации World Vision International, я имела непосредственную связь с людьми, у которых значительный этап формирования личности был связан с такими учреждениями, как детские дома и школы-интернаты¹. Я несколько раз посещала подобные институции и общалась с их воспитанниками. Находясь в этой обстановке, я увидела, насколько отчужден «детдомовский» мир от общества. Молодые люди, выросшие в детских учреждениях, постоянно ощущают свое отличие от так называемых «обычных детей», поэтому они особенно остро воспринимают оценку, отношение социума. Кроме того, у меня была возможность общаться с теми детьми, которые были переведены из детского дома в альтернативную, более «семейную», среду. Этот опыт стоял у истоков желания понять, каким образом формируется идентичность человека, который был лишен возможности полноценной социализации вне стен детского дома, и как трансформируется его личность в процессе активного контакта с обществом.

Целевой группой данного исследования стали молодые люди, воспитывающиеся в государственных учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей, в трех регионах Грузии: в Абхазии (Багратиони), Самцхе-Мთიანეთი (Телави) и Имеретии (Кутаиси). Кроме того, интересным объектом наблюдения оказались дома малого семейного типа²,

---

1. По данным 2004 года, в Грузии существует 44 учреждения для детей-сирот, которые можно условно разделить на четыре категории: детские дома, реабилитационные центры, специализированные ясли-сады и школы-интернаты. В этих учреждениях находятся 5204 ребенка, и самый большой процент (79,10%) приходится на школы-интернаты (Исследование институциональных учреждений (ситуационный анализ). Тбилиси: Фонд «Евразия», НПО «Ребенок и среда», 2004).

2. Детский дом малого семейного типа – это одна из важнейших альтернатив институциональной опеки. Малый дом семейного типа предполагает совместное проживание 6-8 молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет. При рекрутировании воспитателей предпочтение отдается семейным парам. Жизнь молодых людей в малом доме семейного типа возможна в течение 12 и 16 месяцев. Небольшое количество воспитанников должно способствовать созданию семейной атмосферы, где дети живут под заботой матери и отца.

где жили переведенные из детских домов подростки. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в Грузии в 1999 году началась государственная реформа деинституционализации, которая подразумевает замещение долговременной институциональной опеки семейной опекой или другими, менее изолированными, альтернативными институтами опеки, такими как реинтеграция в биологических семьях, доверенное воспитание и/или усыновление³. Но на данном этапе «большие» учреждения все еще остаются основными заменителями семьи.

В этой статье использованы данные двенадцати интервью, взятых у воспитанников детских домов и школ-интернатов указанных регионов, пятеро из которых уже были переведены в дома малого семейного типа; а также интервью с тремя социальными работниками, работающими в этой сфере. Кроме того, было проведено включенное наблюдение в течение одного года в трех домах малого семейного типа.

В статье рассматриваются, в первую очередь, социальная среда, в которой живут дети в детских домах, и то негативное влияние, которое оказывает этот факт на их восприятие себя как полноправных членов общества, а также на формирование их социальных навыков и ценностей. Затем анализируются особенности стигмы «детдомовский», «интернатский» и факторы стигматизации, в которой принимают участие общество и сами «детдомовцы». Наконец, предметом рассмотрения станут социальная среда и социализация в домах малого семейного типа: те перемены, которые молодые люди ощущают на себе после перемещения из детского дома.

1. Детский дом как «тотальный институт»

По сей день продолжают существовать закрытые пространства, где ограничивается свобода человека, где его поведение и каждодневная жизнь контролируются другими людьми и где он обязан жить согласно чужим директивам. К таким «тотальным институтам» относятся тюрьмы и психиатрические учреждения. По И. Гофману, тотальные институты характеризуются тремя основными признаками: постоянный надзор (контроль) со стороны персонала, стандартизированная среда (одинаковое питание, одежда, мебель и т.д.), а также

---

3. World Vision Грузия в партнерстве с Министерством науки и образования Грузии осуществляет проект «Учимся жить», который служит для демонстрации альтернативных способов опеки лишенных родительской заботы молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет. Целью проекта является выявление их фискального и социального преимущества по сравнению с крупными институциями и тем самым содействие осуществлению изменений в государственной политике.

строгая регламентация жизненного распорядка⁴. В данной статье речь идет не о тюрьмах, не об исправительных колониях и не о психиатрических клиниках, но об учреждениях для детей, лишенных родительской опеки. Однако из интервью, взятых у их воспитанников, следует, что по своему устройству и типам социальных взаимодействий они приближаются к тотальным институтам:

«В том интернате были плохие условия: в общем учителя относились неплохо, но мы должны были жить по правилам. Там мы не имели никаких прав. Например, нас редко выпускали наружу, мы не могли ничего делать по нашему усмотрению... Когда воспитатели шли покупать нам одежду, мы даже не имели права высказывать пожелания... Там, внутри, не живешь самостоятельно, ты заперт и не знаешь, что происходит снаружи» (Ли́ка, 16 лет).

«Всегда не хватало личных вещей, в детдоме твоего ничего нет, там все общее, т.е. ничье. Сначала все время плакала, переживала, что попала сюда, потом привыкла понемногу, но воспитатели так и не заслужили моего доверия» (Теона, 18 лет).

«Там нельзя было дружить с девочкой, с девочкой нельзя было даже говорить. Утром подъем одновременно: не встанешь, когда приказано, сразу накажут. Должен был есть, когда скажут. Там все вещи были общие, там твоего ничего не было» (Гурам, 19 лет).

Люди попадают сюда в раннем возрасте и проходят очень своеобразный путь личностного развития. В социологической литературе, посвященной проблемам социализации, важная роль отводится агентам этого процесса⁵: семья, школа, группа сверстников, средства массовой информации. В таких учреждениях круг этих агентов сведен до минимума. Семья для большинства их воспитанников выполняет номинальную функцию: они редко соприкасаются или вообще не имеют контакта с родственниками. Школа также не является для них полноценной средой социализации. Они учатся либо в школах-интернатах, где все остальные такие же, как они, либо в обычных школах, где они, однако, не могут вступать в свободную интеракцию с другими детьми. Весьма ограничено поступление в эти учреждения информации по каналам СМИ. Таким образом, ситуация в детских домах радикально отличается от домашней обстановки и, соответственно, это пространство не создает те условия социализации, которые естественны и обычны для детей, растущих в семьях.

4. Мационис Дж. Социология. 9-е издание. СПб: Питер, 2004.

5. Там же.

Социализация подразумевает социальный опыт длиною в жизнь, с помощью которого индивиды обогащают свой человеческий потенциал и воспринимают культуру. Человеку необходим социальный опыт, поскольку личность формируется путем осмысления и принятия окружающего мира, и, значит, в его отсутствие человек не может полноценно развиваться⁶. Детские дома не обеспечивают успешной социализацией детей и подростков, лишая их возможности получить разнообразный социальный опыт.

«Такое чувство, что ты оторван от всего, выброшен, выключен из общества. Выйдя из детского дома, никому не доверяешь, трудно вступать в контакт, ты испуган, а рядом никого, кто скажет, что делать, как лучше, как принято в обществе» (Теона, 18 лет).

«Мне даже не было жалко, что не выпускали наружу; я привыкла, что все мое пространство было там, и меня уже не интересовало, что было за его пределами. Я и не знала, что снаружи столько всего. Это я осознала уже потом, когда вышла оттуда, часто думала, что отстала от многого» (Лица, 16 лет).

«По городу не могли нормально передвигаться, настолько редко выходили в город, ориентация была ноль» (Гурам, 19 лет).

Из слов информантов можно понять, что в детдомах шансы получить социальный опыт «большой жизни» сведены к минимуму. У находящихся там индивидов нет свободы выбора, они постоянно испытывают стресс от чужого надзора и указаний, исполнение которых обязательно. Личного пространства практически не существует. Ограничен «выход» – свободное передвижение за пределами детдомов и интернатов. Это не позволяет детям получить простой опыт ориентации по городу. Индивидам, вышедшим из подобных учреждений, даже в родном городе трудно ориентироваться без посторонней помощи. Информационный поток, доступный воспитанникам учреждений, также намного меньше, чем у их «обычных» сверстников. По причине недостаточного контакта с внешней средой их поведение и имеющийся арсенал принятых в обществе норм и ценностей весьма скудны, что создает объективные предпосылки для скрытности и замкнутости. Конечно, определенный социальный опыт дети и подростки получают и в учреждениях, однако очевидно, что он в количественном и качественном отношении значительно отличается от опыта «обычной молодежи». В результате, когда воспитанники подобных учреждений оказываются

6. Мационис Дж. Указ. Соч.

ся за его пределами, им трудно дается адекватное взаимодействие с обществом, они чувствуют себя беспомощными и беззащитными. Вследствие этого окружающую среду они воспринимают враждебной и подавляющей, сторонятся людей и ставят себя ниже других членов общества.

«Я не могла никуда ходить, очень комплексовала, не могла ни с кем общаться, знакомиться, сторонилась незнакомых, не умела говорить с парнями» (Саломе, 17 лет).

Естественно, столь неподготовленные к «большой жизни» люди с трудом могут выстраивать социальные союзы, они скованы и замкнуты, испытывают чувство неполноценности по сравнению с другими и крайне остро воспринимают оценку со стороны общества.

Помимо того, что эти индивиды отчуждены от общества, находящегося за стенами детского дома, они также отдалены друг от друга. Для живущих в детских домах молодых людей характерно то, что в психиатрической литературе называется симптомом нарушения привязанности (*attachment disorder*)⁷, отражающимся на их поведении и речи. Во время работы в проекте, а затем при проведении исследования меня поразило, в частности, то, что в разговорах со мной они почти не упоминают членов семьи, будто история семьи не является частью их биографии. И даже если в разговоре заходит о них речь, то они никогда не используют эмоциональных эпитетов и оценок.

Так, одна девочка, которая все еще жила в детдоме, ни разу не упомянула, что там же находились три ее сестры. Самой младшей из них было всего пять лет, но ни у одной из старших сестер не было по отношению к ней покровительственного или хотя бы заботливого отношения. Во время беседы младшая сестра несколько раз упала, но старшая не проявила никакой реакции. Затем, когда детей позвали обедать, младшая сестра спала и не слышала этого. Правило знают все: если не пообедать в назначенное время, останешься без обеда. Но ни одна из сестер не разбудила младшую и не сохранила ее порцию. Если бы не чуткость сотрудницы, девочка до ужина осталась бы голодной.

Этот случай был одним из первых среди тех, свидетелем которых я стала в процессе исследования, поэтому поначалу воздержалась от обобщения. Но позже стало очевидно, что такие случаи

7. См., к примеру: *Боулби Д. Привязанность*. М.: «Гардарика», 2003.

не единичны. Большинство моих информантов попали в детские дома вместе с братьями и сестрами, но они не фигурируют в рассказах друг друга. Было бы логично, если бы их жизнь и судьбы были тесно связаны. Но вопреки моим ожиданиям я не слышала высказываний типа *«нам с братом было очень трудно, мы скучали и хотели домой»* или *«моя сестра очень переживала, я успокаивала, вместе вспоминали время, проведенное дома...»*. Попав в детский дом, подростки и молодые люди не смотрят на своих братьев и сестер как на членов своей семьи и не ощущают их частью своего «я». После визита в дома малого семейного типа одна из «мам» сказала, что вначале ее удивили индифферентные и эмоционально холодные отношения между биологическими братом и сестрой, переведенными из детского дома. По ее оценке, отношения между ними ничем не отличались от отношений с другими детьми. Это открытие было неожиданностью для женщины, у которой было три взрослых ребенка и сестры.

В другой раз я имела возможность наблюдать за внутрисемейными отношениями в доме, где жили молодые супруги, каждый из которых имел опыт жизни в детском доме, с ребенком. Жена Элене с шести лет воспитывалась в детском доме, муж (как говорят соседи и социальные работники) в детском доме жил только два-три года. Из-за пьянства матери он рос в основном на улице, с девяти лет работал по возможности, в основном был посыльным у соседей, за что получал немного денег. Поэтому он был знаком со многими людьми в общине. Благодаря честному отношению к работе и доброте заслужил любовь и уважение окружающих. Во время визита я заметила определенную разницу между супругами. Было видно, что Элене заботится о ребенке, но в ее отношении не чувствовалось эмоциональной привязанности. К ним меня привела социальный работник, которая поделилась своими наблюдениями. По ее словам, Элене неплохая мать, но она недостаточно внимательна, не ориентирована на ребенка, индифферентна к советам участкового врача и социальных работников. Я также заметила, что, несмотря на определенную доброжелательность, она не проявила должного гостеприимства, что так характерно для грузинской культуры, особенно в регионах. О своем ребенке она говорила так, как детдомовцы о своих братьях и сестрах – без эмоций. Если я специально не задавала вопросов о ребенке, она вообще не говорила о нем, хотя в этом обществе принято и естественно говорить о детях. Картина совершенно переменялась, когда домой вернулся ее муж Нодар.

Он сразу начал хлопотать, приласкал ребенка, принес розовую ванночку, розовое мыло и под цвет полотенце. На обратной дороге социальный работник сказала, что это она посоветовала родителям купить специальную ванночку для ребенка. Как видно, молодой отец точно выполнил совет и принес ребенку все розовое, как принято для девочек.

Случай Нодара отличается тем, что он мало времени провел в закрытом пространстве – детдоме. Тот факт, что у него было много знакомых и что ему часто приходилось общаться с разными людьми, помог ему в построении социальных отношений и принятии социального опыта, предоставляемого его микро-обществом. А его супруга, очевидно, любит своего ребенка так же, как и любая мать, но не имеет социального навыка выражения эмоциональной привязанности, тепла и заботы.

После наблюдения других подобных фактов и бесед у меня осталось впечатление, что между биологическими братьями и сестрами, как и между другими родственниками, нарушена всякая социально-родственная связь, что рожденные в одной семье люди не чувствуют близости и ответственности друг перед другом и друг за друга. Нередко люди считают воспитанников детских домов самостоятельными и целеустремленными: *«У них нет того, на кого можно было бы положиться, и они вынуждены быть сильными»*. Я же считаю, что подобную «самостоятельность» и «целеустремленность» люди путают с эмоциональной холодностью, с индифферентностью к окружающим. Никто не заботится об этих молодых людях, никто не проявляет тепла, не просит и не предлагает им помощи, и со временем эти молодые люди теряют потребность в социальных связях и ощущение собственной важности. Окружающие люди становятся им безразличны. Они сами признают в беседах, что у них нет ощущения «мы». С этим связаны, на мой взгляд, их душевное одиночество и отчужденность.

«Детдомовцы» и «интернатские» образуют группу, для которой характерны схожее поведение, схожие проблемы и, что самое важное, которую объединяет наличие в биографии детского дома, школы-интерната. Это предопределяет их будущее, влияя на конструирование собственной идентичности и представлений о социальном мире.

2. «Интернатский» – стигма?

Существующие в обществе стереотипы и предубеждения о воспитанниках детских домов дают основания признать существование стигмы «интернатский». Хотя гофмановская типология стигм⁸ не включает социально незащищенных, лишенных родительской опеки детей и выросших в учреждениях подростков как социально стигматизированную группу, на деле случай этих детей подпадает под описанные им механизмы стигматизации. О степени стигматизации этих молодых людей мы можем судить на основании информации, полученной в ходе углубленных интервью. Это также подтверждают наши наблюдения, свидетельствующие об агрессивном к ним отношении общества. В итоге люди, воспитанные в детских домах, чувствуют себя отчужденными и отторгнутыми от социума.

Об этом, в частности, ярко свидетельствует опыт перевода детей из школы-интерната в обычные школы. Некоторые родители запретили своим детям общаться с «интернатскими». А в одной из школ родители предъявили ультиматум преподавателям: если они не отправят детей обратно в интернат, то они переведут своих детей в другие школы. «Они грязные, вшивые и вонючие», – говорила одна из родителей на родительском собрании. Учителя тоже довольно грубо обращались с переведенными из воспитательных учреждений детьми и перед всем классом часто называли их словом «интернатский», а не собственным именем.

«Мой лектор довольно образованная женщина, но даже у нее возник вопрос: детдомовская и такая умная? Все ожидают, что раз я из детдома, то должна быть необразованной» (Теона, 18 лет).

«Другие дети иначе смотрели на нас, мальчики приходили не для того, чтоб любить, они приходили для другого, чтоб попользоваться. Когда перешли в обычную школу, учителя и ученики иначе смотрели на нас. Ученики просили учителя дать прочитать урок “интернатским”: они думали, что мы даже читать не умели и хотели повеселиться» (Анжела, 16 лет).

«Я наблюдала за людьми, когда выходила наружу, и замечала, что они стыдились общения с нами. Я была знакома с ребенком, который заходил во двор интерната поиграть, а за стенами интерната и близко не подходил – он стеснялся общения со мной. Один раз пошла в гости и услышала, как мать говорила одной обо мне: она интернатская и не дружи с ней» (Саломе, 17 лет).

8. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963.

Та часть общества, которой приходится общаться с воспитанниками учреждений для детей-сирот, нередко сравнивает этот биографический «недостаток» с физическим дефектом. К примеру, браки между людьми с ограниченными физическими возможностями часты так же, как и между воспитанниками этих учреждений. По рассказам одного социального работника, к ней часто приходят родственники лиц с ограниченными физическими возможностями и предлагают склонить молодых людей, воспитанных в учреждениях, на подобный брак.

«Одной моей соседке я отказала, возмутилась, когда она пришла с таким предложением, а они удивились: ну и что, она же детдомовская».

Социальные работники рассказывают случаи, когда семьи не принимали зятьев и невесток из-за их «интернатского» прошлого. Для сравнения, в отчете⁹ Human Rights Watch о ситуации в российских учреждениях для детей-сирот указывается, что их воспитанники становятся жертвами укоренившихся предубеждений, суть которых состоит в том, что каждый брошенный родителем ребенок имеет врожденный дефект и что для них характерно антисоциальное поведение, обусловленное их генетикой и особенностями происхождения.

За время моей работы в этой области я часто сталкивалась с тем, что люди называют таких подростков «упатроно». В каждодневной речи это грузинское слово, которое можно перевести как «беспризорный», означает человека, за поступки которого некому отвечать, за которым не стоит защитник и наставник, человека, у которого нет никого, перед кем он чувствовал бы моральную ответственность и обязательства¹⁰. К такому «упатроно» мало доверия, так как доверие к его личности никем не подкреплено. За его поступки никто не отвечает, кроме него самого, и общество не информировано о его предках. Использование этого слова в качестве синонима для «детдомовца» является признаком того, что люди изначально относят воспитанников детских домов и интернатов к группе «неудачников» и «ненадежных людей». Интересен и тот факт, что сами «детдомовцы» также воспринимают себя беспризорниками, или «упатроно».

9. Отчет 1998 года Human Rights Watch «Под опекой государства»: воспитанники образовательных учреждений для детей-сирот в РФ испытывают жестокость и пренебрежение (Abandoned to the state: Cruelty and neglect in Russian orphanages / Human Rights Watch, 1998. <http://www.hrw.org/campaigns/russia98/action.htm>).

10. В грузинском обществе человек обычно связывает свои или чужие неудачи с отсутствием влиятельного покровителя, «патрони». К примеру, говорят: «В институт не поступил потому что не было «патрони» (покровителя, защитника, хозяина)», «выгнали с работы, ведь у него не было «патрони». Чужие успехи также часто объясняются наличием влиятельного «патрони», а не личными заслугами. Под «патрони» подразумеваются социально обеспеченные и влиятельные родители или родственники, муж и т.д. Считается, что невозможно обидеть, унижить имеющего «патрони», а у не имеющего такого защитника мало шансов на успех.

«Все смотрят сверху, когда ты детдомовский, потому что некому за тебя постоять, в детдоме никто не чувствует себя защищенным, там ты всего лишь беспризорник, “упатроно”. Там нет никакого “мы”».

На основании сказанного можно предположить, что наименования «детдомовский» или «интернатский» обозначают индивида с неполноценным социальным статусом. Агентами этой стигматизации являются воспитатели, учителя, родители «обычных детей», «обычные дети» и сами воспитанники детских домов, разделяющие предубеждение, что раз родители сдали их в детдом, то они плохие. В отношении этих молодых людей общество имеет негативные ожидания, основанные на предубеждениях, рисуящих их необразованными, неопрятными, неухоженными, склонными к криминалу, развратными и нездоровыми.

«Мальчик дал мне яблоко, учитель нашел и подумал, что я украла, я очень нервничала, я была оскорблена» (Теона, 19 лет).

«Услышала, как классная руководительница говорила: “Они ненормальные”; одноклассники плохо шутили с нами, не с другими девочками, только с нами» (Анжела, 16 лет).

«На улице многие смотрят на меня как на дебила, думают, что я больная» (Лика, 16 лет).

«Однажды меня отпустили к родственникам, я радовался, но ночью заперли дверь моей спальни, испугались, подумали, что могу им чем-то навредить. Все ждут от нас плохого» (Гурам, 19 лет).

Таким образом, к анализу данной группы можно применить методику изучения социальной стигматизации, разработанную Джонсом и его коллегами, выделившими шесть измерений социальной стигмы¹¹. Среди них есть факторы, как связанные с предубеждениями и установками других людей по отношению к «беспризорным» детям и подросткам (эстетические атрибуты, ощущение исходящей от них опасности и т.д.), так и с их субъективным восприятием других и себя в мире (скрытность, страх и недоверие и т.д.), а также объективные факторы, связанные с условиями социализации (в семье, в малом доме, в госучреждении). Наличие и степень проявления этих факто-

---

11. Jones E.E., Farina A., Hastorf A.H., et al. Social Stigma: The Psychology of Marked Relationships. New York: W.H. Freeman, 1984. Это исследование посвящено опыту различных стигматизированных групп. В нем сделана попытка объяснить значение стигмы, показать коллективную идентичность стигматизированных, чувствительность к дискриминации среди стигматизированного и не стигматизированного населения, а также психологические эффекты стигмы. Исследование выявило, что члены заклеивенной группы знают об отрицательных стереотипах, которые им приписываются. Авторы предложили альтернативную модель для понимания стигмы, которая содержит шесть измерений: 1) скрытность, 2) динамика (выход и прогноз), 3) деструктивность, 4) эстетические атрибуты, 5) происхождение стигмы и 6) опасность, исходящая от группы.

ров и условий являются индикатором, позволяющим измерить «глубину» стигматизации.

Во-первых, *скрытность*: дети и молодые люди из детских домов и школ-интернатов стараются скрыть этот «дефект» в своей биографии или просто приукрасить ее. Рассмотрим, для примера, случай, когда несколько детей-сирот были отправлены в летний лагерь, где их никто не знал. Они скрыли, что были из детского дома и поэтому все время пребывания в лагере были замкнутыми и напряженными, не могли контактировать с другими детьми, так как боялись, что их тайна раскроется. Домой они вернулись усталые и недовольные тем, что не оправдались их надежды на хороший и веселый отдых. Некоторые респонденты отмечают, что не всегда говорят, что они воспитанники детдома: *«Необязательно каждому знать, что я детдомовский»* (Дима, 19 лет).

Во-вторых, *динамика стигматизации*: ее условия и результат меняются со временем. В нашем случае шанс на избавление от стигмы и выход из стигматизированной группы дает *социализация* вне специализированного учреждения. Можно сказать, что в случае деинституционализации происходит смягчение стигматизации и враждебности: слово «детдомовец» становится носителем менее отрицательного значения. Так, по словам одного из респондентов, когда дети из детдомов перешли в дома малого семейного типа, поначалу соседи сторонились их и запрещали собственным детям играть с ними. Но после того, как они познакомились с их «мамой» и поближе узнали ее, то стали общаться и с детьми. Соответственно, «детдомовец» потерял для них значение носителя опасности.

В-третьих, *деструктивность*: страх и недоверие мешают вышедшим из воспитательных учреждений молодым людям адаптироваться к внешнему миру:

«Выйдя оттуда, сначала сталкиваешься с грубостью, с отчуждением, ты никому не нравишься, тебя сторонятся» (Лика, 16 лет).

«Ужасно себя чувствовала, ни с кем не могла общаться; я думала, никто не будет со мной дружить, думала, что мой самый большой недостаток – это то, что я из детдома» (Саломе, 16 лет).

«У меня было больше комплексов, думал, что другие не захотят со мной общаться, потому что я интернатский. От других никогда не чувствовал иного отношения» (Гига, 19 лет).

По причине этих деструктивных установок эти дети с трудом идут на контакт, с подозрением относятся даже к доброжелательно настроенным людям.

В-четвертых, *эстетические* атрибуты, приписываемые обществом воспитанникам детских домов и создающие их отталкивающий образ в глазах других. Воспитанники детских домов в обществе воспринимаются как немытые, грязные, плохо одетые, неухоженные. Иногда эти эстетические характеристики уравниваются с физическими дефектами: некоторые считают, что люди с такой биографией достойны жить только с физически или умственно неполноценными людьми.

В-пятых, *происхождение*, говорящее о том, приписывается ли стигма автоматически фактом рождения или приобретается позднее, в связи с попаданием в воспитательно-образовательное учреждение для детей-сирот.

«Постоянно чувствую страх и недоверие; на тебе лежит отпечаток, что ты хуже других, потому что ты из детдома. Обыкновенные дети – это те, кто не попал сюда, ты чувствуешь, что ты не такой, как все, но осознаешь это только в общении с другими» (Теона, 17 лет).

В-шестых, *опасность*: угроза для общества, исходящая от «детдомовцев» в восприятии людей, является условием того, что эти индивиды чувствуют себя членами отчужденной, негативно оцениваемой обществом группы. Это влияет на всю их дальнейшую жизнь: в зрелом возрасте они стараются восполнить недостаток социальных навыков, они борются с живущим в них «интернатским», упорно стараются стать приемлемыми для общества, т.е. «обычными людьми», и это довольно болезненный процесс.

«Сейчас я сильная, для этого я много работала над собой и вообще... Мне повезло, другим не знаю... Сейчас я знаю манеры, правила поведения в обществе, я хорошо учусь, т.е. я сильная. Сейчас я учусь в техникуме, у меня есть свои вещи. Знаешь, сколько надо работать, чтоб иметь свои вещи? Нет, за детдомовца не пойду. Если у него будет еда и жилье, ему и этого хватит, а мне нужно больше, намного больше... Не знаю, будет ли он такой же сильный, как я» (Теона, 18 лет).

3. Малые дома семейного типа

Ясным подтверждением того, что активная социализация и возможность получить богатый социальный опыт освобождает «интернатских» от такой тяжелой доли, являются те изменения, которые на

себе ощущают молодые люди, помещенные в малые дома семейного типа. Здешняя обстановка максимально приближена к домашней: мама и папа, другие дети, дом, где каждый из жителей имеет право на личное пространство – «свой угол». У них появляются «свои вещи», которые они используют по собственному усмотрению. Они получают право выбирать, принимать решения, касающиеся их жизни, а также участвовать в принятии общего решения. Подростки получают возможность свободно передвигаться, определять свой режим дня в зависимости от того, насколько это полезно и приемлемо для них. В то же время мама и папа, т.е. люди, которые исполняют эти функции в доме, в определенной степени вмешиваются в их решения, и тогда им приходится уступать и принимать во внимание чужое мнение и желания. Подростки принимают участие в составлении семейного бюджета и в распределении денег, определяют приоритеты совместно с родителями. Кроме того, они участвуют в домашних делах – в уборке, приготовлении еды и т.д. Немаловажно также то, что они могут приглашать своих друзей в гости, сами ходить к ним домой, устраивать скромные вечеринки и общаться с тем микро-обществом, которое окружает дом малого семейного типа. У них есть советчики в лице «пап» и «мам», которые всегда могут дать ответ на тот или иной вопрос. Дети активно контактируют с соседями, друзьями воспитателей, другими участниками проекта, часто приходящими к ним в гости. Что особенно важно и бросается в глаза во время наблюдения, так это то, что жители этих домов уважают друг друга, стараются создать теплую семейную обстановку.

Когда детей из больших учреждений переводили в дома малого семейного типа, я еще работала в проекте и поэтому могла наблюдать процесс в динамике. Сначала ситуация казалась очень искусственной, и я думала, что разница состояла только в улучшенных жилищных условиях. Дети с трудом привыкали друг к другу, к воспитателям, к «родителям». Дети воздерживались от участия в общей деятельности, такой как приготовление обеда, сервировка стола, совместный просмотр фильма по телевизору, игры, уборка дома и т.д. Во всех трех домах были дети, которые заявляли, что не смогут жить с остальными и что предпочитают вернуться в интернат. «Родителям» тоже было трудно несмотря на их специальную подготовку: было нелегко привыкнуть к тому, что дети не имели элементарных навыков, не соблюдали гигиены, не имели культуры общения. Я сама на себе испытала те трудности, которые в начале имели место в домах малого семейного типа. Когда я первый раз приехала к детям, то привезла им подарки и наивно верила, что дети им обрадуются. Но мои ожидания

не оправдались: дети довольно прохладно и прагматично выбрали подарки, не считаясь с чужими желаниями, и не выказали благодарности. Однако спустя некоторое время я опять привезла им подарки: на этот раз чувствовалось, что они ждали этого и не забыли поблагодарить. В третий раз они уже спрашивали друг друга, кто, какой подарок хочет взять. Я была также свидетелем случая, когда сестра не поделилась последним куском торта со своим биологическим братом. «Маме» стало неловко, а девочка никак не могла понять, почему она должна заботиться о младшем брате.

Была еще одна важная проблема. Молодым людям сначала было трудно правильно применить данную им свободу. Девочки стремились проводить время в болтовне с соседскими ребятами, одевались вызывающе и делали не соответствующий возрасту и ситуации макияж. Со временем перемены стали очевидны. Первым важным моментом было появление слова «мы». Дети активно стали гулять вместе, участвовать в домашних делах, научились уступать. Мнение «мамы» в вопросах одежды стало важным. Однажды я приехала к детям на обед, чему они были рады. Они постарались приготовить вкусные вещи и попросили «маму» накрыть стол особой посудой, хотя вначале посуда им была абсолютно безразлична.

Можно сказать, что ситуация здесь и по сей день не идеальна, бывают недоразумения и конфликты, однако, как видно из этих примеров, в детях, переведенных из детских домов и интернатов, произошли очень важные изменения. Можно выделить основные моменты, обусловившие эти перемены:

- Высокая степень взаимодоверия, достигнутая в результате общения;
- Демонстрация и прием опеки;
- Появление приватного пространства и личных вещей;
- Возможность свободного выбора;
- Сочувствие, помощь, совет;
- Практическая передача знания и опыта;
- Взаимная защита;
- Выражение тепла и уважения;
- Возросшие возможности для общения с окружающей средой.

Нужно отметить, что эти молодые люди и сами ощущают в себе перемены. Это является важным шагом на пути к более позитивному и оптимистическому восприятию самих себя. Это, в свою очередь, дает основание думать, что в конечном счете они почувствуют себя полноправными членами общества:

«Чувствую изменения, освободилась от комплексов, это дало веру в себя, что все мне доступно, могу знакомиться с людьми, могу общаться с парнями» (Саломе, 17 лет).

«Я стал другим человеком, я не ограничен, понимаю, что хорошо и что плохо. Здесь я чувствую себя так, будто рос в семье, и не хочу потерять эту семью. Здесь так, как будто готовишься к экзамену и только когда начнешь жить самостоятельно, только тогда поймешь, как сдал выученный урок и экзамен» (Симон, 16 лет).

«Когда перешла в этот дом, я поняла, что больше никогда не буду “интернатской” и что здесь буду жить лучше. Главным для меня было тепло и домашняя обстановка. Я многому научилась: общаться с людьми, готовить еду, ухаживать за собой, культуре есть и одеваться – я чувствую себя свободной, и эта свобода мне очень дорога» (Нона, 15 лет).

Заключение

Проведенное исследование показало, что воспитанники детских домов и других государственных учреждений для детей, лишенных родительской опеки, не проходят полноценных этапов социализации от семьи до самостоятельной жизни, и по причине этого носят ярлык неполноценности. Как мы смогли увидеть, стигматизация является двусторонним процессом, в котором принимают участие как общество, так и сами члены группы. Проблема молодых людей, выросших в образовательно-воспитательных учреждениях, состоит в том, что они изначально относят себя к группе отвергнутых. Такое определение собственного места в обществе создает проблемы и трудности, с одной стороны, для самого общества, а с другой – для этих молодых людей. Однако у общества есть рычаги, чтобы создать для воспитанников детских домов и интернатов условия, при которых они будут получать социальный опыт, расширять границы своего социального мира. Так они освободятся от стигмы «интернатский» и определят для себя позитивное место в обществе.

Из наблюдения за жизнью домов малого семейного типа можно сделать вывод, что на болезненном пути от детских домов до становления полноценным членом общества молодым людям необходим медиатор, который обеспечит социальные условия для интеграции в общество. Дети из больших учреждений, попавшие в дома малого семейного типа, из отчужденных индивидов превращаются в членов семьи и, соответственно, общества. Они учатся солидарности и коопе-

рированию, осознают, что становятся частью чего-то положительного и от этого возрастает их собственная значимость. Мы смогли также сделать вывод о том, что даже после временного проживания в такой обстановке сравнительно естественно и последовательно происходит принятие ценностных и поведенческих конструкций, принятых в местной культуре. В результате эти молодые люди освобождаются от негативных представлений, созданных на свой счет, и утрачивают чувство отчужденности и неприятия.

НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ КУРМАНДЖИЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ¹

В данной статье рассматриваются проблемы конструирования курдской и езидской национальной идентичности среди *курманджиязычного населения* Армении в постсоветский период, отмеченный активизацией этноконфессиональных процессов на всей территории бывшего Советского Союза. Использование термина «курманджиязычное население» – по названию языка *курманджи* курдов и езидов – в нашем исследовании не случайно. Оно позволяет избежать идеологической ангажированности в подходе к проблеме определения курдской и езидской идентичности, поскольку самоназвания, используемые представителями данной группы, являются политически маркированными. Соответственно, наше исследование касается тех граждан Республики Армения (РА), которые своим родным языком или родным языком своих предков считают *курманджи*².

В РА курманджиязычное население составляет самую многочисленную группу среди национальных меньшинств³. В определенной степени этот термин не является нейтральным, поскольку большая часть курманджиязычного населения РА, согласно переписи 2001 г., считает себя езидами, и такое определение может их обидеть (40 620 человек). Однако другая часть (1519 человек) предпочитает называться курдами, хотя они говорят на одном и том же языке и исповедуют одну и ту же религию – езидизм. В переписи, к сожалению, не отражено число тех представителей данной общины, которые самоопределяются как «курды-езиды» или «езиды-курды». Однако наши личные беседы со сторонниками «курдской ориентации» показывают, что у большинства из них преобладает двойная идентичность: называя свою национальную принадлежность (курд), в то же время они обязательно отмечают рели-

1. Автор статьи выражает глубокую благодарность Александру Искандаряну, Левону Абрамяну, Грануш Хара-тян и Гаянэ Шагоян за ценные советы и консультации, данные во время работы над статьей.

2. Сразу оговоримся, что в данную категорию мы не включаем курманджиязычных армян, переселенцев из Западной Армении, которые насчитывали несколько тысяч человек. Исповедуя христианство, они употребляли язык курманджи в семейном общении, но в настоящее время уже все перешли на армянский.

3. Согласно данным последней переписи 2001 года, в этой группе насчитывалось 42 139 человек, то есть чуть больше 1.3 % всего населения РА.

гиозную (езди-курд или курд-езди), тем самым подчеркивая, что они не совсем идентичны с курдами-мусульманами. Согласно данным Гр. Харатян, начальника управления по делам национальных меньшинств и религии в аппарате правительства РА, в настоящее время на территории РА проживает всего около двух десятков курдов-мусульман⁴. Наше исследование не затрагивает проблемы этих курдов, учитывая их фактическое отсутствие в общественно-политической жизни РА.

Рассматривать вопросы национальной идентичности разбросанных по всему свету этнических и конфессиональных групп лишь в пределах одной страны практически невозможно и с научной точки зрения не очень продуктивно. Однако поскольку наше исследование базируется не только на накопленном разными исследователями научном материале, но и на личных наблюдениях и полевом материале, который был собран в РА, рамки исследования были сознательно сужены до пределов одной страны. Тем не менее в силу неизбежности параллелей с другими странами были также использованы сравнительные материалы.

1. «Курды» и «езиды» в РА: один или два народа?

Говоря о езидах и курдах РА как о едином сообществе, тем не менее необходимо учитывать существующие между ними противоречия. При наличии одного и того же языка, религии, письменности (в широком смысле данного понятия, имея в виду письменные и литературные традиции, а не письменную систему, которая ныне уже не является единой для представителей курдской и езидской ориентаций) и народных обычаев, курды и езиды в РА пытаются определять себя как отдельные этнокультурные образования. Проанализируем причины и факторы этого раскола.

1.1. Идеология курдской ориентации: от религии к политике

До тех пор, пока в РА проживали курды-мусульмане, для курманджизычного населения РА был актуален конфликт интересов в религиозной сфере. После их ухода возник новый «субъект напря-

---

4. До начала Карабахской войны в Армении проживало также некоторое количество курдов-мусульман. Согласно переписи 1989 г., 0,1 процента населения Армении (4151 человек) называли себя курдами, притом в основном это были курды-мусульмане. Большинство курдов Армении исповедовали шафитскую разновидность православного ислама – суннизма. Курды-мусульмане переселились в Азербайджан, где почти потеряли свой родной язык и ассимилировались с тюрками-азербайджанцами. Согласно неофициальным данным, в настоящее время в Республике Азербайджан проживает около 150 тысяч курдов-мусульман.

жения» – та часть населения езидского вероисповедания, которая в национальном отношении стала идентифицировать себя с курдами-мусульманами, вместе с тем не принимая ислам. В настоящий момент большинство курманджиязычного населения РА продолжают называть себя *езидами*, считая это этническим обозначением. Однако его небольшая часть считают себя *курдами*, а термин «езид» используют лишь для наименования своей религии. *«Вы тоже считаете, что мы разные народы?»* – это был первый вопрос исполняющего обязанности редактора курдской газеты «Рйа таза», едва я успел войти в его кабинет и поздороваться с ним. *«К сожалению, есть глупые люди в нашем народе, которые называют нас езидами. Они не понимают, что это наша религия, а не национальность, – продолжил редактор. – Все мы курды, просто мы сохранили нашу доисламскую древнюю религию»*.

Разногласия в толковании этих терминов отражают раскол, произошедший в курманджиязычном сообществе РА. Наглядной тому иллюстрацией могут служить две параллельные акции, имевшие место в Ереване в конце августа 2007 года. Так, на площади Республики люди, называющие себя езидами, организовали многолюдную манифестацию в знак протеста против насилия и убийств своих единоверцев, курдов-езидов, со стороны курдов-мусульман на севере Ирака. В то же самое время представители курманджиязычного населения РА, считающие себя курдами по национальности, собрались поблизости, на площади Шаумяна, в знак солидарности с курдами Ирака, протестуя против угроз военной агрессии со стороны турецкого государства. Освещавшие эти события СМИ не всегда могли разобраться: кто такие курды и кто такие езиды в РА, какое они имеют отношение друг к другу? Не всем корреспондентам было известно, что, к примеру, два близких родственника могли участвовать в двух разных акциях. Один из них считает себя езидом, а другой – курдом, несмотря на то, что они вышли из одной среды и даже из одной семьи. Приведенный пример ярко показывает, что «выбор собственной национальности» среди курманджиязычного населения во многом обусловлен политическими взглядами и симпатиями.

Называющие себя курдами стремятся таким образом стать соучастниками «курдского национального движения» в Турции и в Ираке. Комментируя свой выбор, они подчеркивают те реальные преимущества, которые им предоставляет данная «ориентация»: это в первую очередь большая вероятность приобретения собственного государства. Ради обретения государственности представители курманджиязычного населения РА, выбравшие «курдскую ориентацию», готовы

забыть недавнее историческое прошлое своей группы и тот глубокий религиозный антагонизм, который существует между курдами-мусульманами и курдами-езидами: «*Быть курдом – это правильно*» [можно понять, «выгодно» – прим. авт.], потому что «*так мы будем иметь свою собственную землю* [т.е. страну]»⁵.

Участники вышеупомянутой манифестации регулярно проводят различные мероприятия (пресс-конференции, шествия к посольствам, манифестации), во время которых требуют автономии для езидского населения Ирака в составе курдского или другого государства. Организаторы этих мероприятий считают, что их соплеменники и единоверцы в Ираке находятся под угрозой уничтожения и что единственной гарантией сохранения своей религии и национальной идентичности может стать предоставление им реальной культурной и экономической суверенности.

1.2. Факторы увековечивания «езидской» идентичности: проблема образования

Идеологи «курдской ориентации», как показывает наше исследование, – это в основном люди с высшим образованием, представители курманджиязычной интеллигенции РА, для которых религиозная принадлежность не имеет большого значения. Они видят будущее своей этноконфессиональной группы в общем с курдами светском государстве, где ислам или езидизм не будут играть существенной роли⁶. В отличие от них те представители курманджиязычного населения РА, которые продолжают считать себя езидами, не согласны строить будущее своей группы по принципу забвения исторического прошлого. Они полагают, что религия – это основа их этнической и национальной идентичности и что она должна быть решающей в выборе политических взглядов, иначе самобытность народа окажется под угрозой. Идеологами «езидской ориентации», главным образом, являются представители духовенства, которые принадлежат к *шейхским* или *пирским* семьям, и в меньшей степени – представители интеллигенции, выходцы из указанных семей.

Полагая, что получение образования негативно влияет на религиозность народа, а следовательно, ставит под угрозу национальную идентичность, они стремятся укреплять и распространять ту тради-

5. Ситуация школьного образования среди национальных меньшинств в Армении: Армянский центр этнологических исследований «Азарашен» / Под ред. Харатян Л. и Саратикян Ш. Ереван, 2005. С. 18 (на арм. яз.).

6. Однако в то же время они не спешат говорить о своем возможном переселении в независимый Курдистан (скорее, идеологи данной ориентации обосновываются в Москве и в других городах России, поскольку наряду с армянским и курманджи, хорошо владеют и русским).

ционную точку зрения, согласно которой образование – это дьявольское понятие, вредное или даже несовместимое с религиозными чувствами. Изначально они свое негативное отношение к образованию объясняли национальными обычаями (адатами) и исторической инерцией: поскольку их прадеды жили в окружении мусульманского населения, ходить в школу означало учить арабский и читать Коран, с нежелательной перспективой стать мусульманином⁷. На сегодняшний день настроенное отношение к образованию среди старшего поколения курманджиязычного населения объясняется еще и тем опасением, что, получив образование, их сыновья подвергнутся дурному влиянию, отрекутся от своих корней, своей национальности и станут ... курдами.

При этом нужно признать, что в некоторой степени негативное отношение к образованию связано не только с религиозными предписаниями, но и с экономическим строем курманджиязычной семьи. Поскольку представители курманджиязычного населения в большинстве своем занимаются сезонным скотоводством (традиционно садоводство имело очень небольшое распространение, а ремесленников и торговцев среди них практически не было), то получение образования считалось излишней роскошью⁸. На сегодняшний день отсутствие установки на получение образования весьма характерно также для наиболее обеспеченных в материальном отношении представителей диаспоры. Добившиеся успеха в «диком бизнесе» 1990-х годов родители-езиды сами, как правило, не имеют высшего образования и не могут служить для детей примером полезности вузовского диплома⁹.

Основным очагом воспитания детей в курманджиязычных семьях, особенно в сельской местности, остается ода (комната, спальня при хлеве). В этой комнате старшие в семье рассказывают о своих предках, о подвигах народных героев, похищении женщин, межплеменных распрях и прочих элементах традиционной жизни. Все это

7. В начале XX века англичанами была предпринята попытка открыть специальную школу для езидов на севере Ирака, что было сопряжено со многими сложностями. В первую очередь, из учебников нужно было убрать арабскую букву «ш», а также слова, начинающиеся на эту букву и звучащие наподобие арабского слова шайтан («сатана»). Это связано с тем, что согласно священной «Черной книге» езидам запрещено произносить слово сатана (поскольку это считается названием езидского Бога) и похоже звучащие слова (§ 24). Поэтому, например, слово шатт «река» было заменено синонимом нахр. Тем не менее, школа, открытая в атмосфере местных конфликтов, долго не продержалась. В течение нескольких недель четверо учеников утонули в реке, и езиды стали объяснять произошедшие несчастья божьим недовольством в отношении их обучения (подробнее см.: *Luce H.Ch. The Worshipers of Satan: Mosul and its Minorities. London, 1925. P. 35.*)

8. Один респондент, представитель курманджиязычного населения РА, анализируя, почему он отказался поступать в вуз, приводил следующие доводы: *«Вот у тебя сколько студентов? 10 или 20 на каждом курсе? И ты сколько получаешь денег? Ладно, не говори... Ну, столько, что даже семью до сих пор не завел и детей у тебя нет... А у меня 20 баранов, и их мне вполне хватает, чтобы продержаться свою семью, своих родителей, жену и троих детей»* (Среди курманджиязычного населения количество скота – главный показатель богатства данной семьи).

9. *Савва М.* Курды в Краснодарском крае. Исследования. Краснодар, 2007. С. 19.

оставляет глубокое впечатление на психике детей. Последних, особенно девочек, воспитывают в духе покорности и беспрекословного повиновения старшим и мужчинам. Исследования, проведенные Армянским центром этнологических исследований «Азарашен» (руководитель – Гр. Харатян), показали, что за последние 15 лет лишь одна девушка из указанной общины получила высшее образование, в то время как подавляющее большинство «будущих матерей» посещают школу лишь до 6-8 класса.

Во многих ситуациях рассматривая девушку как «товар», представители курманджиязычного населения считают ее дальнейшее обучение не только лишним, но и опасным, поскольку по дороге в школу ее могут похитить потенциальные женихи (хотя такая участь может постигнуть даже замужних женщин), а также потому, что образованные девушки могут стать непокорными женами и уклониться от тяжелого домашнего труда, к которому их приучают с детства. Женщина не имеет права сама выбирать себе мужа и не может противиться выбору отца или брата. Половая дискриминация проявляется также в том, что в застольях принимают участие только мужчины, а женщины их обслуживают и входят в комнату лишь для того, чтобы подать на стол новое блюдо или убрать со стола. Пожилая женщина – мать хозяина дома – может остаться с гостями подольше, поговорить с ними и высказать свое мнение относительно некоторых вопросов, однако все это делает стоя. Во время многолюдных застолий женщины всегда садятся в отдельной комнате. Возможно, этим объясняется отсутствие у курманджиязычного населения РА тостов за женщин.

Следует отметить, что и в настоящее время отсутствие достаточного количества соответствующих научно-профессиональных кадров существенно усложняет решение проблем, связанных с вопросами образования, письменности и науки среди курманджиязычного населения РА. Часто людей интересуют лишь темы, связанные с бизнесом и с повседневными занятиями. В результате преобладает «трудовое воспитание» детей, транслирующее традиционное мировоззрение, в то время как школьное образование уходит на второй план. Высшее же образование является по-настоящему редким явлением среди представителей курманджиязычного сообщества РА с езидской идентичностью.

1.3. Проблема двойной идентичности

В наши дни наиболее распространенными терминами для обозначения собственной национальной принадлежности среди курман-

джиязычного населения РА являются *эзди/езди*, *курд*, *эзди-курд* или *курд-эзди*. С точки зрения «семантической этнопсихологии» или «этнопсихологической семантики» обозначения *курд* и *эзди* находятся в отношениях противостояния и взаимоотрицания. Более того, исходя из исторических и политических соображений, приверженцы каждого из этих двух обозначений претендуют на превосходство над другим и склонны видеть в лице другого, противоположного образования, отрекшуюся от общей нации часть. Что касается наименований *эзди-курд* и *курд-эзди*, то они являются некой формой компромисса, предназначенного смягчить категоричность обозначений *курд* и *эзди*. Вместе с тем термины *курд-эзди*, *эзди-курд* едва ли определяют идентичность однозначным образом. Скорее, их использование отражает колебания того или иного представителя курманджиязычного общества относительно его национальной принадлежности. Притом выбор самоназвания конкретным представителем общины обусловлен не только его социальным, возрастным и религиозно-кастовым статусом, но и географическими, экономическими обстоятельствами, а также той ситуацией, при которой происходит беседа.

Чрезвычайно интересным кажется следующее воспоминание антрополога Левона Абрамяна о его покойном друге и коллеге-этнографе Мамозе Халите (Дарवेशяне), «который сам переживал двойственность в своей идентичности: в обыденной жизни был уважаемым в своем обществе езидом, а как ученый считал себя курдом, лишь по традиции считавшимся езидом»¹⁰. Колебания курманджиязычного ученого в своей идентичности выражались также в употреблении двух фамилий: фамилия Дарवेशян указывала на его езидскую принадлежность, а подписываясь как Мамозе Халит, он подчеркивал свою курдскую идентичность. Схожим образом использует параллельные формы своей фамилии известный курдский историк Карлене Чачани: Чачанян / Чачани. Однако, к примеру, другой курманджиязычный этнограф и писатель Аминэ Авдал не использовал иной формы своей фамилии, поскольку четко придерживался курдской идентичности.

Сам М. Халит о проблеме двойной идентичности среди курманджиязычного населения РА писал: «Советские курды-езиды в графе национальность паспорта пишутся как езиды и считают себя езидками, а не курдами, понимая под последним словом только курдов-мусульман. Еще сегодня езид пожилого возраста кровно оскорбится, если назвать его курдом. Однако в последнее время, особенно при недавнем обмене паспортов, часть езидской интеллигенции предпочла

10. Abrahamian L. Armenian Identity in a Changing World. Mazda Publishers. P. 111.

назвать себя курдами»¹¹. Эти слова М. Халит писал в середине восьмидесятых годов прошлого века. Но, как вспоминает Левон Абрамян в своей монографии об армянской идентичности, «в конце 1980-х я был свидетелем демонстрации чрезвычайно агрессивной группы езидов, протестовавших перед зданием ЦК КП Армении по поводу того, что известный курдолог, езид по происхождению [Шакро Мгоян – Прим. авт.], назвал в телевизионном интервью свой народ курдами-езидами»¹². Сам Л. Абрамян в начале 1980 гг. в одном езидском селеении стал свидетелем сцены, когда разъяренный человек чуть не убил этнографа (ныне покойного), назвавшего своего собеседника курдом.

В сборнике «Nationalities of Armenia», вышедшем в свет в 1999 гг., курды и езиды представлены как отдельные общины: статью про езидов написал председатель национального союза езидов РА Джамал Садахян, а статью про курдов – председатель организации курдской интеллигенции Амарике Сардар¹³.

Национальный союз езидов Армении издает свою официальную газету на родном языке – «Голос езидов», кроме этого национальное радио Армении ежедневно передает тридцатиминутные передачи на «езидском языке» (термин Джамала Садахяна). У людей с курдской идентичностью в РА также есть своя газета – «Рйа таза», которая издается с 1930 года¹⁴. Кроме того, в Союзе писателей Армении до сих пор существует отделение курдских писателей, которое было создано еще в советское время.

Невозможность проведения четкой границы между курдами и езидами РА обусловлено сложностью комплекса факторов, формирующих их национальное самосознание. Зачастую последнее не совпадают не только в пределах одного селения или одного рода, но даже иногда – внутри одной семьи¹⁵. Из-за сложности данного комплекса возникает неоднозначность в интерпретациях национальных ценностей и идеалов у самих представителей указанных двух образова-

11. *Халит М.* Запреты в брачных обычаях курдов-езидов // Малые и дисперсные этнические группы в европейской части СССР (география расселения и культурные традиции). Москва, 1985. С. 120.

12. *Abrahamian L.* Op. cit. P. 112.

13. Nationalities of Armenia (eds. Novhannisyan N., Chatoev V., Kosyan A.). Yerevan, 1999. P. 61, 69. Курды и езиды РА отдельно представлены также в следующем сборнике, вышедшем в свет три года спустя: *Асатрян Г., Аракелова В.* Национальные меньшинства Армении. Ереван, 2002. С. 8, 20 (на арм. яз.). См. также: *Мкртумян Ю.* (ред.) Национальные меньшинства Республики Армения сегодня. I. Ереван, 2000. С. 24-25 (на арм. яз.).

14. В свое время «Рйа таза» была единственной курманджиязычной газетой во всем Советском Союзе.

15. Во время интервью и опросов, проведенных Армянским центром этнологических исследований «Азарашен», из 971 человека 12 дали себе определение «курд-езид». Интересно, что в 35 случаях, в которых представитель общины назвал себя курдом или курдом-езидом, другие члены его семьи сочли себя езидами. Примечательно и то, что во время опросов, проведенных тем же центром среди школьников курманджиязычного населения, дети, считавшие себя курдами, в некоторых случаях назвали свой родной язык езидским, и наоборот, некоторые езиды считали своим языком курдский. Езидские родители объясняли выбор термина «курдский» со стороны своих детей тем, что в школах еще продолжали проходить предмет «родной язык» по старым советским учебникам, на которых было написано «курдский».

ний. Данный процесс можно охарактеризовать как «активные поиски идентичности» или «построение собственной национальности».

Разнообразные факторы извне (политические и социально-экономические) значительно влияют на представления членов курманджиязычного сообщества РА о своей национальной принадлежности. В частности, неоднократно отмечалось о деятельности курдских эмиссаров из Европы, распространявших популярную литературу среди курманджиязычного населения РА. Представления о своей национальной принадлежности могут меняться не только на разных этапах жизни конкретного индивида, но и под влиянием конкретных встреч, обсуждений или событий. Иными словами, в настоящее время среди курманджиязычного населения РА отсутствует единое представление и определение собственной национальности. Зачастую это определение бывает ситуативным, т.е. зависит от того, кто спрашивает о национальности – иностранец или местный, молодой или пожилой, образованный или нет.

Таким образом, самое многочисленное национальное меньшинство РА – езиды и курды¹⁶ – являет собой яркий пример этнической группы, строящей свою идентичность (свои новые идентичности) в буквальном смысле на наших глазах. Часть курманджиязычного населения РА, которая сегодня называет себя курдами, – это совершенно новое образование, которое требует пристального внимания исследователя. Не столь часто на Кавказе мы имеем дело с пересмотром идентичности, причем в такой архаичной по многим признакам группе, как езиды. Иными словами, случай езидов и курдов в современной РА является идеальным для анализа идентичности в рамках конструктивистской парадигмы.

2. Конструирование идентичности курманджиязычных «курдов» и «езидов»

Как заметил Карл Дойч, чтобы возникло национальное самосознание, должно сначала возникнуть нечто такое, что оно будет осознавать¹⁷. Можем ли мы отнести эти слова к курдам и езидам вообще, и к курманджиязычному населению РА в частности?

Та часть курманджиязычного населения РА, которая предпочитает называться курдами, приводит следующие доводы: 1) *«мы и курды*

16. Согласно переписи 2001 гт., общее число национальных меньшинств РА составляло 67 657 человек, 73 процента из которых были езиды, 1,5 % – курды.

17. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм (перевод с английского). Москва, 2002. С. 121-122.

[имеются в виду курды-мусульмане – Прим. авт.] *говорим на одном и том же языке»; 2) «на нашей исторической родине – в северном Ираке – езиды, или “исповедующие езидизм”, живут в окружении много-миллионного курдского мусульманского населения»; 3) «у нас то же происхождение, что и у курдов-мусульман»; 4) «наша религия – езидизм, это раннее доисламское вероучение всех курдов».*

Другая часть курманджизычного населения РА, которая предпочитает называться езидами, отвечает на эти доводы следующим образом: 1) *«наш язык не курдский, он называется эздки, и курды просто присвоили наш язык»; 2) «наша историческая родина – это район Лалеша (Синджар) на севере Ирака, а курды – разнородные племена из разных регионов»; 3) «следовательно, у нас совершенно отдельное происхождение от курдов»; 4) «наша религия не имеет никакого отношения к религии курдов – мусульманству».*

Постараемся по отдельности проанализировать названные четыре фактора, после чего можно будет сделать некоторые выводы.

2.1. Язык курдов и езидов – курманджи

Язык курдов и езидов относится к северо-западной группе иранских языков. Самые близкие к курманджи родственные языки принадлежат к каспийской подгруппе иранской ветви. По свидетельству турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби, курды говорят на 13 языках и 42 диалектах: из «курдских языков» автор упоминает сорани, хиккари, синджари, заза, рузики и т.д., при этом отмечает, что говорящие на этих языках не понимают друг друга без переводчика¹⁸. Первый из упомянутых Челеби язык, *сорани*, является языком курдов Ирана и считается юго-западно-иранским диалектом (а не северо-западно-иранским, как курманджи). Язык *заза*, на самом деле, также отличается от курманджи и принадлежит к каспийской группе иранских языков. Что касается *синджари*, то это, по всей видимости, первое упоминание езидского языка, или точнее, езидского наречия языка курманджи.

В РА люди, называющие себя курдами (т.е. сторонники курдской ориентации), считают своим родным языком курдский или, чаще, *крманджи* (по армянски – к'рдерен), а люди с езидской идентичностью в качестве родного языка называют *эздки* или езидский (по-армянски – эздирен), тем самым подчеркивая, что это их национальный язык,

18. Челеби Э. Книга путешествий (перевод с турецкого на армянский, предисловие и комментарии Сафрастяна А.Х.). Ереван, 1967. С. 192. Интересно, что в настоящее время самоназвание народа заза в Турции тоже звучит как курмандж (сообщение В.Восканяна). Так же называют себя батумские курды.

а не курдов. В действительности же это единый язык, в литературном варианте которого не существует даже стилистических различий. Термин эздки – это фактически вторичное образование от названия этноконфессиональной группы езидов. Люди с курдской идентичностью, соответственно, не считают правильным употребление данного термина в качестве названия языка.

По этой причине, когда несколько лет назад ставился вопрос о создании учебника родного языка для курманджиязычного населения РА, то это вызвало много споров и обсуждений: как должен называться учебник – пособие по курдскому или езидскому языку? Кроме того, новая азбука «езидского языка», которая вышла в свет под авторством А. Тамояна и Х. Тамояна, не принимается в школах тех курманджиязычных селений, где среди населения преобладают сторонники курдской идентичности. Для них неприемлем сам термин «езидский язык». Данное отношение формируют в первую очередь сельские старосты, директора школ и другие авторитетные представители соответствующих селений.

В советский период все курманджиязычное население РА использовало на письме кириллицу, в отличие от курдов и езидов Европы, Турции, Сирии и Ирака, использующих латинский алфавит или арабское письмо. После распада СССР представители курманджиязычного населения РА с курдской идентичностью стали издавать свою газету – «R’ya T’eze» («Новый путь») на латинице, демонстрируя свою общность с курдами Турции и Европы, использующими на письме этот алфавит. Однако большая часть курманджиязычного населения РА, считающая своим родным языком езидский, предпочитает использовать кириллическое письмо, остающееся в употреблении до сего дня. Так, представители «езидской ориентации» издают свой печатный орган «Дангэ Эздийа» («Голос езидов») на кириллице. Тем самым они стремятся подчеркнуть свое право на собственный езидский язык – с письменностью, отличной от курдской.

2.2. Фактор исторической родины

Курманджиязычное население переселилось на территорию современной РА в основном в течение XIX века, в период русско-персидских и русско-турецких войн. Для значительной части езидов, являвшихся «неверными» для иранских и турецких властей, бегство в Российскую империю было способом спасти себе жизнь. По некоторым сведениям, в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. в рядах

русской армии сражались езиды во главе с Хасан-агой¹⁹. Само название «езиды» и определение членов этой конфессиональной группы как «поклонников дьявола» выражало негативное отношение доминантных наций региона к езидам. До того, как стать эндо-этнонимом, термин *езди* / *эзди* был экзо-этнонимом и означал дословно «неверный» по отношению к истинным верующим – мусульманам²⁰. «Неверными» мусульмане называли приверженцев главного божества езидизма, Малаке Тауса, которые даже под угрозой смерти и уничтожения не согласились отречься от веры своих предков.

В средневековье езидов также именовали *адави*, *шарги* и *дасыни*. Термин *шарги* по-арабски означает просто «восточный», а *адави* происходит от имени основателя езидской религии – Шейха Ади. Что касается термина *дасыни*, то его объяснения в научной литературе мы не встречали. В XVI веке курдский автор Шараф-хан использует этноним *тасни* (измененное *дасыни*) в качестве названия одного из езидских племен, наряду с *халиди*, *басйан*, *думбули* и т.д.²¹ Интересно, что среди езидов РА и в наши дни существует патронимическая группа *дасыни*, так же называют себя езиды современной Сирии²². А еще в начале XX века, по сообщению английского востоковеда-путешественника Х.Ч. Люка, *даснайи*²³ считалось самоназванием всех езидов. По всей видимости, этноним *дас(ы)ни* / *даснайи* – наиболее древний. Он, несомненно, имеет отношение к району *Дасн гавар*, упоминающемуся в армянских средневековых источниках и приблизительно соответствующему современным районам Мосула и Синджара. С юга его окаймлял горный хребет Дасан, являвшийся южной границей армянского царства Аршакидов в IV веке²⁴.

В деревне Лалеш, расположенной в районе Мосула и Синджара, находится единственное место паломничества приверженцев езидизма – храм с могилой Шейха Ади. Езиды считают данный регион не только своей исторической родиной, но и центром вселенной, где поселился Бог после сотворения мира. Что касается представителей

19. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан. Москва, 1963. С. 68.

20. Такое употребление термина *езди* встречается даже в армянской ашугской поэзии, например, в песнях Саят-Новы говорится: «От твоей любви я превратился в езида, растаял и истощился ради тебя» (*eşxemet darril im ezid, halvec'a maşvec'a k'izit*).

21. Так, Шараф-хан Бидлиси пишет, что «все курдские племена исповедуют шафитский толк, и в соблюдении уложений ислама и его сунны ... являют они истинное старание, ревность и неопишемое прилежание, за исключением нескольких племен из улусов, подчиненных Мосулу и Сирии, например, [племена] тасни, халиди и басйан, а также части [племен] бохти, махмуди и думбули, которые исповедуют езидский толк» (*Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси*. Шараф-наме. Т. I / Перевод, предисловие, примечания Е.И. Васильевой. Москва, 1967. С. 83).

22. Халит М. Указ. соч. С. 127, прим. 2.

23. Lucie H. Ch. Op. cit. P. 122

24. Районы Дасн, Нихоракан и Махкерт-тун вместе входили в состав провинции «Укрепленная страна маров» (Марац амур ашхар).

курманджиязычного населения РА с курдской идентичностью, то они также считают район Лалеша своей исторической родиной, однако для них он не имеет большого идеологического значения, поскольку в большинстве своем это люди нерелигиозные и неверующие. Выбрав в качестве этнического самоназвания термин *курд*, они не склонны подчеркивать свою связь с езидизмом. При этом нам не известен ни один случай принятия ислама представителями данной группы²⁵.

Интеллектуалы «курдской ориентации» связывают происхождение этнонима *курд* с названием раннесредневекового района *Кордук* и племен, населявших его в античное время. Район *Кордук* входил в состав южной провинции царства Аршакидов и находился в непосредственной близости от вышеупомянутого района Дасн. Однако люди с езидской идентичностью в РА не согласны, что этноним *курд* имеет географическое происхождение. На уровне народной этимологии (*Volksetimologie*), они возводят его к «езидскому» глаголу *kært*, означающему «отрезать, отсекаль», и считают курдов осколками разных народов. Тем самым представители «езидской ориентации» не только показывают свое отношение к данному термину, но и создают плодотворную почву для конструирования собственной национальности.

Исследование показало, что представители курманджиязычного населения РА, как «езиды», так и «курды», хорошо адаптировались в условиях Армении и не намерены переселяться в другую страну. Даже те представители курманджиязычного сообщества, которые считают себя курдами, очень неопределенно или же скептически высказываются о своем возможном переселении в «будущий независимый Курдистан», а чаще всего предпочитают об этом не говорить²⁶. Некоторые представители курманджиязычного населения, переехавшие в Россию, достигли значительных успехов в сфере бизнеса. Они часто владеют кафе, магазинами и другими торговыми точками. Иногда из-за «армянских» окончаний езидских фамилий в России их принимают за армян. А поскольку очень многим россиянам слово «езид» ни о чем не говорит, представители курманджиязычного населения иногда представляются просто как курды, чтобы избежать необходимости отвечать на множество вопросов.

25. Скорее, они становятся «Свидетелями Иеговы»: за последние два десятилетия распространение данной секты в некоторых курманджиязычных селениях РА имело почти массовый характер.

26. Следует отметить, что после провозглашения Арменией независимости в 1991 г. из-за тяжелых социальных условий около 10 % курманджиязычного езидского населения покинуло республику. См.: *Sadakhyan J. The Yezidis // Nationalities of Armenia* (eds. Hovhannisyann N., Chatoev V., Kosyan A.). Yerevan, 1999. P. 64. Как показывают исследования, в течение 1989-1999 годов почти 10 000 представителей курманджиязычного населения езидского вероисповедания уехали из Армении и в основном обосновались в России (Краснодарский, Ставропольский края, Москва и Подмосковье, Ярославль, Владимир и т.д.), а некоторые переехали на Украину, в Польшу и в Германию. В основном эта эмиграция входит в контекст общей эмиграции населения РА за заработком в ближнее и дальнее зарубежье.

Таким образом, сторонников курдской и езидской идентичности в РА объединяет такой фактор, как «привязанность к конкретной территории», идет ли речь об общей исторической родине – Северном Ираке, или о новой «второй родине» – Армении. Однако у езидской общины отсутствует «чувство солидарности» с курдами и представление об общей с ними истории, включая «мифы о происхождении».

2.3. Мифы о происхождении

«Как я могу сказать, что я курд, если курды убили моего деда?»²⁷ – это характерный ответ представителя езидской общины на вопрос, кто он по национальности – курд или езид. *«Курды – это не народ, это разные отходы от разных наций и национальностей, – говорит наш респондент, – само слово курд – это ругательство для нас, курды – убийцы и разбойники, как мы можем называться курдами?!»²⁸*

Люди с езидской идентичностью в РА имеют свою точку зрения относительно исторического прошлого курдов. Представители езидского духовенства считают, что часть курдов на самом деле – исламизированные езиды. В то же время, по их мнению, подавляющее большинство курдского населения Турции являются представителями разных народов – арабов, ассирийцев, турок и даже армян, которые с течением времени стали курманджиязычными (в случае армян и ассирийцев, также приняли ислам). Этим езиды объясняют наличие у курдов того же языка, на котором говорят они сами, однако подчеркивают разнородность курдского этнического массива. Следовательно, они считают неверным подход той части приверженцев езидизма в РА, которые называют себя курдами.

Как уже было сказано, среди представителей курманджиязычного населения РА, считающих свою национальность езидской, весьма распространено представление о курдах как «осколках», отколовшихся от разных народов, в том числе – от езидов. Напротив, свою генеалогию они считают «чистой» и возводят к общему для всех езидов мифическому предку. Езидская легенда гласит²⁹, что у Адама и Евы

27. Ситуация школьного образования среди национальных меньшинств в Армении: Армянский центр этно-логических исследований «Азарашен» (анализ и изложение Харатян Л. и Саратикян Ш.). Ереван, 2005. С. 16 (на арм. яз.).

28. Примечательно, что курдский историограф Шараф-хан, описывая свой народ, пишет: *«Большой частью, это люди мужественные и отчаянные, великодушные и гордые. Замечательной храбростью и отвагой, необычайным мужеством и горячностью они снискали себе славу воров и разбойников»* (Шараф-хан. Указ. соч. С. 83).

29. Авдал А. Веравания курдов-езидов / Под ред. С. Обосян. Ереван: Институт археологии и этнографии НАН РА, 2006. С. 17-18 (на арм. яз.). Краткую версию этой легенды записал С.А. Егизаров еще в конце XIX в. Согласно этой версии, человек по имени Езди, по велению Малаке Тауса, взял себе в жены одну из райских *хори*, и от их потомков произошли езиды (Егизаров С.А. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии: Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. Кн. 13. Тифлис, 1891. С. 171). Другая версия того же предания была записана нами в 2007 г. у Тайара Мусаферяна.

(*Hawa*) было 72 сына и дочери, которые женились друг на друге, и от них произошли все 72 народа мира. Все дети оставили своих бедных родителей, кроме одного – Шахида бин Джера (варианты имени – Шайди Бынджер, Сайди Бынджер, Саид Бнджер), который был увечным. Бог Малаке Таус отправил Адаму райскую женщину – небесную *hopri*. Родители посоветовались и решили отдать *hopri* в жены сыну-калеке. От их брака, как считается, произошли езиды³⁰.

Среди курдов-мусульман распространено совершенно другое предание о своем происхождении. Согласно первому курдскому историографу Шараф-хану Бидлиси (XVI в.), курды появились во времена правления арабского деспота, царя Зоухака³¹, унаследовавшего имя от древнеиранского демона Ажи Дахака. Согласно Шараф-хану, спасенные от злого царя юноши прятались в горах Курдистана, и от них произошло племя курдов.

Что касается представителей курманджиязычного населения РА, которые называют себя курдами, то им, конечно, известно предание о Шайди Бнджере. Однако они, как правило, несерьезно относятся к таким «сказкам» и считают, что у них общее происхождение с курдами-мусульманами. Интересно, что некоторые последователи езидизма в РА, которые выступают за общекурдскую идентичность, рассказывают ту же легенду Шараф-хана, заимствованную, по всей вероятности, литературным путем, но с небольшими изменениями. Отличие их рассказа состоит в том, что забыто имя злого царя, а спасенные юноши «убегают в горы Ездистана, где от их потомков потом происходят езиды»³² (имеются в виду приверженцы езидизма).

2.4. Религия как фактор идентичности

Представители «курдской общины» Армении, исповедующие езидскую религию, для обоснования своей курдской принадлежности неоднократно приводят слова лидера курдского национального движения в Турции Абдуллы Оджалана о том, что курды должны вернуться к своим корням и к религии своих предков – езидизму. Таким образом, предполагается, что все курды в далеком прошлом были последователями езидской религии, что явно противоречит данным средневеко-

30. В записанном нами летом 2007 гт. варианте данного генеалогического предания праmaterь племени называется Лейл, которая соответствует еврейской Лилит (образ последней, в свою очередь, восходит к шумерской Лилиту или Лилу). В еврейской традиции Лилит считается первой женой Адама, которая, не сумев его убедить, что они равны, улетела и превратилась в демона: она овладевает мужчинами против их воли с целью родить от них детей, вредит роженицам и новорожденным. В езидском предании, напротив, Лейл – чудесная дева с неба, которая хотела стать второй женой Адама.

31. *Шараф-хан*. Указ. соч. С. 81. Первые варианты данного предания, без упоминания курдов, зафиксированы в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.) и в «Шахнамэ» Фирдоуси (X в.).

32. *Авал А*. Указ. соч. С. 18.

вых авторов³³. В связи с подобной реконструкцией «езидского» прошлого курдов, нелишне было бы привести слова Э. Дж. Хобсбаума об историческом искажении: «Забвение истории или даже ее искажение (*l'erreur historique*) является важным фактором формирования нации, в силу чего прогресс исторического исследования часто представляет опасность для национальности»³⁴.

Представители курманджизычного населения РА курдской ориентации, напротив, полагают, что термин курд должен использоваться в более широком смысле, включая в себя не только курдов-мусульман, но и «курдов – солнцепоклонников». *«Бывают же армяне-католики или армяне-протестанты, – говорит наш респондент из села Шамирам, проживающий в Ереване, – но это не мешает им называться армянами, как остальные – последователи Армянской Апостольской Церкви. Точно так же у нас, есть курды-солнцепоклонники и курды-мусульмане. Но все мы курды».*

Однако люди с езидской идентичностью не согласны с этим тезисом. *«Говорить, что мы курды, значит отрицать существование целого многомиллионного народа», –* считает наш респондент, представитель езидского духовенства из села Ферик. Следует отметить, что согласно езидам их число в мире превышает 5 миллионов. Эта оценка, безусловно, сильно завышена, так как в статистических источниках приводится цифра 200-250 тысяч. Приверженцы езидской идентичности полагают, что религия является достаточным основанием, чтобы считаться отдельным народом. В качестве примера они нередко приводят случай сербов, хорватов и босняков, которые, несмотря на то, что говорят на одном и том же языке, исповедуют разные религии и рассматриваются как отдельные народы. По словам того же респондента:

«Есть же в мире разные народы, которые говорят на одних том же языке. Например, почему хорваты и сербы могут считаться отдельными народами? Ведь у них тот же язык!»

Таким образом, представители «езидской ориентации» в РА не принимают утверждения, что они и курды – это единый народ³⁵.

33. Согласно последним, курды, до принятия ислама, считались язычниками, а приравнивание езидизма язычеству не корректно с научной точки зрения.

34. Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. Москва, 2002. С. 332.

35. Примечательно, что в Краснодарском крае, где проживает примерно столько же курдов-мусульман, сколько людей езидского вероисповедания, большинство езидов отделяют себя в этническом отношении от курдов-мусульман. Это проявляется, например, в использовании этнонимов: езиды обычно не называют себя курдами. В списке членов общины, составленном проживающими в станице Неберджаевской езидами, в графе «национальность» указано «езид», а в графе «вероисповедание» – «солнцепоклонник». Таким образом, конфессиональные различия у езидов становятся основой этнической идентичности (Савва М.В. Указ. соч. С. 19).

Полученные данные позволяют утверждать, что религия – самый важный показатель езидской идентичности. Согласно езидскому вероучению, езидом стать нельзя, им можно только родиться. Поэтому у езидов запрещено обращаться к иноверцам со словами «мой брат!», «мой сын!». О важной роли религии в езидском самосознании (хотя многие сторонники «езидской ориентации» в РА не знают и не могут объяснить основных догм и принципов своей религии) явно свидетельствуют генеалогические предания. Так, согласно вышеупомянутой легенде о Шахиде бин Джере, муже райской *hori*, от союза с которой произошли езиды, «Адам, будучи истинным верующим, передал свою религию Шахиду, а последний, в свою очередь, своим потомкам»³⁶. В другой легенде, записанной нами, рассказывается: «Когда Бог раздавал религии народам мира, езид пришел к нему, Бог спросил: «Какой дин [= религия, вера] дам тебе?», езид, указав на один из свертков, сказал: «эс дин [= арм. «эту религию»]», и так название нашего народа осталось эзди».

Свою религию езиды называют по-разному: шарфадин, езидизм, шамс, солнцепоклонство. Слово *шамс* происходит от арабского наименования солнца. Езидизм – это вторичное образование от конфессионального названия *езди*. В «Молитве кочаков» упоминается также термин *шарфадин*, однако большинство езидов в РА не очень хорошо к нему относятся. На вопрос иноверцев и особенно иностранцев об их религии чаще всего езиды отвечают: «Мы солнцепоклонники». Но это обозначение тоже не совсем корректно характеризует специфику езидской религии. Элементы почитания солнца характерны и для других народов региона, в частности как языческие реликты³⁷.

Основателем езидской религии считается Шейх Ади ибн Музаффар (1073-1163 г.), или как его часто называют сами езиды – Шихади / Хади. Езиды считают его божьим посланником и полагают, что он был сотворен из тени Малаке Тауса. Как реальное историческое лицо Шейх Ади происходит из арабского княжеского рода Омейидов и упоминается в нескольких арабских средневековых сочинениях. Родился Шейх Ади в деревне Бейтнар Баалбекской области исторической Сирии (этот район ныне входит в состав Ливана). Свое прозвище ал-Хакьяри он получил по названию гор, находящихся на территории

36. Kreyenbroek Ph. G. *Yezidism – Its Background, Observances and Textual Tradition*. New York, 1995. P. 37.

37. К примеру, обычай молиться каждое утро, обращаясь к солнцу, был распространен и среди армян разных регионов исторической Армении. У езидов он сформулирован в так называемом «моральном кодексе», который был изложен езидским духовенством в обращении к Османскому правительству, с просьбой, чтобы езиды не служили в армии. Согласно третьему пункту этого письма, «каждый езид должен ежедневно, во время рассвета, на коленях молиться на месте, куда попал луч солнца, с условием, чтоб его не увидел ни один мусульманин, христианин или иудей». Действительно, и по сей день каждый езид обязательно должен на восходе поворачиваться лицом к солнцу и трижды кланяться ему.

современной Турции, где он долгое время жил. После долгих странствий он обосновался в сирийском несторианском монастыре недалеко от Мосула – в Лалеше. Ади стал основателем религиозного течения Адави³⁸.

В езидских религиозных представлениях их вероучение четко отделено от трех мировых религий, притом отдельно от мусульман-суннитов упоминаются также шииты («иранцы»). Так, в одной из священных книг езидизма, «Черной книге», рассказывается, что *«до явления Христа в этом мире наша религия называлась язычеством. Евреи, христиане и мусульмане противопоставили себя нашей религии. Иранцы – тоже»* (§ 25). Тем не менее, на наш взгляд, наиболее явно в езидских народных преданиях подчеркивается соперничество езидизма с суннитским исламом, прослеживающееся в преданиях о прародителе *Езди* и пророке мусульман Магомете, а также в легендах «Езди и Кадие Шро», «Пророк Махмед и Очаг Шихади», «Сражение Езди с арабами».

Даже те авторы, которые признают «несомненное единство материальной и духовной культуры» курдов-мусульман и езидов, тем не менее, отмечают некоторую разницу в отдельных культурных традициях: *«Если у курдов-мусульман, воспринявших вместе с исламом арабское письмо, сравнительно рано возникли и получили дальнейшее распространение письменные традиции, то курды-езиды, имевшие свою тайнопись, служившую исключительно религиозным целям³⁹, были в большинстве своем неграмотны (грамотность составляла привилегию лишь узкого круга езидского духовенства) и, естественно, все свои творческие силы и дарования воплощали в фольклорных произведениях»⁴⁰.*

Заключение

Согласно М. Хроху, процесс создания нации понимается не как неисчислимо множество единичных и неповторимых событий, а как часть масштабной трансформации общества, поддающаяся контроли-

38. Асатрян Г. Религия езидов (основные божества, священные книги) // Историко-филологический журнал. 1989. № 4 (127). С. 136. Согласно данным письменных источников, Ади был выдающимся ученым и философом, одним из самых известных проповедников в сектантских кругах своего времени. Сохранились некоторые из писаний Шейха Ади (религиозные трактаты, стихотворения), которые, однако, до сих пор слабо изучены и не введены в научный оборот.

39. Этой тайнописью написаны священные книги езидизма – «Книга откровения» (Kiteb-i Jalwa) и «Черная книга» (Mashaf-i gaş), время написания которых до сих пор точно не установлено. Езидская тайнопись состояла из 33 букв, большинство которых происходили из сирийского несторианского алфавита.

40. Руденко М.Б. Курдская обрядовая поэзия. Москва, 1982. С. 7.

руемым обобщениям⁴¹. Естественно, что это обобщение не под силу одному человеку – ученому или просветителю. На деле необходима целая плеяда интеллектуалов, которые сумеют сформулировать важность, своевременность и неизбежность данной трансформации.

По мнению того же автора, интеллектуалы способны «изобретать» национальные сообщества только в том случае, если для образования нации уже существуют определенные объективные предпосылки. Иными словами, интеллектуал своей деятельностью и своими взглядами кристаллизует самые откровенные настроения и тенденции, которые уже существуют в обществе. Именно эту кристаллизацию, которая отражает множество факторов и фокусирует разные стороны жизни общества, можно назвать национальным самосознанием или идентичностью народа⁴². Помимо этого, можно рассматривать отдельно идентичность элементарную, присущую любому члену общества, и идентичность более «возвышенную», которую не все представители общества способны объяснить, однако все способны чувствовать и осознавать ее существование.

В рамках нашего исследования мы попытались проанализировать процессы конструирования новой идентичности среди курманджиязычного населения РА. Однако этого недостаточно, чтобы дать оценку перспективам курдского национального движения во всем мире. Как выражается национальное самосознание среди курдов и езидов Европы, России, Ближнего Востока и Южного Кавказа? Какие схожие черты можно наблюдать между отдельными группами курманджиязычного населения разных стран, и какие различия? Какие факторы влияют на формирование и трансформацию курдской и езидской идентичностей во всем мире? Все эти вопросы ждут комплексного исследования, учитывая дальнейшее развитие глобализационных процессов и уменьшение значения границ во всем мире.

---

41. Хрох М. Указ. соч. С. 121-122.

42. Конечно, наряду с идеей «кристаллизации» в научной литературе существует множество других определений и формулировок, служащих объяснению феномена, который мы называем идентичностью.

ОБЩИНА МОЛОКАН В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: ОТ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ К ИДЕНТИЧНОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ.

По данным, приведенным Д.И. Исмаил-Заде в книге «Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX – начало XX вв.)», являющейся одной из наиболее авторитетных работ по истории молоканства, «переселение русских в Закавказский край фактически начинается с выселения сюда в 30-х гг. XIX в. раскольников и сектантов, предпринимавшегося исключительно в судебно-карательных целях»¹. Этот автор также указывает на то, что большинство переселявшихся в этот период в Закавказье сектантов составляли духоборы и молокане. Уже в 40-е годы XIX века местные царские власти, в частности возглавлявший в 1844 году военную и гражданскую власть на Кавказе А.И. Нейдгардт, высказывались против дальнейшего переселения в регион молокан и других сектантов. Но эти скорее спорадические, чем постоянные, попытки местных царских властей помешать увеличению числа сектантов не были эффективными, и их численность в Азербайджане быстро росла. Так, в Елизаветпольской (Гянджа) губернии в 1869 – 1896 годах молокане составляли 4 987 человек, духоборы – 3 094 человека; в Бакинской губернии к 1869 году проживало порядка 25 140 молокан и, для сравнения, 4 313 духоборов².

В царское время этническая категоризация населения, проживавшего на территории современного Азербайджана, заметно отличалась от статистических категорий, применявшихся в советский период. Если в годы империи из общей массы русских было принято выделять сектантов (молокан, духоборов и др.), то при проведении общесоветских переписей русские (сектанты и несектанты) стали рассматриваться как

---

1. *Исмаил-Заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX начало XX в.). М.: Наука, 1982. С. 34.
2. *Вердиева Х.Ю.* Переселенческая политика Российской империи в северном Азербайджане (XIX – начало XX вв.). Баку, Алтай, 1999. С. 242, 244. Некоторые материалы по переселенческой политике царских властей можно найти также в работах: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1999; *Бунятов З.М.* (ред.) Азербайджан по документам и публикациям. Баку: Элм, 1990; *Мурадалиева Э.Б.* Города северного Азербайджана во второй половине XIX века. Баку: Издательство Бакинского университета, 1991.

единая группа. В постсоветский период эта традиция закрепились, и русские, проживающие на территории современного Азербайджана, как правило, упоминаются уже в качестве гомогенного сообщества, к тому же объединенного в одной общине. В постсоветские годы численность молокан и их потомков стала быстро сокращаться в связи с интенсификацией миграционных процессов. Однако на уровне бытового сознания маркер «молокане» продолжает сохранять свою значимость.

Многие села (например, Славянка и Саратовка в Кедабекском районе, Кировка и Чухур-юрт в Шемахинском и др.) по сей день обозначаются азербайджанцами, жителями окрестных сел, как селения молокан, даже несмотря на то, что состав их жителей претерпел значительные изменения. Молоканами, естественно, обозначаются и те немногие потомки основателей этих селений, которые все еще проживают в них³. Таким образом, несмотря на отсутствие соответствующей статистической категории молокане продолжают сохраняться как некая общность, отличная от «других» русских и обладающая определенными границами. Именно это обстоятельство и позволило сделать предметом данного исследования такую этнорелигиозную группу, как молокане в постсоветском Азербайджане. В ходе исследования мы попытались ответить на следующие вопросы: как самоидентифицируются нынешние жители молоканских сел и их потомки в городе Баку? Каковы социальные механизмы и стратегии сохранения границ молоканской этнорелигиозной группы в современных условиях?

В настоящий момент продолжают существовать ряд центров, вокруг которых сохраняется молоканская община. В первую очередь, это молоканские молельные дома в Баку (куда переехали многие молокане из деревень), а также в Сумгаите, где могут собираться члены общины «духовных молокан», продолжающие исповедовать молоканскую религию. Вместе с тем наиболее крупным компактным поселением молокан и потомков сектантов, переселившихся в Азербайджан в XIX веке, является селение Ивановка (Исмаилинский район), чем определяется его выбор в качестве основного места для проведения исследования.

В Ивановке и в Баку была проведена серия глубинных, проблемно-ориентированных интервью с информантами, которые могут быть разделены на две группы. Первую группу составляют те, кто постоянно посещает молельные дома и возглавляет религиозную общину (старцы), – так называемые «духовные молокане» (самоназвание). С ними было проведено 9 интервью. Во вторую, более многочисленную, группу вхо-

3. Например, в большой (не менее 300 дворов) деревне Саратовка (Кедабекский район АР) в настоящий момент проживает только один молоканин – мужчина, не имеющий семьи.

дят те, кто не посещает молельные дома молокан, не придерживается большинства специфических обычаев, предписываемых религией, и самоидентифицируется как русский, т. е. не считает себя молоканином, а только потомком молокан. С представителями этой группы было проведено 12 интервью. В качестве дополнительного метода сбора данных было проведено включенное наблюдение в молельных домах молокан, а также в деревне Ивановка. В ходе интервью затрагивались проблемы истории молокан в Азербайджане, сохранения традиций и образа жизни, миграции, специфики этнорелигиозной идентичности и др.

Полученные данные позволяют утверждать, что в современных условиях, самоидентифицируясь как молокане или потомки молокан (т.е. не исповедуя молоканство, но причисляя себя к потомкам молокан), члены выделенной группы являются носителями нескольких идентичностей: религиозной (молокане, баптисты), этнической (русские), а также локальной (родное селение). Рассмотрим ниже более подробно каждый из названных аспектов самоидентификации, чтобы сделать вывод об основных тенденциях в идентификационных процессах, имеющих место в модернизирующемся обществе.

1. «Духовные молокане»: носители конфессиональной идентичности

Руководители молоканских общин или «старцы», как их принято называть в кругу прихожан, являются по сути теми акторами, которые сохраняют идентичность молокан и ретранслируют ее на новое поколение. Конечно, эффективность этой ретрансляции весьма относительна, поскольку советская секуляризация привела к тому, что большинство тех, кто по традиции приписывается азербайджанцами, лезгинами и другими соседями по территории проживания к молоканам, не являются активными прихожанами.

Однако сам институт молоканства до определенной степени может рассматриваться как действующий, несмотря на резкое ограничение посетителей молельного дома, пока сохраняется институт «старцев». Это те люди, которые получают в силу доверия со стороны активных прихожан или, возможно, безразличия со стороны тех, кто молельный дом не посещает, право репрезентировать образы «истинных молокан». Самим своим существованием они поддерживают идею того, что правила и нормы молоканства все еще действуют, а идентичность – жива. Каждый житель деревни отсылает именно к ним, когда говорит о тех, кто «на самом деле молоканин»:

«Вот в молельном доме, там старцы наши собираются – вот они и есть молокане. А по мне, если я не хожу на молитвы, правил не соблюдаю, то какой же я тогда молоканин?» (муж., 52 года).

Неотъемлемой частью образа «истинного молоканина» является собственно внешний вид «старца». Это, как правило, пожилой мужчина, с седой окладистой бородой, одетый подчеркнуто строго в серый или другого темного цвета костюм, с кепкой на голове и суровым взглядом. Конечно, сегодня встречаются и исключения, но они пока возможны только в городе, где мне приходилось наблюдать ведущих заседание в молельном доме руководителей общины и старцев, которые не носили окладистой бороды. Но на улицах Ивановки больше шансов встретить именно «классических» старцев.

Традиционно выглядит и духовный владыка, духовный глава общины молокан в Ивановке. Это мужчина 70 лет по имени Василий Терентьевич Прокофьев. По его словам, он происходит из семьи первых переселенцев, основателей села, но молельный дом начал посещать только в постсоветские годы. Титул его звучит как пресвитер церкви духовных христиан-молокан. Прежде всего, следует заметить, что Василий Прокофьев работает пресвитером только третий год, но и до этого он был тесно связан с молоканством: *«До этого я был сказателем церкви. Вообще 15 лет как в церкви»*. Естественно, что сан пресвитера можно было заслужить только активной духовной жизнью, и Прокофьев шел к этому званию целых двенадцать лет. Для него как представителя духовной власти в общине разница между молоканами и православными выглядит довольно отчетливой и понятной:

«У нас такая разница: вот Вы сами наблюдали. У нас в церкви нигде никакой иконы нет. Все вот Библия и все Слово Божье. А у них, православной церкви, рукотворный человек, и они ему кланяются. Вот в чем разница. Кланяются только рукотворному изделию, т.е. иконе. А мы икону не признаем, признаем только Библию».

Если добавить к этому определенные ограничения в еде и другую специфику в убранстве молельных домов (да и сам факт, что молокане не называют их церквями), то разница предстает в еще более контрастном виде. Однако пресвитер, размышляя над разницей между русскими и молоканами, ограничивается приведенными выше словами. Это указывает на то, что для него главное отличие – это отношение к образу Бога. В глазах молокан православные предстают идолопоклонниками. Степень абстрактности образа Бога у молокан

выше, чем у православных, и именно это определяет их дистанцию по отношению к православию.

Приход в Ивановке можно назвать в численном отношении незначительным. Молодежь молельный дом практически не посещает. Однако пресвитер старается продемонстрировать, что разрыва с молодежью не происходит и что жители деревни, в том числе возвратившиеся из города, сохраняют определенные связи с духовным учением, которое он олицетворяет. Однако эти связи уже во многом условны: хотя молодые люди и воспринимают молоканство, активными прихожанами, как правило, не являются. По словам пресвитера:

«Они хоть сами не ходят в церковь, но если что-нибудь случится, приходят сами и просят нас, чтобы мы молились Богу. Они общаются с нами».

Эти слова свидетельствуют о наличии разрыва между поколениями: есть «мы» и «они». «Они» хотя и общаются, но делают это эпизодически и не считают нужным выполнять какие-либо духовные обязанности. Сам факт того, что молодежь считает нужным хоть иногда обращаться к старцам, уже воспринимается как положительный. Но фактически это два разных мира, между которыми мало общего и мало общения. Конечно, пресвитер еще может утешать себя такими высказываниями, как *«уже большинство приближается к вере»*, или *«молодежь зачастую стремится к вере»*. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что за этими высказываниями стоят только неопределенные предположения. Некоторые попытки привлечения детей осуществляются, но они слабо связаны с модернизацией культуры. И на вопрос, почему в Собрание (на «воскресенские служения», как молокане называют воскресную службу) молодые не ходят, следует ответ пресвитера:

«Ну, пока что не идут. Призываем, но не идут. Но я Вам скажу другое. Вот сейчас как закончилось наше служение, здесь будут собираться дети – человек 15, 20, 30 детей. Приходят, и будут служения делать здесь. У нас даже пресвитер есть детский. А когда закончится их служение, они пойдут домой, мы придем. Мы сделали даже детскую церковь. Дети после этого будут собираться там».

Эта ситуация в городе (Баку) вызывает определенные опасения у некоторых лидеров общины, в связи с чем появляются идеи модернизации религиозных практик молокан. Так, один из руководителей

бакинских молокан отмечает, что нужны новые стратегии привлечения людей в молельный дом и модернизация молоканской церкви в целом:

«Я сам везде всегда хожу. Мне все интересно. И к баптистам я ходил, и к Свидетелям Иеговы. Вообще меня когда куда приглашают, то я всегда иду. Чтобы посмотреть, как там у них. Это очень полезно. Вот, допустим, у баптистов, там сотни людей приходят на молитвы. Они ведь умеют привлечь. Потому что условия создают для молодежи. Возят их на всякие мероприятия, создают общение. А у нас все по старинке. Уже все умирает. Если так дело дальше пойдет, то через какое-то время вообще молокан не останется. Молодежь вообще к нам не идет. А они не понимают, что нужно что-то серьезно делать. Я сколько раз предлагал, что давайте будем какие-то мероприятия устраивать. Стол откроем, может еще что-то, что молодежи интересно. Но никто не думает этим заняться. А так никто и не будет ходить» (муж., 75 лет).

Что же касается деревни, то в Ивановке специальных усилий по привлечению молодежи не предпринимается. Молоканская традиция воспроизводится скорее по инерции, в силу привычки и в основном людьми старшего возраста. Какой-либо кодифицированной традиции ее сохранения и передачи не наблюдается. Видимо, никаких специальных уроков по молоканской традиции не существует: *«Ну, так беседуем, производим. А так практических курсов пока у нас нет»*. Собственно, сама система изначально не предполагала необходимости в этом. Пока члены общины жили в границах одного села, ее воспроизводство было в значительной степени обеспечено. Когда же появилась возможность выбора (уехать или остаться), то институт «старцев» оказался не способен перестроиться и ответить на запросы момента. Необходимая модернизация служб и церкви в целом вроде бы осознается некоторыми духовниками, но активных действий в этом направлении пока не ведется. Традиция продолжает воспроизводиться через семейные/ личностные практики: *«Да, дома читаем Слово Божье. Обучаем их, говорим им, что вот так все это и т.д.»*

В этой ситуации неизбежного размывания общины внешний мир начинает оказывать все большее влияние. Если в советские годы рядом с Ивановкой образовались лезгинские поселения, то в последние годы происходит приток азербайджанцев. Однако в данном

случае религия выступает не как отличие, а, наоборот, как фактор сближения:

«У нас азербайджанцев много в селе, и я вот во многих своих беседах заводил такой вопрос: «Какое к нашей вере ближе?» [...] Я всем отвечал: «Наша вера и мусульманская вера – это одно и то же, и там написано «не укради» и «не воруй», и у нас так же написано. У наших соседей азербайджанцев в Коране написано, что свинину есть нельзя, и у нас так же написано. Вот оно что. Совпадает совместно, что наше, что азербайджанское»⁴.

Мир заметно изменился, и если раньше допустить кого-либо в границы общины было невозможно (как было невозможно присутствие чужаков в селе), то теперь это воспринимается как естественное течение дел и не вызывает у пресвитера Прокофьева «никакого волнения. Все одно и то же. Все стремятся к миру хорошему»⁵. В этой ситуации пресвитер, как, видимо, и большинство старцев, тех, кто очень слабо представляет себе необходимость модернизации молоканской церкви, предпочитают меньше думать о перспективах сохранения молоканской общины: «Думаем сделать как можно лучше. Но это только Господь Бог знает. Мы не знаем. Он может и повернуть по-другому». Подобный фатализм пронизывает ситуацию в общине. Возможно, что «упованием на Бога» все и завершится, и не будет предприниматься каких-либо действенных шагов для необходимой модернизации.

4. Здесь следует упомянуть о том, что многие западные специалисты, и в частности турецкий антрополог О. Туркдоган, разделяют мнение об определенном сходстве шиизма и молоканства. Как пишет П. Ианг, это течение возникло в XVIII веке, когда подобные религиозные течения распространялись не только в пределах Российской Империи, но и в Западной Европе. Молоканство в качестве системы и как вариант русского шиизма было тесно связано со структурой общества. Это можно объяснить тем, что молоканство возникло спустя 50 лет (хотя определенные тенденции существовали и раньше) после того, как в стране установилось «земельное рабство». Это был протест крестьян против отнятой государством свободы, церкви, стоявшей на службе государства, и против тех социальных групп, которые защищали эти установки. Как и шиизм, это движение имело определенную политическую подоплеку. История молоканства, таким образом, представляет собой очень интересный пример того, как крестьянство переходит в сектанство (*Young P.V. The Pilgrims of Russian Town. 1932. С. 269-270 – перевод автора статьи*).

5. Относительная открытость потомков молокан в Азербайджане отличает их от других компактно проживающих общин сектантов. Так, Орхан Туркдоган, исследовавший молокан, проживавших в Карсе (Турция) в 1960-е гг., наблюдал молокан в ситуации упадка общины: «Исследуя социальную организацию молокан, мы сталкиваемся с замкнутым, консервативным сообществом. Это сообщество, которому уже около 100 лет [здесь имеются в виду молокане Карса – прим. авт.], несмотря на изолированный образ жизни, в определенной степени сохранило восприимчивость к процессу культурных изменений. Однако религиозные нормы и система ценностей в большой степени становятся важной преградой для изменений. Распространение среднего образования, отношения между городом и деревней, низкий уровень социальной мобильности оказывали определенное воздействие на структуру молоканского сообщества. Отсутствие контактов с другими группами в плане притока новой крови, замкнутый образ жизни, стали причиной социального раскола. Все эти тенденции подготовили почву для деградации сообщества». (*Türkdoğan O. Karsta Bir Etnik Grup Malakanlar // Etnik Sosyoloji. İstanbul: Tımas Yay., 2006. С. 281-282 – перевод автора статьи*).

2. Потомки молокан: этническое самосознание «русские»

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют утверждать, что в годы советской власти конфессия как фактор идентичности уступает позиции этническому самосознанию. Одним из ярких тому подтверждений выступает тот факт, что молельные дома практически не посещаются молодежью. Глубинные интервью свидетельствуют о том, что потомки молокан в Азербайджане чаще всего идентифицируют себя с русским этносом:

«Это так просто говорят: молокане, мол, все. Но на самом деле молокане – это религия такая, а сами-то мы русские. Это одно другому не препятствует. Да и сейчас уже только старики и ходят в молельный дом. Мы уже не ходим, а наши дети так и вообще далеки от этого. Тяжело всех этих законов придерживаться. Очень они сложные, а для молодежи это и вовсе не интересно. Поэтому и говорю, что какие мы молокане-то, мы русские» (жен., 52 года).

Сам пресвитер (глава молокан Азербайджана) идентифицирует себя в качестве русского, проводя различие между религиозной и этнической идентичностью:

«Но мы русские – пишем... Как вот азербайджанцы, а у них вера мусульманская. Молокане – это исповедание, вера, а фактически мы русские люди».

При этом иная этническая принадлежность не становится препятствием для обращения в молоканскую веру. Среди новообращенных есть украинцы: *«Есть, да. Но приезжие, которые вот сюда приехали»*, и даже азербайджанцы: *«Да есть, азербайджанцы, которые принимают молоканство»*.

Из общей массы русских в Азербайджане молокан выделяет по меньшей мере особая история. Так, информант, активный деятель официальной молоканской общины Азербайджана говорит в интервью:

«Да, мы русские. У нас просто религия особая, своя, наша религия. Она отличается от православия. Но во всем остальном мы такие русские, как и все. Ничего нас от русских не отличает. Хотя, нужно сказать, что отцы и деды всегда нам рассказывали, что мы сюда на Кавказ бежали от русских. Именно русские нас уничтожали и заставляли бежать. Хотели

всех нас уничтожить, и это тоже правда. И тут уж, конечно, хочешь не хочешь, но мы от русских отличаемся. Но это все же дела давние, а сейчас большинство себя уже русскими и называет» (муж., 75 лет).

В то же время необходимо подчеркнуть, что люди среднего возраста и тем более молодежь, выходцы из молоканских деревень в Баку и Сумгаите, как и те, которые все еще продолжают жить в деревнях, например, в Ивановке, чаще всего не проявляют заметного интереса не только к конфессиональной стороне жизни общины, но и к специфике истории. Они привычно обозначают себя как русские. И даже активный молоканин, один из семи старцев молельного дома постоянных молокан в Баку, без которого не проводятся молитвы, выражается в том духе, что:

«А так я еще раз говорю: мы, как и все, веруем в Бога нашего единого, и книги священные у нас, как у других. Немного обычаи отличаются, но дело ведь не в этом, а в том, чтобы в Бога верить. Каждый, как кому по душе, кто как умеет. Наша вера такая, упование на Бога, что он поможет нам. А так мы обычные русские люди. Ничем от русских не отличаемся, только религия наша молоканская» (муж., 68 лет).

Другие отличия, связанные с местной спецификой, также не мешают молоканам идентифицировать себя в качестве русских, в частности особенности языка: *«Так как мы разговариваем с азербайджанцами, у нас уже наречье не такое, как в России»* (муж., 62 года).

В силу культурной традиции или приверженности конфессии потомки молокан продолжают ассоциировать свою «историческую родину» с селением Кочубеевка на юге России, несмотря на то, что сами молокане и их потомки были рассеяны на значительном пространстве. Причем само образование общины было ознаменовано высылками в пограничные районы Империи, а дальнейшая миграция еще больше развеяла их по свету:

«У нас ведь, знаешь как, у молокан, многие разъехались по миру. Сейчас в Канаде, Австралии, Америке очень много молокан, и вот некоторые – у кого родственники были за рубежом – хотели в 60-х приехать посмотреть на родину своих предков. Или кто сам еще помнил, как маленьким был, уезжал с родных мест. У моей землячки одной так приехал племянник. Мать его, сестра этой нашей односельчанки, когда умирала, то заповедовала ему, чтобы приехал, посмотрел на родину» (муж., 68 лет).

Несмотря на однозначный «этнический» выбор потомков молокан, определяющих себя в качестве русских, относительная актуальность молоканской религии позволяют нам говорить о них как об этно-религиозной группе, все больше трансформирующейся в «простую» диаспору по мере того, как теряет значимость специфическая конфессиональная идентичность. Однако культурные ценности, содержащиеся в конфессии, продолжают оставаться отличающим молокан признаком. Молодежь, даже не участвуя в религиозной жизни общины, все же сохраняет память о приверженности предков особой религии. Эта специфика отражается также в том, что молокане, даже переходя в другую конфессию, выбирают, как правило, не официальную религию русских – православное христианство, а баптизм. Последний вариант христианства воспринимается как более близкий им по духу.

Кроме того, молокане продолжают существовать в качестве особой этно-религиозной группы, отличной от других русских, в гетеростереотипах азербайджанцев, приписывающих им специфические поведенческие паттерны. Так, молокане предстают в образе людей, не употребляющих спиртные напитки (в отличие от русских вообще), не употребляющих в пищу свинину (в отличие от христиан), очень трудолюбивые (последний положительный стереотип отличает их от всех окружающих). Вместе с тем молоканская община видится в значительной степени закрытой от внешнего мира. Все эти стереотипы делают молокан более близкими и понятными для азербайджанцев, так как в их отношении к пище и спиртному есть немало схожего с требованиями ислама. И хотя данные стереотипы, на наш взгляд, не отражают реального положения дел и противоречат самоидентификации жителей Ивановки, жители окрестных селений – азербайджанцы – воспринимают их так, как рисует традиционное знание, передаваемое по наследству. По причине этого наблюдается следующий парадокс: несмотря на то, что «духовных молокан» (жестко придерживающихся своих специфических конфессиональных норм) становится все меньше, молоканская идентичность продолжает быть весьма действенной в восприятии азербайджанцев. В силу этого в Азербайджане молоканская община сохраняется как образ, хотя в реальности ситуация динамично изменяется.

3. Ивановка – специфическая локальная идентичность

Помимо прочего, для внешнего окружения сохраняется определенный образ молоканской общины как компактного поселения. Села в народном восприятии жестко маркируются: все местные жители

знают, какое село молоканское, а какое нет. Так, все жители села Ивановка, включая и всех выходцев из него, проживающих, к примеру, в Баку, воспринимаются как молокане.

Следует отметить, что государственная политика поддержки национальных меньшинств выделяет это селение как особенное. Президент Азербайджана выказывает особую благосклонность именно молоканской общине Ивановки как центру молокан на Южном Кавказе. Село лично посещал президент Ильхам Алиев, а затем супруга президента Мехрибан Алиева, играющая все более заметную роль во внутренней политике в республике. А в 2006 г. состоялся официальный прием представителей молоканской общины (в том числе, из Ивановки) президентом в Баку. Эти знаки внимания позволяют сохранять образ молоканской общины как некоего сообщества, к которому обращаются политики⁶. Именно Ивановка становится пространством производства локальной идентичности (статус особого села), и благодаря широкой известности этого поселения особый статус приобретают в Азербайджане и молокане.

Ивановка расположена в непосредственной близости от Баку, однако состав его населения отличается постоянством. Отчасти это объясняется тем, что прежний председатель колхоза запрещал продавать дома «чужим», не молоканам. По словам некоторых информантов:

«Он всегда говорил, что если появится хоть один азербайджанец, то потом они всех отсюда вытеснят, и молокан не останется» (жен., 68 лет).

Хотя представляется, что в советское время большее значение в определении «чужого» играла не принадлежность к молоканам (к конфессии), а этничность: чужой – значит не русский. Компактность расселения, таким образом, сохранилась. В последние годы на место уехавших прибыли, например, некоторые молоканские семьи из других деревень Азербайджана. Кроме того, следует отметить, что в сельской местности в Азербайджане селились в основном сектанты, а подавляющее большинство сектантов были именно молоканами. Поэтому тех, кто переезжает в Ивановку из других сел, легко идентифицировать как молокан. Тем более что за каждым селом на уровне бытовой памяти сохраняется маркер идентичности.

Для понимания особого статуса села Ивановка следует также обратить внимание на феномен лидерства, т.е. на то, кто и как им управлял. Важнейшим символом этой сельской общины является образ ее

6. При этом любопытно, что если в переписи жители Ивановки фигурируют как русские, то президент встречался с представителями молоканской общины и для СМИ они – молокане.

прежнего руководителя – председателя колхоза Никитина. В большой степени именно его период управления селом, пришедшийся на советские годы, определил всю специфику положения Ивановки. Нынешнее село – это и теперь успешный в экономическом плане колхоз. Другой вопрос, что сельское хозяйство не дает достаточных прибылей, чтобы удерживать значительное население и, тем более, молодежь. Но на фоне общей ситуации в республике данное хозяйство является вполне успешным. По характеру экономической деятельности оно многоцелевое: выращивают и пшеницу, и виноград, кроме того, успешно разводят скот. Подъем хозяйства пришелся на годы управления Никитина.

Когда в первые послевоенные годы он был назначен управлять селом, ситуация, как и по всему Советскому Союзу, была неблагоприятная. Послевоенный голод, разруха – все это сказалось на селе. Однако важную роль сыграли личные качества и связи председателя, являвшего собой – если пытаться реконструировать сегодня его личность – авторитарный тип руководителя (по воспоминаниям, весьма «крутой в характере», «заслуженный фронтовик»). Как руководитель крупного хозяйства он был лично знаком с Гейдаром Алиевым, что должно было сыграть немаловажную роль. Ведь без государственной поддержки ни одно колхозное предприятие не становилось в СССР образцово-показательным. Имело значение и то, что село было русским, а в годы советской власти демонстрировать «интернационализм» было обязательным правилом. Видимо, в силу этих причин колхоз попал в число привилегированных хозяйств и имел поддержку республиканского правительства.

Помимо этого, Никитин, судя по воспоминаниям информантов, в силу личных качеств умел добиваться большего, чем другие руководители колхозов, и был склонен тратить полученные средства так, чтобы создать в селе особую ситуацию. Нигде не строилось так много и так помпезно, как в Ивановке. Огромный зал – концертный, он же для заседаний – до сих пор является предметом гордости жителей Ивановки и теплых воспоминаний о времени правления Никитина:

«Это все Никитин построил. Все это благодаря ему. Вот это наш зал, на 700 человек рассчитан. Где-нибудь, не то что в другом селе, а даже в Баку увидите еще такой? Нет. Нигде такого нету, и это только благодаря нашему председателю» (муж., 56 лет).

Кроме того, стремясь создать в селе городские условия, он, видимо, сознательно был нацелен на то, чтобы максимально удержать молодежь:

«Вот вы вниз пройдите, посмотрите, какой там у нас детский сад, там даже бассейн был. И на школу посмотрите нашу. Вообще сколько всего здесь построено было при Никитине и благодаря ему. Вот там улица у нас для молодежи специально. Это именно он начал строить дома для молодых семей. Кто поженился, допустим, семья молодая, и хорошо работает – сразу получай новый дом. Он специально для молодых все условия создавал, чтобы не уезжали. И он еще говаривал: а что, вот поедете в город и что там будете делать? Есть здесь свой заработок, дом свой и чего ты в городе не видал» (муж., 67 лет).

Именно с его времени перед огромным по сельским размерам Домом культуры на площади стали проводиться каждую неделю танцы. Эта традиция жива до сих пор.

При этом нужно подчеркнуть, что в советские годы Никитин не развивал село Ивановка как общину молокан. Более того, он сам молоканином, как указывали информанты, жители села, даже не был. Конфессиональная идентичность молоканина не играла в то время важной роли и была, скорее, вредна. Сам Никитин, коммунист и фронтовик, вполне «советский человек», предпочитал строить Дом культуры и танцплощадку а не молитвенный дом. Традиция не поддерживалась, хотя специально и не подавлялась. Но утомительные требования молоканской религии уже утрачивали привлекательность в сравнении с образом жизни, который предлагал Никитин, для русских (как было записано в паспорте), которые в прошлом идентифицировали себя как молокане.

Таким образом, Ивановка становится важным колхозом для Азербайджанской ССР – «образцово-показательным хозяйством». Особые отношения Никитина с руководством республики и особое значение хозяйства определили всю современную его специфику. По сути, Ивановка – особое село не потому, что это село молокан (стереотип весьма распространенный в Азербайджане), а потому, что это был особый советский колхоз. Однако после развала СССР происходит переосмысление ценностей. Новое руководство колхоза ищет ресурс, который позволил бы хозяйству развиваться и дальше. Этот ресурс оно видит в том, что Ивановка может превратиться в особый музей под открытым небом – как специфическое селение молокан:

«Да, мы думаем, что нам нужны туристы. Но для того, чтобы их в древню привлекать, нужно еще много поработать. Пока условий хороших для этого нет. По домам людей не расселишь. У нас в домах особо хороших условий нет. Нужно думать над этим. Дороги хорошей в

село тоже нету. Но, наверное, все же в туризме наше будущее. Но для этого еще много чего нужно сделать, чтобы люди могли нормально приехать к нам» (жен., 38 лет).

Эти размышления о туристическом будущем деревни не учитывают ситуацию в регионе. Принято считать, что экологический фон в этом районе, несмотря на красоты природы, неблагоприятный. В относительной близости расположена российская РЛС (радиолокационная станция слежения), которая распространяет радиацию. Трудно сказать, насколько сильно это влияет на экологию, но для развития туризма это может быть серьезной помехой. Однако в деревне это обстоятельство пока не принимают в расчет.

Конечно, особые отношения с руководством Азербайджана – являвшиеся особенно тесными, когда у власти был еще Гейдар Алиев – продолжают сохраняться. Так, например, благодаря особым отношениям с руководством республики (о чем не без гордости любит говорить новый председатель колхоза) хозяйству удалось сохранить собственный магазин в Баку:

«Хотели его у нас отобрать. Там ведь сами понимаете, сколько аренда и помещение стоят. Это наша собственность благодаря еще Советскому Союзу была. Но сейчас все пересматривается. Когда начался весь этот сыр-бор вокруг магазина, я сразу пошел на прием к президенту и все ему рассказал. Все! После этого никаких уже разговоров не было» (председатель колхоза).

Однако времена меняются. Руководство деревни все еще надеется на поддержку, как в советские годы, но реально получает ее не в тех объемах. Скорее удастся сохранить то, что было создано в советские годы, а не создать какой-то новый ресурс. В нынешнем состоянии колхоз, конечно, остается одним из лучших хозяйств в республике, но этого недостаточно. Удержать молодежь с зарплатой в 50 долларов не удастся.

Таким образом, для большинства жителей Ивановки – русских, молокан, потомков молокан – село становится важным пространством воспроизводства локальной идентичности, практически не связанной с молоканством. Специфика этой локальной идентичности определяется историей становления и развития образцово-показательного колхоза, продолжающего пользоваться особым статусом. Сама идея эксплуатации молоканской идентичности возникла только в постсоветской ситуации, когда других ресурсов для развития стало не хватать.

Заключение

Темой нашего исследования стало специфическое сообщество, которое привычно для слуха азербайджанского обывателя обозначается как молокане. Это свидетельствует о том, что за молоканами прочно закреплен ряд стереотипов, в свете которых они предстают как некая сплоченная группа, со своими обычаями и поведенческими паттернами, которые отличают их от других сообществ, в том числе и от русских.

Однако при более пристальном рассмотрении община оказывается менее гомогенной, чем это представляется при взгляде извне. Значительное число людей, приписываемых к молоканам, самоидентифицируются как русские, а не как молокане. Люди, продолжающие придерживаться религиозных обычаев молокан, составляют абсолютное меньшинство, в частности, среди жителей Ивановки. Община баптистов, активно участвующих в религиозных обрядах этой церкви, – возможно, по численности превосходит тех, кто посещает молоканский молельный дом.

Что касается Ивановки, то для большинства населения села значение имеет локальная идентичность – принадлежность к общине, колхозу, до сих пор обладающему особым статусом. Этот статус во многом определяется особыми отношениями с властью, которая тем самым невольно выделяет молокан в качестве особой общины, хотя для большинства акторов, приписываемых к молоканской общине, религиозная идентичность утратила свою значимость, уступив место локальной и этнической.

ФАМИЛИЯ – ЭТО СУДЬБА

В представлении общества этничность является объективно существующей реальностью или, по выражению В.А. Ачкасова, «для миллионов людей этническая идентичность – это само собой разумеющаяся данность»¹. Несмотря на то, что в некоторых обществах официально она заменена альтернативной (гражданской – в Америке, или религиозной – в Израиле), «*этническая идентичность, рассматриваемая как статус, – указывает Эрик Хобсбаум, – оказывается вышестоящей по отношению к большинству других статусов или социальных личностей, которые может принять на себя индивид*»². Этнические группы создают свою идентичность исходя из представлений об общей истории, общих предках, мифах, устанавливают правила поведения и придумывают характеристики, свойственные членам данной группы. Общество с рождения приписывает человека к той или иной этнической группе, руководствуясь определенными признаками, в частности его фамилией.

Этническая идентичность отдельно взятого человека вполне однозначна и предсказуема, если укладывается в границы, которые отделяют «своих» от «чужих». В противном случае этничность становится объектом проблематизации, причем как со стороны группы, так и со стороны самого индивида. Данная статья является попыткой определить, при помощи каких элементов выстраивается граница между группами «грузин» и «не грузин» в грузинском обществе. Сначала мы попытаемся выяснить, где проходит эта граница и на чем она основана. После чего проанализируем, как строятся социальные отношения с людьми, которых трудно вписать в стандартное общественное представление о грузинской этнической идентичности.

При проведении исследования было, соответственно, использовано два метода сбора данных. Первый из них состоял в виртуаль-

---

1. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1 (<http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/1/8achkas.html>).

2. Нации и национализм / Хабермас Юрген, Геллнер Эрнст, Хобсбаум Эрик и др. М.: Практикс, 2002. С. 20.

ном опросе, проведенном посредством интернет-форума и имевшем целью выявление элементов, которые общество включает в этнический код «грузинскости», то есть характеристик, определяющих этничность грузин. Опрос посредством интернет-форума имеет несколько преимуществ. Во-первых, он не требует значительных затрат, как при других видах опроса, проводимых интервьюерами; не возникает проблем и с поиском респондентов. Во-вторых, опрос через интернет-форум позволяет диагностировать общественное мнение не как простую сумму мнений отдельных людей, выражающих свое отношение независимо от других, но как итог диалога, интеракции. Опрос проводился на сайте www.forum.ge, пользователями которого являются большей частью молодые люди, проживающие в Тбилиси. Данный форум считается одним из самых популярных и, не имея специфической тематики, охватывает широкий круг социальных вопросов («Цыгане», «15-летний мальчик нуждается в нашей помощи», «Грузинский мужчина – диктатор в семье?» и т.д.). На форуме я поставила вопрос «*Что значит быть грузином?*» и больше в ход обсуждения не вмешивалась. В обсуждении вопроса активное участие приняло около пятнадцати человек. Тема в течение месяца не теряла своей популярности и была распространена на другой форум.

С целью выделить различные типы отношений, базирующихся на метафорическом родстве этнической группы, были проведены неструктурированные биографические интервью с людьми, которых их окружение определяло как происходивших из би- или полиэтнических семей. При этом идентичность информантов до проведения интервью мне была неизвестна. Я исходила из того, что если окружение определяет человека как выходца из биэтнической семьи, то это отношение формирует социально-ролевые ожидания и обуславливает социальные взаимоотношения и поведение в обществе, являющиеся результатом представлений общества об этничности. Всего было опрошено одиннадцать человек, четверо мужчин и семь женщин, чей возраст варьирует от 20 до 39 лет. Как уже было сказано выше, окружение маркировало их как имеющих «неоднозначное происхождение». Тема исследования информантам заранее не была известна. В ходе биографического рассказа не задавались наводящие вопросы, и тема этничности возникала в тот или иной момент спонтанно. Такая форма интервью, не акцентирующая тему идентичности, предотвращала формирование установки, направляющей информанта в русло ожиданий интервьюера.

1. Грузинский этнический код

Для определения грузинской идентичности в данной статье используется аналитическая категория *этнический код*³, под которой понимаются представления общества об общих чертах и характеристиках тех или иных этнических групп. На основе анализа ответов на вопрос «Что значит быть грузином?», полученных в ходе опроса на грузинском форуме, я смогла выделить четыре наиболее часто повторяющихся элемента, составляющих этнический код:

- Родина - Грузия:
- Грузинские традиции, культура, язык:
- Религия — православие:
- «Грузинский ген».

Проанализируем ниже каждый из этих элементов более подробно.

1.1. Родина - Грузия

В представлениях большинства участников интернет-форума, ответивших на поставленный вопрос, важную роль в определении этнической идентичности играет понятие Родины. Помимо правовых аспектов (гражданство и постоянное место жительства), это понятие включает, самое главное, эмоциональную самоидентификацию: «*Грузин – это тот, кто родился и вырос в Грузии, кто считает Грузию своей родиной, кто любит ее и заботится о ней*»⁴.

Место рождения – важный фактор этнической идентичности, однако далеко не определяющий. Существует много примеров того, что грузинами считают людей не только не являющихся гражданами Грузии, но и родившихся и выросших в других государствах (например, Саломе Зурабишвили – действующий политик в современной Грузии, родившаяся и выросшая во Франции, дочь эмигрантов).

Об этом же свидетельствует мой опыт работы с разными этническими группами в регионах Грузии (грузины, армяне в Самцхе-Джавахети, азербайджанцы в Квемо-Картли), позволяющий утверждать, что не всех граждан Грузии, родившихся здесь, общество причисляет к этнической группе грузин. Моя работа в этих регионах состояла в поддержке процесса интеграции грузинского и негру-

3. Воронков В., Освальд И. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова, И. Освальда. СПб: Дмитрий Буланин, 1998. С. 18.

4. Здесь и далее в секции «Грузинский этнический код» приведены высказывания пользователей интернет-форума, если иное не указано специально.

зинского населения при помощи совместных сессий анализа этнической и гражданской идентичности. Большинство участников данных встреч, несмотря на их этническую идентичность (грузинскую, армянскую, азербайджанскую и другую), рассматривало этничность как нечто врожденное, имеющее свое биологическое и психологическое основание. При этом формальное гражданство (грузинское) имело второстепенное значение. Армяне и азербайджанцы считали своей родиной скорее регион, или даже местность Грузии, где они проживали, а не всю Грузию. Грузины в свою очередь воспринимали их как гостей.

1.2. Грузинские традиции, культура

При определении этнических групп многие исследователи в качестве ведущего фактора выделяют общую культуру. К примеру, как пишет выдающийся норвежский антрополог Фредерик Барт, *«этнические группы сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении, то есть постольку существуют постоянные культурные различия»*⁵. Традиции и культура являются гордостью этнической группы, они мифологизируются и считаются главными определяющими «грузинскости»:

«Грузин должен соблюдать грузинские традиции»; «любить застолье и пиршество»; «должен знать и уважать историю и традиции»; «тот, кто при виде грузинских танцев и услышав грузинские песни, тихо плачет»; «должен хорошо знать грузинскую культуру».

Но несмотря на это, культура не может служить постоянной и единственной характеристикой этнической группы, так как она развивается и меняется при взаимодействии с другими группами⁶. Поэтому при определении этничности первостепенная роль отводится грузинскому языку, являющемуся объектом гордости группы и рассматриваемому в качестве неотъемлемой части культуры. Многие участники форума упоминали о том, что *«у нас старинная культура и редчайший алфавит, который является одним из 14 алфавитов мира»*. Незнание грузинского языка определяется как принадлежность к другой этнической группе. Поэтому неслучайно, что фактор языка неоднократно возникал в биографических рассказах, анализируемых

5. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий, Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. С.18.

6. Ibid. С. 41.

ниже. Так, информант Гога, родители которого (мать грузинка, отец армянин) развелись, когда ему было 5 или 6 лет, отмечал:

«Я переживал – это было мое предположение о чужом восприятии, что я неполноценный, так как не могу разговаривать по-грузински так, как нужно».

Другая информантка, Мзия, в своем интервью подчеркивала, что незнание грузинского языка приводит к проблемам адаптации:

«Училась я по-грузински, но никакой проблемы для меня не было. Притом у нас учителя хорошие были, и сами дети хорошие. Вообще у меня этой проблемы никогда не было. Если кому-то трудно куда-то влиться из-за языкового барьера, и они себя чувствуют как-то неловко, у меня этой проблемы не было».

«Живя в Грузии, естественно, надо в грузинскую школу ходить. Где живешь, тот язык лучше должна знать. Как рыба в воде, правильно?»

Эти проблемы связаны не столько с трудностями коммуникации, сколько с этнической идентичностью: не зная языка, человек с большей долей вероятности рискует попасть в группу «чужих».

1.3. Религия – православие

Православие является другой важной составляющей этнического кода. Оно считается фундаментом грузинской культуры и обычаев. По мнению пользователя интернет-форума, которое представляется довольно типичным;

«Грузин может не быть безумным христианином и не ночевать в церквях, но должен иметь менталитет православного. Ну, вспомнить из истории одного-двух католиков и мусульман, которые были настоящими грузинами, тоже можно, но все же думаю, что быть грузином – значит быть православным. Сам я не очень религиозный, но, думаю, для грузин это [православие] больше, чем религия».

Иными словами, для того, чтобы быть грузином, обязательно быть православным христианином. Подчеркивая исторические исключения – примеры выдающихся грузин иного вероисповедания, интернет-пользователь лишь подтвердил это правило. Православие исторически считается религией большинства грузин, и православ-

ная церковь играет немаловажную роль как в современной политической жизни страны, так и практически во всех сферах общественной жизни. Тем не менее, оно не может служить достаточным фактором, определяющим этничность. Во-первых, православие не отличает грузин от многих других этнических групп; а во-вторых, несмотря на то, что религия передается через семью, переход в православную веру, в отличие от попытки «огрузиниться», не только принимается, но и одобряется грузинским обществом.

1.4. «Грузинский ген»

Насколько абсурдно ни звучит словосочетание «грузинский ген», значительной частью общества оно воспринимается как само собой разумеющееся, понятное и оправданное: *«представитель одной из самых старинных наций на земле, носитель старой генетики», «генотип грузинской нации», «проявление грузинского гена»* – подобными выражениями пестрело обсуждение на интернет-форуме.

Выражение «грузинский ген» используется частью грузинского общества в обиходе для определения некой социально-биологической единицы, которая передается по наследству, с «кровью», и несет в себе биологические и социальные черты, характеризующие всех ее обладателей. «Грузинский ген» – обоснование постоянства этничности, того метафорического родства, на котором основывается этническая идентичность. Под «геном» может подразумеваться как культура, обычаи и история, так и внешний облик и черты характера, часто приписываемые группе в виде стереотипов. Так, сугубо грузинскими характеристиками участники опроса называли: доблесть, доброе сердце, талантливость, трудолюбие (или, наоборот, лень), внешнюю красоту и т.д. При этом аргументы пропагандистов «гена» лишены рационального обоснования, и их можно охарактеризовать как верования религиозного типа, основанные на псевдонаучных биологических знаниях.

Таким образом, грузинское общество при делении людей на «своих» и «чужих» руководствуется примордиальными представлениями, включающими в себя культурологические характеристики, такие, как родина, традиции, язык, религия, и подкрепляет их представлениями о существовании некоего «гена», определяющего этничность «грузин». Но установить «подлинность», опираясь лишь на черты, такие, как доброе сердце или доблесть, ненадежно. Поэтому существуют более «верные» показатели, в частности фамилия человека, порождающая определенные типы социальных отношений, которые мы рассмотрим ниже.

2. Типы социальных отношений, связанных с фамилией

Конструкт «грузинского гена» играет значимую роль в социальных отношениях. Подобно тому, как стереотипы служат разделению людей на группы, так и социальный «ген» является одним из рабочих инструментов социального конструирования общества. Наличие или отсутствие «гена» определяет этничность человека, его социальный статус и отношения с другими членами общества. Помимо рассмотренных выше элементов, однозначным маркером этнического «гена» считается фамилия. Как указал интернет-пользователь, грузин – это тот, у кого *«фамилия заканчивается на дзе, швили, иа и другие традиционно грузинские окончания, и при этом не изменена»*. Именно фамилию использует общество для первичного определения «генетики» и совместимости с этническим кодом грузин: *«...но в Грузии это по-другому, сначала спрашивают имя и фамилию, а потом знакомятся с человеком»* (Бадри с негрузинской фамилией). Соответственно, фамилия имеет определяющее влияние на судьбы людей, постоянно проживающих в Грузии.

Ниже приведены три типа социальных взаимоотношений, основанных на происхождении фамилии человека. Эти типы выделены на основе анализа биографических рассказов людей, воспринимаемых окружающими как этнически смешанные, а значит имеющие неопределенную «генетику». На деле, единственное отличие респондентов – это этнический состав семьи и происхождение фамилии. Остальные элементы грузинского этнического кода присутствовали практически у всех.

2.1. «Правильная» фамилия»

Грузинская фамилия – инструмент социального определения «грузинского гена». «Правильная фамилия» в грузинском обществе не привлекает внимания; маловероятно, что у кого-либо появятся вопросы, поскольку только ближайшее окружение имеет информацию об этническом составе семьи человека. При взаимодействии с обществом человеку приписывается принадлежность к титульной этнической группе в соответствии с этническим кодом. Когда общество принимает в свою общность, ощущение психологической безопасности достигнуто⁷. В этом случае тема этничности не актуальна, и смешанное происхождение представляется человеку в виде дополнительной возможности выбора своей идентичности, в виде ресурса.

7. Стефаненко Т.Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности // Интернет-портал «Флогистон». 1 марта 1999 г. (<http://flogiston.ru/articles/social/ethnic>).

«В принципе, я на эту тему не думала, но исходя из моей жизни, я немного больше склоняюсь к грузинской [этничности], так как мне очень много чего нравится в грузинской культуре, в грузинских традициях» (Ира с грузинской фамилией).

«Я не могу сказать, что я грузинка, но и армянка – точно нет, потому что я не чувствую такой связи, чтобы сказать, что мне родные эти люди» (Нана с грузинской фамилией).

«Человек на каком языке думает, на каком языке сны видит, тем он и является. Думаю я обычно на русском языке и сны тоже вижу на русском» (Лейла с грузинской фамилией).

Для этих людей этническая идентичность – интимная и сугубо личная тема, которая в одном случае обосновывается культурной близостью, в другом – просто принадлежностью к группе, а в третьем – языковой идентичностью. В отличие от других биографических рассказов, информанты с грузинской фамилией не затрагивали тему этничности. Вопрос об их этнической идентичности, заданный к концу интервью, заставлял их врасплох. Этот вопрос казался неуместным и даже неприличным.

Однако свободными от давления со стороны общества такие люди могут быть лишь до некоторой степени. В определенных обстоятельствах есть риск, что им напомнят о неполной совместимости с этническим кодом грузин. Такой границей может быть вступление в брак или высокое положение в обществе, в политике (например, когда Зураб Жвания занял видное место в грузинской политике, начались разговоры об армянском происхождении его матери). В биографических рассказах нередко всплывали темы конфликтов и непринятия в семью на почве этничности.

2.2. «Неправильная» фамилия

Людям, носящим негрузинскую фамилию, в жизни приходится нередко сталкиваться с удивленными, или, что еще того хуже, подозрительными, взглядами малознакомых людей, услышавших «неправильную фамилию». Она является индикатором принадлежности к «другой» группе, культуре, или даже сущностных характеристик личности. Одна из информанток рассказывает:

«Когда я приехала сюда [в Грузию после учебы за границей], оказалось, что меня за свою никто не принимает. Там я была грузинкой. Тогда получается, что зря я там говорила, что я грузинка – потому что я гражданка Грузии» (Маша с негрузинской фамилией).

Во время учебы в школе Маше часто приходилось ездить в Европу и даже жить там в течение учебного года, а в Тбилиси она больше общалась в русскоязычной среде. Вернувшись в Грузию и начав работать в Тбилиси после получения высшего образования в Америке, она практически в первый раз столкнулась с тем, что в Грузии понимается под словом «грузин».

Нося фамилию, унаследованную от предков, звучащую не совсем привычно для уха большинства соотечественников, приходится сталкиваться со стереотипами той этнической группы, с которой общество соотносит данную фамилию, а значит и ее обладателя. Этнические стереотипы включают представления о чертах характера, физическом облике и основываются на исторически сложившихся взаимоотношениях. «Престижность» этнических групп зависит от географической, культурной, политической близости стран и отдельных групп и изменяется в процессе социальных, политических, культурных трансформаций. Чем ближе и знакомее этническая группа, тем сильнее укоренены стереотипы по отношению к ее членам.

«Обидно становится, когда начинают по-другому меня воспринимать, услышав мою фамилию или узнав, что я – иудейка. Так прямо ничего могут и не сказать, но начнут прикалываться или анекдоты про армян или про евреев рассказывать» (Маша).

Ситуация может стать даже выгодной, если фамилия приписывается к группе, в отношении которой в данном обществе сложились позитивные стереотипы. Например, информантка с польской фамилией, имевшей, по ее словам, «царское происхождение», указывала лишь на положительные аспекты ношения польской фамилии:

«Мой дядя знает всех Н., какие только есть – ездит по миру и ищет. Он очень интересуется своими корнями, потому что испытывает недостаток в родственниках. Конечно же, я считаю себя грузинкой, абсолютно. Польский просто потому хочу выучить, что фамилия польская и что будет скоро возможность брать двойное гражданство. Здесь тоже есть польская школа, и я очень хочу сына отвести» (Анна).

Если фамилия не относится к числу «престижных», соответствующие стереотипы могут привести к фактом дискриминации. Так, один из информантов, Бадри, рассказал в интервью об истории своей любви, которая закончилась отказом в женитьбе со стороны семьи девушки:

«В конечном итоге у нас ничего не получилось, так как проблема была в моей фамилии. Эта проблема меня преследует всю жизнь. Я не говорил об этом, так как очень не люблю эту тему. Это для меня очень большая тема, хотя не комплекс; если бы это был комплекс, я бы уже давно взял фамилию матери».

Этническая идентичность у людей с «неправильной фамилией» может варьироваться от идентичности титульной до идентичности этнической группы одного из родителей или даже прародителей, или же вовсе отсутствовать. Этническая самоидентификация основана не только на самоопределении самовосприятия индивида, важную роль играет также и признание этнической принадлежности человека окружающим его обществом. Иметь идентичность, не признанную другими, а главное декларировать ее, тем самым лишней раз подвергаясь критике с точки зрения «этнического кода», – позиция невыгодная. В этом случае перед человеком встает задача преодоления социальных ситуаций, возникающих вследствие несовпадения общественного восприятия и самовосприятия.

Если человеку не удастся найти подходящую для себя нишу в этнической группе по вышеназванным или иным причинам, он может создать новый, альтернативный, конструкт идентичности, в котором акцент будет сделан на идентичности другого рода. Чтобы замещение этнической идентичности на альтернативную было эффективным, необходимо, чтобы эта новая идентичность была весомой и престижной в данном обществе. Соответствие с кодом данной идентичности позволяет человеку найти свое вполне оправданное и комфортное место в обществе. Как показало мое исследование, такой альтернативной идентичностью в Тбилиси является идентичность горожанина, «коренного тбилисца»⁸. Так Бадри эмоционально аргументировал свою идентичность:

«В любом варианте [я] грузин, но больше не грузин, а национальность – “тбилисец”. Я горжусь тем, что я “тбилисец”, потому что я помню, каким был Тбилиси. Мои друзья, все мое детство, моя жизнь – все это связано с этим городом. Не знаю, сколько нужно было бы заплатить, чтобы записали национальность “тбилисец”, но я бы заплатил и записал. Я тбилисский грузин» (Бадри).

8. Поскольку мое исследование проходило в Тбилиси, то именно тбилисская идентичность фигурировала в качестве основной альтернативной идентичности. В других регионах Грузии она может быть, конечно, иной.

У данного конструкта идентичности существует свой собственный код, который, судя по всему, связан с мифами о Старом Тбилиси и с длительностью проживания в нем, т.е. с количеством поколений предков, живших в Тбилиси. На свою «тбилисскую» принадлежность указывали и другие информанты:

«Почему меня кто-то должен учить, как быть “тбилисцем”, ведь у меня уже три поколения “тбилисцев” (Маша). «Я жил в Тбилиси – безусловно, коренной, можно сказать» (Иракий).

В грузинском обществе быть «коренным тбилисцем» престижно и выгодно. Идентичность «тбилисца» создает новую группу со своими мифами, традициями и обязательными характеристиками. Подобно тому, как границы этнического кода грузин защищены «грузинским геном», идентичность «тбилисца» достается лишь по наследству и не доступна всякому желающему. Идентичность, которая не отличает членов одной группы от другой, то есть имеет непрочные и гибкие границы, не будет носить социально важную роль. Быть «коренным тбилисцем» значит быть в чем-то лучше других.

2.3. Исправленная фамилия

Адаптация людей с «неправильной фамилией», тем более если она ассоциируется с «непрестижными» этническими группами, сложная задача, которая требует дополнительных ресурсов. Кто-то задействует стратегию построения альтернативных идентичностей, а кто-то адаптируется при помощи «исправления» своей фамилии.

«Материнскую фамилию я взяла в 10 классе, в период Гамсахурдия, когда он сказал, чтобы все нации катились куда подальше, и люди стали тенденциозными, а мы должны были сдавать [вступительные экзамены] – мой отец решил так. Моя мать протестовала, она считала это плохим тоном. Отец не хотел, чтоб его детей ущемляли: кто бы тебя с армянской фамилией пропустит? Или надо быть уже известной личностью, или очень сильным профессионалом. Помню, у нас были соседи, виноделы, очень богатые, но менталитет – ужас. Я очень нравилась им, семья подумывала обо мне как о невестке, но нет – армянку не хотим. А какая разница, какая у тебя кровь, главное – сущность самого человека» (Анна, отец армянин, мать грузинка).

Оговорка Анны свидетельствует, что примордиальные представления, которые ее так возмущают, характерны не только для ее окружения, но и для нее самой. Упоминание «крови» указывает на представление о «гене», который характеризует этничности и проявляется в фамилии, просто он не настолько важен, как считают другие.

«Когда я был в четвертом классе, по коллективному решению мой отец и я, соответственно, перешли на фамилию моей матери. В моем случае посчитали, что это сделает мою жизнь легче. У этого есть свои плюсы и свои минусы. Плюс это то, что мне не скажут в лицо – армянин! Это в нашем обществе довольно принято. Армянин – здесь это жид, не еврей, а жид. Притом это было бы неправдой, так как я грузин. Я же не буду это доказывать, тем более что многие не согласятся. Ну, ты же знаешь, скажут – гены все же делают свое дело, где-то все же проявятся. Это очень плохо характеризует таких людей, но, к сожалению, таких большинство, не в моем окружении, но в обществе. Может быть, это есть у всех: классификация этничностей, градация – некоторые престижнее, а некоторые нет. Минус то, что у меня сложился комплекс, что я все время что-то скрываю. Не сложно было это скрывать, мой отец не фигурировал [родители были разведены], с виду ничего не скажешь, но проблема была во мне» (Гога).

Положительная сторона смены фамилии очевидна: она сводит к минимуму риск дискриминации по признаку «непрестижной» этничности. Однако трудность состоит в том, что, меняя фамилию и при этом веря в «кровь» и «ген», информацию о которых она якобы несет, человек пытается скрыть свою врожденную «сущность». Мать Анны была против смены «неправильной» фамилии на «правильную», так как считала это плохим тоном. И Бадри, несмотря на то что неоднократно подчеркивал в своем рассказе, сколько проблем приносила ему его «неправильная фамилия», все же не решился ее поменять:

«Пришла ко мне целая делегация – ее семья, и ее мать сказала мне, что не хочет сделать свою дочь несчастной, и если я перейду на материнскую фамилию, проблемы не будет. Но я ни в коем случае не предал бы своего отца...» (Бадри).

Окружение требует от Бадри «исправления неправильной фамилии», но он воспринимает такое действие как предательство своих предков, которые передали ему фамилию в наследство. Согласившись поменять фамилию на грузинскую, Бадри мог бы приобрести главный индикатор «грузинскости» и, таким образом, вписаться в группу, членом которой себя ощущает. Однако это несет риск того, что окружающие будут укорять его за «предательство» и при удобном случае смогут напомнить о «гене». Смена фамилии воспринимается обществом негативно, поскольку фамилия должна быть такой же врожденной и устойчивой, как и «ген», входящий в этнический код. Это подразумевает, что смена фамилии (на маркирующую другую этническую группу) – обман, и это стыдно.

Несмотря на то что, как указывает Гога, принятие другой фамилии сопряжено с большими психологическими усилиями, это все же возможно, если удастся преодолеть внутренний диссонанс посредством новых когнитивных конструктов, создания новой идентичности. В награду за эти усилия в будущем снижаются риски, связанные со статусом «белой вороны», или даже «козла отпущения».

Заключение

Формально грузинское государство организовано на гражданских принципах и демократических ценностях. Конституция провозгласила принцип равных возможностей для всех членов общества. Но в обществе до сих пор доминируют представления об этнической группе грузин, основанные не на гражданстве, а на «гене». Представления об этничности – код – имеют привязку к фамилиям, которые носят судьбоносный характер для их обладателей. Фамилия является важнейшим критерием при определении социального статуса, возможностей карьерного роста или создания семьи.

Со временем, возможно, понимание этнической идентичности изменится, и границы между «своими» и «чужими» будут проведены исходя из других принципов. В этом случае социальное значение фамилии, скорее всего, снизится и на первый план выйдут другие критерии. В частности, активное включение Грузинской Православной Церкви в государственно-политическую жизнь страны делает православие все более важным определяющим эле-

ментом грузинской идентичности. Но до тех пор определение грузин, то есть «своих», происходит на основании фамилии. Об этом ярко свидетельствуют слова Президента Михаила Саакашвили, произнесенные в момент политического и социального напряжения ноября 2007 года, когда он призвал население простить оппозиционных лидеров за их «антигосударственные действия»:

«Но простим их все вместе, простим друг друга, потому что нас и так мало, каждый из них носитель грузинских имени и фамилии, и мы не хотим потерять ни одного из них».

Айкануш Чобанян

ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В АРМЕНИЮ: ОТ РЕИНТЕГРАЦИИ ДО РЕЭМИГРАЦИИ

«Американские армяне возвращались, порой неся с собой «культурные» болезни [...] Однако кривляния американских армян длились всего лишь несколько лет, до тех пор, пока одежда, привезенная из Америки, не изнашивалась и заменялась местной, так же изнашивался и язык, постепенно заменяясь родной речью».

«Жизнь на древнеримской дороге»
Ваган Тотовенц (1889-1938)

С конца восьмидесятых годов прошлого века миграционная ситуация в Республике Армения резко изменилась, что было обусловлено такими чрезвычайными факторами, как разрушительное землетрясение 1988 года и Карабахский конфликт, а также политическими, социальными и экономическими переменами (распад СССР, экономическая блокада, спад производства, переход к рыночным отношениям и т.д.). По разным экспертным оценкам, в период с 1988 по 2003 гг., численность населения Армении за счет эмиграции сократилась на 0,8-1,5 млн. человек¹. Как показывают результаты исследований², около 75% эмигрантов из Армении направлялись в Россию, что обусловлено такими факторами, как безвизовый режим, общее советское прошлое, определенный уровень знания языка и культуры, а также сохранившиеся связи.

Часть эмигрировавших обосновалась в принимающих странах и интегрировалась в новом для себя обществе, другие, в силу разных обстоятельств, стали возвращаться обратно. Так, начиная с 2004 года численность лиц, прибывающих в республику, превышает численность выбывающих. Положительное миграционное сальдо в 2004 году составило 2,1 тыс. чел., в 2005 году – 12,5 тыс. чел., а в 2006 году – 21,8 тыс. чел.³

1. *Мхитарян В.* Глобальная миграция: проблемы и их возможные решения // Кавказ без конфликтов и терроризма: диалог цивилизаций на Кавказском перекрестке. Сборник материалов I международной конференции. Ереван, 2007. С. 187. См. Также: *Погосян Г.* Миграционные процессы в Армении // Миграция на Кавказе / под ред. А. Искандаряна. Ереван: Кавказский институт СМИ, 2003. С. 82, 113.

2. *Labor Migration from Armenia in 2002-2005. Sociological Survey of Households.* Yerevan, 2005. P. 30; Кавказ – Россия: миграция легальная и нелегальная / Общая редакция и предисловие А. Искандаряна. Ереван: Кавказский институт СМИ, 2004. С. 5; *Poghosyan G.* Migration in Armenia. Yerevan: Armenian Sociological Association, 2001. P. 104.

3. См. сайт Агентства по миграции РА (<http://www.backtoarmenia.com/?hcat=85&scat=88&l=rus>).

Несмотря на важность этого процесса, возвратная миграция остается относительно неисследованной областью, а существующая литература большей частью сфокусирована на изучении иммиграции и эмиграции. Отчасти это связано с тем, что возвращение добровольных мигрантов официально не отслеживается, в отличие от процессов иммиграции и интеграции (иммигрантов, беженцев и т.д), поскольку считается, что в этом нет необходимости. Однако мы полагаем, что этот вопрос заслуживает особого внимания.

В широком смысле возвратную миграцию⁴ можно определить как процесс, при котором люди возвращаются в страну своего рождения или место постоянного проживания после по крайней мере годичного пребывания в другой стране. Целевые группы возвращающихся мигрантов различны: квалифицированные специалисты, ученые, студенты, нелегальные мигранты, лица, которым отказано в убежище, беженцы, «этнические возвращенцы», трудовые мигранты, а также пенсионеры. Некоторые мигранты возвращаются домой, поскольку полагают, что достигли тех целей, которые они поставили себе перед отъездом, другие – по причине того, что их ожидания не оправдались. Одни возвращаются после короткого, а другие после многолетнего отсутствия. Кроме того, часть из них возвращается по своей воле, а другая – по требованию принимающей страны⁵.

В силу того, что категории вернувшихся мигрантов, география стран иммиграции, сроки пребывания в принимающей стране и т.д. очень различны, для определения объекта исследования изначально были установлены некоторые критерии:

- добровольность принятия решения о возвращении;
- выбор России в качестве страны назначения;
- срок пребывания в эмиграции не менее 5 лет.

Таким образом, объектом исследования стали граждане Армении, которые эмигрировали из страны и после некоторого времени проживания в России вернулись обратно. В качестве основной единицы исследования была выбрана семья. Это связано с тем, что, как показывают некоторые авторы⁶, главной сценой, на которой происходит принятие миграционных решений, является семья. Основным методом сбора данных стало био-

4. Одной из категорий возвратной миграции являются репатрианты. В международных правовых документах этот термин обозначает беженцев или военнопленных, которые возвращаются в страну, гражданами которой они являются. В Армении репатриантами принято считать потомков людей, которые спаслись во время геноцида 1915 гг. в Западной Армении. По этой причине у них обостренное чувство потерянной родины, и Армения является для них «исторической родиной».

5. King R. Generalizations from the history of Return Migration // *Journey of Hope or Despair?* / Edited by Gosh Bimol. IOM/UN, 2000. P. 13-18.

6. Пиллингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А. Вяткина, Н. Космарской, С. Панарина. М.: Наталис, 1999. С. 92.

графическое интервью⁷. Отбор интервьюируемых производился методом «снежного кома», когда адреса новых информантов были получены от уже опрошенных, а также по рекомендации знакомых и друзей.

Полевая работа велась в городах и селах Котайкского марза Армении и в Ереване в течение 2007 года. Всего было проведено 15 интервью с семьями возвратившихся мигрантов. География их проживания в стране эмиграции была очень широка: начиная со Ставропольского края до Москвы и Сибири. Продолжительность одного интервью составила от 1 до 1,5 часов. В интервью, как правило, участвовал один из членов семьи – основной информант. В большинстве случаев это были женщины в возрасте от 30 до 55 лет. Но были случаи, когда участвовали оба супруга, а также дети⁸.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы выявить мотивацию эмиграции и возвращения мигрантов, проанализировать проблемы и трудности реинтеграции в своей стране и, наконец, рассмотреть их намерения насчет реэмиграции⁹.

1. Мотивы эмиграции и возвращения

Почти все информанты, обосновывая свою эмиграцию, указывали на тяжелую социально-экономическую ситуацию в своей стране: проблемы трудоустройства (отсутствие работы), тяжелые условия жизни (отсутствие

7. Каждый человек имеет свою историю жизни, которая уникальна и неповторима. История жизни – это совокупность реальности, отраженная в нашем сознании, которую называют биографией. Человек и его жизнь, как самоценность, лежит в основе этого метода. Он концентрируется на индивиде, его опыте проживания жизни и субъективных переживаниях. (См., например: *Девятко И.Ф. Методы социологического исследования*. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998).

8. Во время полевой работы бывали случаи, когда я без предупреждения ходила к информантам, поскольку если встречи с ними были запланированы заранее, они часто от них отказывались или все время их откладывали. Интервью проводились в основном в доме информантов, реже – на рабочем месте.

Информанты интересовались, для чего я беру интервью, и с какой целью будет использована информация. Некоторые информанты чувствовали неловкость при включенном диктофоне, просили отключить, но в основном вели себя раскованно, особенно когда я старалась вести свободную беседу.

Для этого, чтобы войти в доверие к ним, в начале беседы я объясняла, в чем заключается цель моего исследования, и уточняла, что интервью будет конфиденциальным и что информанты могут не отвечать на вопросы, касающиеся частных или неприятных для них тем.

Потом просила, чтобы они рассказали о себе и о своей семье, начиная с того времени, когда решили уехать из Армении, а также о мотивах, личном опыте эмиграции и возвращения.

Последующую историю я не прерывала вопросами и старалась полностью войти в роль слушателя, поощряла рассказчиков при помощи невербальных средств выражения. После того, как они завершали свой рассказ, я задавала вопросы с целью получить более подробную информацию о событиях, упомянутых информантами, а также дополнить или пояснить прерванные линии рассказа и малопонятные места.

В конце интервью я обязательно просила рекомендовать новых информантов и, в случае необходимости, разрешить вновь обратиться к ним. Иногда информанты были откровенны, доброжелательны и готовы рассказывать о себе. Во время беседы они показывали фотографии, дипломы и грамоты детей. Но были также случаи, когда мигранты испытывали затруднения, рассказывая о себе, особенно о тяжелых, травмирующих моментах жизни. Среди них были люди, которые до этого не имели возможности рассказать историю своей жизни, более того – быть выслушанными и понятыми.

9. Термин «реэмиграция» определяется как «перемещение лица, которое после возвращения в страну отправления, повторно выезжает в зарубежную страну» (Глоссарий терминов в области миграции. Международное миграционное право. № 2 / Отв. ред. Р. Перрушу. Женева: Международная организации по миграции, 2005. С. 68.).

света, газа и т.д.). В момент отъезда многие были безработными, а у остальных была очень низкооплачиваемая работа.

Выбор места переезда был в основном обусловлен особенностями существующих миграционных сетей, т.е. *«наличием личных связей в принимающей стране, которые сыграли зачастую решающую роль в принятии решения об эмиграции и при выборе конкретной точки на карте»*. По словам одной из информанток:

«В основном, когда один из родственников уезжает, это само собой привлекает твое внимание. Первый уехавший увозит за собой... Если бы сестра или брат уехали за границу [дальнее зарубежье – прим. авт.], то, возможно, и мы захотели бы поехать туда. [...] Я вообще была против поездки, вначале и муж не хотел, но после уже я сама не захотела оставаться без мужа» (женщина, 45 лет).

Как правило, первыми уезжали мужья (только в одном случае первой уехала жена), устраивались на работу и только после этого перевозили свои семьи. Интересен и тот факт, что отъезд семьи многие мигранты обосновывали тем, что *«дети должны быть с отцом»*, *«все мы жили на чужбине, поэтому старались поддерживать друг друга»*.

Анализ интервью позволяет сделать вывод о том, что решение о добровольном возвращении, как правило, было обусловлено двумя видами факторов: отталкивающими (*push factors*) и притягивающими (*pull factors*). Отталкивающие факторы были связаны с трудностями адаптации в принимающем обществе, среди которых информанты чаще всего отмечали ксенофобию, трудности получения легального статуса и культурные различия.

По словам многих информантов, причиной их возвращения на родину стали в первую очередь проявления *ксенофобии* в принимающей стране, которые угрожали безопасности иммигрантов и их семей. Некоторые из них отмечали, что в начале 1990 годов в России напряженности и агрессии было меньше, но с годами ситуация стала ухудшаться. Нужно также отметить, что мигранты, возвратившиеся из Москвы, Московской области и из Санкт-Петербурга, о межнациональной розни и ксенофобии говорили чаще, чем те, которые возвратились из других регионов России:

«Сначала нас принимали как гостей, но потом, с годами, отношение стало меняться. Появилась агрессия, люди стали более нетерпимы, стали плохо смотреть на приезжих, и стала возникать межэтническая напряженность. А когда было совершено убийство армянина, то мы стали очень волноваться за наших детей. Мы поехали, чтобы нам жилось лучше, а если оказывается наоборот, тогда лучше жить на своей родине» (женщина, 35 лет).

«Армян называли “хачиками”, и даже на стенах лифта были записи “смерть хачикам” и т.п. Из-за этого муж вынужден был отвозить дочь в школу на машине» (женщина, 55 лет).

Другим фактором, повлиявшим на принятие решения об отъезде, являлось «нелегальное» положение (отсутствие регистрации), которое, по словам мигрантов, создавало ощущение подавленности, страха, беспокойства и напряженности:

«Все время живешь в каком-то ожидании, когда день проходил без каких-либо эксцессов, то говорили “как хорошо”, были очень напряжены, не ждали ничего хорошего, не могли жить спокойно... Оскорбляло даже то, что там на улицах, на каждом шагу останавливали нас и требовали документы, даже заходили в дома и проводили проверки» (женщина, 32 года). «Усилили контроль над наличием регистрации, и в любой момент могли депортировать, проставив штамп в паспорте. Вот и решили вернуться, подумали, что раз уж так, то лучше жить в своем доме, хотя бы будем чувствовать себя спокойно» (женщина, 35 лет).

Кроме того, по мнению информантов, проблема заключалась в различии «менталитетов»: для них оказались неприемлемы общественные нравы и ценности принимающего общества, что в первую очередь отражалось на воспитании детей. По этой причине информанты и их дети в основном общались с представителями других национальностей Кавказа, в частности с чеченцами, азербайджанцами, объясняя это тем, что «*их менталитет близок армянскому*». По словам информантки:

«Например, они [местные] более свободны [были дети, которые курили даже в начальных классах, курили и девочки]. И после начальных классов не стоит там оставлять детей» (женщина, 32 года).

Среди других трудностей адаптации информанты отмечали также проблемы с трудоустройством, повышением платы за жилье, тяжелые климатические условия и др.

«Из года в год становилось все труднее и труднее, все подорожало, и мы почувствовали, что больше не можем там оставаться, не можем сводить концы с концами. Мы должны были суметь и там обеспечить свое проживание, платить за квартиру и высылать сюда деньги. Работал только один муж, водителем, но не зарабатывал столько, чтобы на все хватало» (женщина, 35 лет).

Как показало исследование, одним из притягивающих факторов, способствующих возвращению мигрантов из России, является чувство «ностальгии», связанной чаще всего с домом, родственными и социальными связями. Порой на решение мигрантов о возвращении влияли семейные обстоятельства: к примеру, наличие одиноких родителей, которые остались на родине, не пожелав оставить свои дома и уехать вместе с ними. Так, некоторые мигранты были вынуждены вернуться к пожилым или больным родителям. Решение эмигрировать или возвратиться также зачастую обосновывается «благом детей», хотя сами они не участвуют в принятии решений: желание родителей отдать детей в школу, или чтобы они поступили в вуз, на родине.

Другим не менее важным притягивающим фактором, способствующим возвращению, явилось улучшение социально-экономических условий в самой Армении:

«До переезда уже знали, что здесь [в Армении — прим. авт.] есть перемены к лучшему, что уже имеются возможности для работы. Перемены очевидны, особенно в Ереване» (мужчина, 53 года).

Рассказы информантов свидетельствуют о том, что решение вернуться домой, как правило, обусловлено не какой-то одной причиной, но комплексом причин разного рода, и в особенности – семейными обстоятельствами и социальными связями.

2. Реинтеграция в Армении: различные факторы и трудности «возвращения домой»

Реинтеграцию можно определять, как повторное включение человека в группу или процесс, например, включение мигранта в общество страны своего происхождения¹⁰. Процесс реинтеграции включает экономический, социальный и культурный аспекты, которые тесно взаимосвязаны и оказывают друг на друга влияние.

Реинтеграция возвращающихся мигрантов в своей стране является сложным процессом и протекает более или менее успешно в зависимости от того, насколько успешно сложилась их миграционная поездка, как хорошо они смогли интегрироваться в принимающем обществе и с каким миграционным опытом они вернулись. Если удачный экономический и социальный опыт может служить важным стимулом для быстрой и эффективной реинтеграции на родине, то неудачи, ко-

10. Юридический словарь (http://mirslivarej.com/content_yur/REINTEGRACIJA-23977.html).

торые имели место в эмиграции и вынудили мигранта возвратиться на родину, могут стать для нее препятствием.

Проведенные исследования показывают, что для удачной реинтеграции первостепенное значение имеет добровольность принятия решения о возвращении и готовность это сделать¹¹. В сравнении с вынужденно возвратившимися мигрантами (депортированными), добровольные возвращенцы и психологически, и финансово лучше подготовлены к возвращению. Об этом свидетельствует опыт некоторых информантов, которые уже до возвращения знали, чем будут заниматься в Армении, как будут жить, и поэтому были внутренне настроены на реинтеграцию.

2.1. Экономический аспект реинтеграции

Экономическая реинтеграция – это повторное включение мигранта в экономическую систему страны происхождения, дающее ему возможность зарабатывать себе на жизнь. Для успешной реинтеграции возвращенцев на родине важнейшей задачей является, по существу, решение вопроса трудоустройства¹². В большинстве случаев до отъезда из России информанты не имели конкретных предложений по трудоустройству и намеревались найти работу уже после возвращения. Одни мигранты привозили с собой необходимый капитал для основания собственного дела, а другие приобрели специальность, которая дала им возможность найти работу.

Среди опрошенных семей достичь благополучного материального положения удалось лишь немногим (трем), которые наладили в Армении свой бизнес:

«Вначале муж работал в качестве наемного работника, а после он сам основал свой бизнес, и постепенно наше положение стало улучшаться, смогли накопить денег, купили магазин в Ереване, сдали в аренду, и сейчас на эти деньги и живем» (женщина, 32 года).

Чаще всего за время проживания (учебы и работы) в эмиграции информанты приобрели не капитал, но специальность, навыки и опыт, которые смогли применить после возвращения в Армению:

---

11. Социологическое исследование «Реинтеграция», проведенное Армянской социологической ассоциацией в 2006 г., показывает, что многие возвращенцы из Европы перед отъездом продали дома и прочую недвижимость. Возвращение никак не входило в их планы, по крайней мере сначала. Это означает, что они внутренне не подготовлены, не настроены на реинтеграцию.

12. Реинтеграция экономическая // Юридический словарь (http://mirslouvrei.com/content_yur/REINTEGRACIJA-JEKONOMICHESKAJA-23980.html).

«Самое главное, что мы оттуда привезли, – это наша специальность строителя. Мы с братом такую работу выполняли, которую в Армении мало кто может» (мужчина, 35 лет).

Однако не всем удалось реализоваться, и некоторые из них, оставляя семьи, по разным мотивам вновь уезжали на заработки, например, по причине того, что в России за аналогичную работу платили больше. Это могло происходить также из-за того, что «*их здесь не оценивают по достоинству*», или же они не смогли найти подходящую работу:

«Мой муж снова поехал на временную работу, скоро вернется. Говорит, что за ту же работу там, в России, получает больше денег, чем здесь, не смотря на то, что там все труднее дается» (женщина, 35 лет).

Основные трудности, которые возникали перед возвратившимися мигрантами, желающими основать свое дело в Армении, были связаны с вопросами в налоговой сфере, а также при столкновении с государственной бюрократической системой и коррупцией:

«Почему я не занимаюсь бизнесом в Армении? Я пытался заняться этим по возвращении, однако мне это не удалось... Здесь нельзя заниматься бизнесом, если он пойдет удачно, его обязательно отберут. В Армении сформировалась клановая система, и постороннему человеку очень трудно вклиниться в нее...» (мужчина, 55 лет).

2.2. Социально-психологический аспект реинтеграции

Социальная реинтеграция – это повторное включение мигранта в социальные структуры страны своего происхождения. Оно подразумевает, с одной стороны, создание круга общения (друзья, родственники, соседи), с другой – участие в структурах гражданского общества (объединениях, группах взаимопомощи и пр.)¹³.

При принятии решения как об эмиграции, так и о возвращении, мигранты используют информацию, предоставляемую социальными сетями. Друзья и родственники в Армении и за границей часто функционируют как сеть содействия возвращенцам. Социальные связи помогают накопить информацию по вопросам трудоустройства и проживания в Армении, что помогает им лучше подготовиться к возвращению. Информанты часто повторяли, что они поддерживали связь с родственниками и друзьями, остав-

13. Реинтеграция социальная // Юридический словарь (http://mirslovarei.com/content_yur/REINTEGRACIJA-SOCIALNAJA-23979.html).

шимися в их стране, и от них узнавали о событиях в Армении. А некоторые даже иногда ездили в Армению, в основном на каникулы.

«Слышали от наших родственников и друзей, что в Армении уже можно найти работу, и что есть потребность в высококвалифицированных строителях» (мужчина, 35 лет).

Большинство мигрантов вернулись на прежнее место жительства. На основании рассказов информантов можно прийти к выводу, что они счастливы, оттого что вернулись в свою страну и оказались в окружении своих родственников и друзей, оттого что они говорят на одном и том же языке и принадлежат к одной культуре.

Большинство опрошенных отмечают, что социальные связи облегчают для них процесс реинтеграции. Однако зачастую друзья и родственники не в силах содействовать материально, поскольку сами находятся не в лучшем материальном положении. По словам мигрантов, в Армении социальные сети помогают больше в психологическом, чем в финансовом плане:

«Там чувство напряженности было больше, так как живешь в чужой стране, и должен делать так, чтобы не возникали лишние проблемы. Если на родине и не работаешь, то родственники тебя поддержат, помогут, подадут надежду» (женщина, 40 лет).

Трудности в поиске приемлемой работы часто объясняются тем, что она доступна только при наличии определенных связей. Некоторые информанты также признавались в том, что они устроились на работу «по знакомству». Поэтому для тех мигрантов, которые довольно долго жили за границей, важной проблемой становится реактивация социальных связей. За время отсутствия они частично потеряли то, что называется социальным капиталом, и это делает их более уязвимыми с экономической и социально-психологической точек зрения.

«Мы у себя на родине стали чем-то вроде гостей, наше поколение уже выросло. Из разных мест к нам в город переехало много людей, почти никого не знаем. Тогда выходили на улицу и почти с каждым здоровались, а теперь почти никого не знаем» (мужчина, 35 лет).

Анализ интервью с мигрантами позволяет также сделать вывод о том, что у части населения Армении сформировался стереотип о трудовой миграции как об успешном виде экономической деятельности. По свидетельству одного из информантов:

«Когда я вернулся из Москвы, меня стали воспринимать как весьма состоятельного человека, которого можно обмануть и выманить у него деньги. Говорили, разве приехавший из Москвы может не иметь денег? Ко всем возвращенцам относятся подобным образом: у них много денег, и надо эти деньги у них выманить» (мужчина, 55 лет).

Так, несмотря на то, что многие из них возвращаются отнюдь не «разбогатевшими», они становятся объектом особого отношения, связанного с представлением о том, что мигранты многое повидали, прикоснулись к другой культуре, добились чего-то большего, что они более благополучные, чем те, кто остался. Тем самым после возвращения у мигрантов автоматически повышается социальный статус, которому они стараются соответствовать.

2.3. Культурный аспект реинтеграции

Культурная реинтеграция – это повторное принятие возвратившимся мигрантом ценностей, образа жизни, языка, моральных принципов, идеологии и традиций общества страны происхождения¹⁴. Безусловно, мигранты перенимали некоторые элементы образа жизни принимающей страны, начиная с кухни и заканчивая манерой одеваться, и порой этот процесс шел в обоих направлениях:

«Мы там [в России] научили наших соседей делать мацун [простокваша], выращивать фасоль, баклажаны»; «Мы перестали пить кофе, а стали пить чай, это осталась у нас от русских, и вообще от этого народа мы переняли очень много хороших обычаев» (женщина, 53 лет).

При этом нужно отметить, что глубоких изменений в образе жизни и мышлении мигрантов в период проживания в эмиграции, как правило, не происходило, особенно у тех, кто не ставил перед собой задачи интегрироваться в принимающем обществе. Чаще всего они продолжали общаться в основном со своими соотечественниками, т.е. в каком-то смысле не поменяли социальную среду¹⁵.

Влияние миграционного опыта на взаимоотношения с друзьями и родственниками оказалось также невелико. Многие отмечали, что в отношении

14. Реинтеграция культурная // Юридический словарь (http://mirslivare.com/content_yur/REINTEGRACIJA-KULTURNAJA-23978.html).

15. Как пишет Е.И. Филиппова: «Этнические группы, оторванные от основного ядра своего этноса, лучше «консервируют» традиции, обряды, нормы поведения» (Филиппова Е.И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Отв. ред. В.А. Тишков. Москва, 1997. С. 67).

ях с людьми существенных изменений не произошло. Окружение (соседи, родственники и т.п.) относится к возвратившимся дружелюбно и принимает их как «своих». Вместе с тем имелись случаи, когда мигранты, прожив в России достаточно долгое время и переняв некоторые нормы поведения и культуру, сталкивались с определенными трудностями социализации на родине. Например, желание вести более независимый образ жизни вступает в противоречие с устоями общины:

«Когда поехала, заболела и начала носить брюки... Ну, в течение стольких лет поменяла стиль одежды, и когда возвратилась, соседи стали косо смотреть на то, как я одеваюсь, говоря: “Россия меняет людей”... Людей не ценят как таковых, а судят по одежде. Многие там меняли цвет волос, чтобы не иметь проблем, но здесь говорят: “Пожили в России и теперь зазнаются”» (женщина, 55 лет).

После долгого отсутствия возвращенцы оказались «выбитыми» из жизни Армении, так как очень многое изменилась за это время: в некотором смысле они вернулись в другую страну. Несмотря на то, что большинство из них поддерживало связь с родиной, у них сохранилось представление о стране, какой она была до их отъезда. Многим трудно свыкнуться с изменениями, произошедшими за время их отсутствия. Кроме того, в интервью информанты часто подчеркивали различия между страной происхождения и страной эмиграции, в которой они довольно долго прожили. Они привыкли к нормам и законам принимавшего общества, и им стали непонятны «правила игры», действующие в их стране. По всем этим причинам им не просто вновь найти свое место в обществе.

Многие информанты считают, что в Армении велика социальная несправедливость, и что, в частности, закон действует неодинаково, в зависимости от социального положения индивида:

«Я очень долго искала, но не смогла найти подходящую работу. Здесь трудовые отношения не урегулированы, люди не знают своих прав. Не знаешь, к кому обратиться и кто может тебе помочь, законы не для всех: есть категория людей, [которые] делают, что хотят и как хотят. Там не имеет значения, сколько у тебя денег, закон есть закон, и все перед законом одинаково равны» (женщина, 40 лет).

Во многих семьях жены в основном не работали, вели «изолированный» образ жизни (занимались домашним хозяйством и воспитанием детей) и общались в основном со своими соотечественниками. Поэтому у них желание вернуться в Армению было более выражен-

ным. Не сумев приспособиться к новым условиям и сталкиваясь с различными трудностями, они настаивали на возвращении всей семьи на родину. Но те женщины, которые в России стали работать, после возвращения в Армению тоже устроились на работу.

3. Реэмиграция: «хорошо там, где нас нет»

Возвратную миграцию часто рассматривают как конец миграционного цикла, однако в действительности в некоторых случаях она не исключает повторной эмиграции. Многие информанты, отвечая на вопрос о намерении реэмигрировать из страны, указывали на то, что по крайней мере в обозримом будущем не намерены вновь покинуть Армению, однако при этом не исключали такой возможности:

«Если и уедем, то не хотим в Россию, и особенно в Москву. Знаете, там люди как-то озлоблены, напряженность большая... Даже пробки на дорогах уже сами по себе формируют в людях агрессию» (женщина, 32 года).
«Может быть, вновь уеду, но не в Россию, или в какую-либо другую страну СНГ, а в другую страну... Сейчас уже прокладывают дорогу в Испанию, Грецию... Главное, там есть перспектива, если буду знать, что детей ждет хорошее будущее, я туда поеду» (мужчина, 47 лет).

Анализируя ответы информантов, можно прийти к выводу, что мигранты уезжали в основном за «хорошей работой и благополучной жизнью». Перед отъездом они были наслышаны от друзей, родственников, соседей о том, что в России «жизнь лучше», что там «работы много». Таким образом, у них сформировалось определенное представление о жизни России, чем были обусловлены оптимистичные ожидания: например, улучшить свое финансовое положение, накопить определенную сумму для основания собственного бизнеса, покупки дома или машины. Но столкнувшись с «реальной жизнью» в России, они увидели, что их ожидания не оправдались, и стали возвращаться обратно.

Нередко «неудачливые мигранты» пытаются чем-то оправдать свою неудачу, винят в ней «свою судьбу» или другие обстоятельства:

«Тебе кажется, что там зарабатывать очень легко. Когда другие приезжали и рассказывали, то нам казалось, что там будем жить очень хорошо, но когда уезжаешь, и твоя судьба складывается по-другому, то понимаешь, что жизнь у всех разная» (женщина, 55 лет).

«Ну, есть такие люди, которые там создали... Есть люди, которые удачливые, и где бы они ни жили, везде смогут создать себе дом, дачу, автомашину, но есть и такие вроде нас, у которых ничего не вышло... » (женщина, 40 лет).

«Если Богу было угодно, чтобы мы родились армянами, то надо смириться и свыкнуться с этой мыслью... Это то, что имеем, если мы все будем стремиться уехать для хорошей жизни, то всем народом пропадем» (женщина, 55 лет).

Таким образом, у информантов до эмиграции сложились о России определенные представления, согласно которым там больше соблюдаются законы и больше свободы, и можно заработать большие деньги. Однако после отъезда выясняется, что их представления не совсем совпадают с действительностью. И если их ожидания не оправдываются, они принимают решение вернуться обратно. Но после возвращения они сталкиваются с теми же проблемами, которые стали причиной их отъезда. Трудности реинтеграции в своей стране приводят к мысли о повторной эмиграции. Но с учетом предыдущего миграционного опыта страной назначения становится уже не Россия.

Если рассматривать вопрос реинтеграции с точки зрения поколений, то можно сказать, что старшее поколение легче повторно интегрируется на родине, чем их дети подросткового возраста, так как старшее поколение родилось, выросло и социализировалось в Армении. Молодое поколение, напротив, более склонно к реэмиграции, чему способствуют плохое знание армянского языка, эмиграционный опыт и социальный капитал в России (друзья, одноклассники т.д.). У большинства детей не возникало трудностей с адаптацией в России, так как во время переезда дети были дошкольного возраста или учились в младших классах. Но после возвращения им было гораздо труднее адаптироваться в своей стране, особенно тем, кто учился в старших классах или уже окончил школу:

«Уже 8 месяцев как вернулись, но дети не могут адаптироваться. Дочка говорит, если должны были вернуться, то лучше было бы это сделать раньше, чтобы мы не привязались к той жизни» (женщина, 32 года).

У многих детей возникли проблемы с родным языком, так как там они учились в русских школах, а после возвращения вынуждены были продолжить учебу на армянском языке. Им было трудно общаться со своими сверстниками по причине ярко выраженных культурных различий (например, в манере одеваться, поведении, взглядах и т.п.). Вследствие этого они более

расположены к реэмиграции из Армении: Россия для них фактически стала «второй родиной»:

«Если мои дети потом захотят уехать, то обязательно на легальном основании. Они же прожили там десять лет и переживали, что придется оставить все, школу, друзей. Она [Россия] как наша вторая родина» (женщина, 45 лет).

Заключение

Данное исследование стало попыткой изучить мотивы эмиграции и возвращения в Армению, а также трудности, с которыми сталкиваются возвращенцы в процессе реинтеграции в собственной стране. При этом большой интерес представляет вопрос о стратегиях, используемых возвратившимися мигрантами для преодоления этих трудностей. Хотя мы не смогли осветить его здесь в должной мере, он заслуживает того, чтобы стать предметом отдельной статьи.

Проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что, несмотря на многообразие конкретных жизненных ситуаций, на принятие решения о возвращении влияют в основном неэкономические факторы, в то время как первичное решение об эмиграции определяется исключительно экономическими мотивами.

Некоторые из опрошенных возвратившихся мигрантов привозили с собой капитал для основания собственного дела, а другие приобрели в России специальность, навыки и опыт, которые дали им возможность найти работу в Армении. Помимо удачного миграционного опыта (приобретения финансового капитала в России), важным ресурсом для реинтеграции мигрантов является наличие социального капитала в стране происхождения.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что старшее поколение легче интегрируется на родине, чем их дети подросткового возраста. Соответственно, молодое поколение более склонно к реэмиграции. Однако складывается впечатление, что и многие информанты старшего возраста не могут найти свое место после возвращения. Один раз побывав в эмиграции, бывшие мигранты не исключают повторного отъезда, и любое нежелательное изменение может стать толчком к тому, чтобы они приняли решение о реэмиграции. Однако, получив опыт жизни в России, они хотят уехать уже в другую страну, где, по их представлениям, будет лучше для них и для их детей.

Giorgi Babunashvili

INFORMAL INSTITUTIONS OF INFLUENCE IN SELF-GOVERNANCE STRUCTURES OF TBILISI: PARTY FACTOR

The aim of the article is to present key findings of the research on informal methods of authority in self-governance structures of Georgia. The research was conducted in Tbilisi according to the case study methodology and was based on interviews.

The process of building a democratic state in Georgia revealed the importance of informal methods of exercising authority. Although the current research which deals with the economic and political systems in Georgia is focused on corruption and the informal institutions of decision-making, there is a lack of researches conducted on the performance of political parties in power.

We argue that as Shevardnadze's strategy of balancing interests gave place to the trends of political centralization, the importance of political party organization, as a source for building up an informal decision-making system, increased in Georgia.

Our research shows that the actual degree of autonomy of self-governance strongly depends on political context. Informal mechanisms play an essential role in the decision-making system in the self-government of Tbilisi. Under Shevardnadze's government the primary sources of informal influence on the decision-making processes were patron-clientelistic ties. The membership in the ruling party was not of a decisive importance. The boundaries of the decision making system did not coincide with those of the ruling party and to a certain degree they included non-party actors too. Maintaining the balance among key policy actors was considered the major strategy of the period.

After 2003, the leadership change marked the beginning of the balance strategy end. The current trends are to make the ruling group monolithic and to concentrate power within a smaller team of decision-makers. A centralized system of informal relations emerges with more rigid informal hierarchy based on party connections. The circle of influential actors is now limited by the party in power. At the same time the ruling party's formal elite has indefinite influence.

CLIENTELISM AT SELF-GOVERNEMENT BODIES IN GEORGIA (A CASE OF SHIDA KARTLI

The article examines patron-client relationship forms at self-government bodies in Georgia. The Khashuri municipality of the Shida Kartli region is the focus of the article in which customer relations at the Khashuri municipality are analyzed during 3 periods. Period one – the period of Zviad Gamsakhurdia in the year 1991, period two – the first phase of Eduard Shevardnadze’s governance, between the years 1992-1995 and period three – the second phase of Eduard Shevardnadze’s governance, between the years 1996-2003.

Besides the reasons for the existing forms of relationship, the article discusses the characteristic features of patron-client networks – the reasons for change in governing bodies and the forms characterizing these networks, as well as interest groups involved in the network of each period.

The article is based on the research carried out with the in-depth interview of the qualitative research methodology. The informants of the research participated in the Khashuri municipality socio-political life in the periods interesting to the research.

INTERNALLY DISPLACED PEOPLE (IDP) FROM ABKHAZIA TO KUTAISI: 15 YEARS LATER

In 1992, because of military actions on the territory of Abkhazia (Georgia) 250 000 people became internally displaced and majority of those IDPs were Georgians. The subject of our research is the IDPs living at the collective centers of Kutaisi and how successfully they have been able to integrate in the new society within the Georgian environment.

The 14-year-period that passed since those days should have been enough to become complete members of the new community. However, our research reveals that the level of IDP integration in Kutaisi is very low due to less suitable and inappropriate accommodation, poverty, social isolation and low status. In light of the conditions, a person is likely to become desperate and nostalgic, which will hinder his adaptation to the new surroundings. By analyzing IDPs' friends' networks it has been discovered that between the local population and the refugees, friendly relations have highly sporadic and episodic character.

Based on the research, although both men and women equally suffer from integration difficulties, female IDPs manage to overcome this problem more easily and successfully than men do. Women adapt to the local community by finding job opportunities much more successfully than men do.

Majority of the IDPs belong to the older generation who isolate themselves even further by deliberately opting to communicate with their own society members only. One of the most significant obstacles in the adaptation process is the gap between their past and present social status. In the younger generation we observe a completely different picture — they are better integrated in the local community because they were either too young when leaving Abkhazia or they were already born and raised in Kutaisi, which became their hometown.

During the period described many natural and artificial barriers have emerged between IDPs and local citizens to prevent IDPs from integrating into the local neighborhood. We can list the most significant of them:

1. Placement of IDPs into collective centers, where they only communicate with one another and created a special microcosm of their own;
2. Unemployment;
3. The bright dream of returning home some day;

4. The unfriendly attitude of the local population who prefer to ignore the IDPs.

To facilitate integration the issue of the dream about returning home must be handled correctly so that the displaced would stop making only short term plans and would start concentrating on long term goals too.

Among many subjective and objective factors, the most significant issue is the absence of an efficient and effective governmental policy towards the IDPs. Officially, the government declared the acceptance of a strategy yet, it failed as it was not supported by the IDPs.

BEYOND THE WALLS OF RESIDENTIAL HOUSES: DIFFICULTIES AND PROSPECTS OF SOCIAL LIFE FOR FORMER INHABITANTS OF RESIDENTIAL HOUSES IN GEORGIA

The purpose of the article is to give a brief overview of the key findings of a research on the effects of residential care for youth and on transformations in young people's self-identification after transition from the closed environment of a residential institution into the open community – from a member of a stigmatized group into a full member of society. The research is based on two methods – interviews conducted with youth raised in the residential institutions and with social workers in Georgia and on group studies and observations undertaken at the alternative children care institution the Small Group Home.

The interviewed young people did not like living in residential institutions, and their comments showed criticism of those institutions for the absence of essential conditions for social development. While residing in the institutions they felt the lack of free choice, they were constantly controlled by the personnel of the institution and were obliged to live according to their directions. Residents of those institutions lived there from their early age and had limited contacts with some of the principal agents of socialization such as family, peers, school, and means of mass communication.

We argue that the residential institutions don't provide socialization conditions typical for children living with their families and that this holds the institutions responsible for the formation of a group of people devalued by themselves and by others. The members of the group can be classified according to similar features characteristic for the residents of the institutions. These features are – similar social behavior, social interaction problems and more importantly, a common biographical feature. This has a negative impact on the formation of their identity as full representatives of the society. They are mistrustful, alienated and are not capable to adapt to the outer world after leaving the institutions. The outer world doesn't trust or except them either. Stereotypes and attitudes of the society stigmatize the youth raised in residential institutions as «residential children».

The transfer of children from the residential institutions into the Small Group Homes enables them to have private space, personal belongings,

surrogated parental care and home warmth, freedom of choice, sympathy, security and last but not least, social ties to the open environment. In this case, the term «residential child» loses its negative connotation. The acquisition of conventional behavioral norms and values of the society reduces difficulties of transition from the closed residential institutions to the open community and minimizes the risks of being rejected by the society.

ISSUES OF ETHNIC IDENTIFICATION AMONG THE KURMANJI - SPEAKING POPULATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

The term of Kurmanji-speaking population concerns those citizens of the Republic of Armenia (RA), who are considering Kurmanji as their native language or as the native language of their ancestors. However, this term can insult the majority of our informants, as far as according to the census of 2001 the majority of the Kurmandji-speaking population of Armenia identified themselves as Yezidis (40 620 people), while its small part identified themselves as Kurds (1519 people). Unfortunately the 2001 census doesn't cite the number of people calling themselves Kurd-Yezidis or Yezidi-Kurds. Our research, however, has shown that most of the Kurmandji-speaking population of «kurdish orientation» have a double self-identity: considering themselves as Kurds by nationality, they underline, at the same time, that they are Yezidis by religion and are different from the Moslem Kurds. Thus there is a problem for ethnologists to describe whether the «Kurds» and «Yezidis» in Armenia are parts of the same «nation». Without giving a definitive answer to this question, we're trying to explain the reasons and factors influencing the formation of different Yezidi and Kurdish identities in the R.A. Four main elements of these identities are discussed separately: language (Kurmandji, Ezdki or Kurdish), historical homeland, myths on origin, religion.

MOLOKAN COMMUNITY IN AZERBAIJAN: FROM RELIGIOUS TO LOCAL AND ETHNIC IDENTITY

In the article are shown the results of a research concerning the Molokan community living on the territory of Azerbaijan since the first half of the 19th century. The author argues that the Molokans still continue to be perceived as a community possessing their own borders, which are distinct from those of the «other» Russians, despite of the absence of a proper statistical category. In the author's opinion, the major characteristic feature of the examined group is that the people who identify themselves as the Molokans, or the descendants of the Molokans who do not profess Molokanity, are ethnical Russians, of the Molokan (or Baptist) religion and have a native settlement. This specificity of self-identification also determines the structure of this article in which all three identity aspects are considered.

In spite of the fact that the number of the spiritual Molokans has been falling, the Molokan identity continues to be rather vivid in the minds of the Azeries. Among the Azeries, the stereotype of the Molokans is associated with a certain ethnical group who is localized in some territory and is different from the «other» Russians. Besides being geographically localized, the Molokans are attributed with special behavioral patterns, like the abstinence from alcohol (unlike the Russians in general), the abstinence from the consumption of pork (unlike the Christians in general) and very hardworking (the positive stereotype to distinguish them from all other ethnic groups of Azerbaijan). This image of a Molokan community member stays in Azerbaijan, though in reality the situation has changed dramatically.

All ethnical Molokans are believed to come from the village of Ivanovka which is an important place of the reproduction of the local identity. Interestingly enough, being an ethnical Molokan from Ivanovka, does not mean being of the Molokan religion. Historically, the village of Ivanovka had (and still has) the special status of a model collective farm (Kolhoz) during the soviet period.

Today, a number of centers of the Molokan community reproduction continue to exist. Among them are the Molokan prayer houses in Baku, where many Molokans moved from villages and the «Molokan Spiritual» community in the city of Sumgait, where religious members of the society

---

can gather. The major center of the Molokans of Azerbaijan (as well as of the South Caucasus as a whole) is in the settlement Ivanovka, of the region of Ismailinsky. The author carried out field researches in all of the three specified centers. The basic methods of research were in-depth, problem-focused interviews and participant observations.

SURNAME IS DESTINY

The author attempted to study notions of Georgian society regarding the Georgian ethnicity. How do people understand the concept of being a Georgian, who do they consider to be a real Georgian and what are the criteria of determining the real Georgian identity? Two types of research methods were used. The first method is an internet survey. A question – what does it mean to be Georgian? – was asked on a popular Georgian internet forum. The second method is in-depth biographical interviews with people of ambiguous origin as determined by their social environment.

For dividing the society into ethnic groups, Georgians and non-Georgians, people use criteria that may be reconstructed as the «ethnic code». The Georgian ethnic code includes common characteristics of Georgians, such as Georgian citizenship, familiarity and respect of Georgian culture and traditions, Georgian language, Orthodox religion and «Georgian genes». The «Georgian gene», understood as innate, common feature of the Georgians, characterized by courage, talent, beauty, etc. appeared to be the most important factor. The belief in a common «Georgian gene» makes the boundaries of the Georgian ethnic group clearer and more stable. The only tool to measure the authenticity of this «gene» is a surname, as there are no other objectively measurable variables, or characteristics to determine it.

By analyzing biographical interviews of people considered by the society as having ambiguous origin, three types of social relations were revealed that depend on adaptive needs and means of people that generally do not fit the ethnic code of the Georgians.

People having a «correct surname» are quite accepted to the group of the Georgians. The issue of ethnicity and ethnic identity is not of a current importance for them. They have the privilege of having their preferred identity and avoiding discrepancy with the society. But crossing certain boundaries by these individuals may cause the issue of ambiguous origin to surface from the part of the society. These boundaries could be high political or social status, or admission in the family.

Carrying an «incorrect surname» results in attitudes toward the person identical to those belonging to the ethnic group to which the surname is ascribed. If the attitude is positive, an «incorrect surname» could be a source of profit. But when a person is treated by others based on negative stere-

---

otypes, it can lead to cases of discrimination. To avoid secondary social status and obtain prestigious social position, people construct new identities, such as the identity of a «Tbilisian». This concept has its own code which is based on the number of ancestors born in Tbilisi. The boundaries of «Tbilisian» code are also well protected from outsiders.

One of the adaptive methods to protect one from discriminative treatment is «changed surname». If the surname sounds correct, it should clear the course of life. But by adapting to social demands, becoming socially acceptable, one may gain inner conflict and disagreement, because of believing that the ethnic «gene» and surname are inborn and have certain special characteristics. Hence people with «changed surnames» try to hide their secret, not to be blamed for treason of their real origin.

Surname in Georgia is considered as an inborn attribute, which defines future social relations, behavior and life opportunities. Surname is destiny.

RETURN MIGRATION TO ARMENIA FROM RUSSIA: FROM REINTEGRATION TO REMIGRATION

This research was an attempt to study the phenomenon of return migration from Russia and the problems of the reintegration of the return migrants in Armenia. The research was conducted in Kotayk Marz and Yerevan during 2007 using biographic interviews. The aims of the research were to find out returnees' motivation to emigrate and then to return, to explore the problems of their reintegration in the country of origin and to look at repatriates' intention of remigration.

We need to mention that the living conditions of all migrants differ. This influences their decision to return and their ability to reintegrate in their country of origin. With this respect some conclusions can be made: noneconomic factors mainly influence the decision to return whereas economic factors dictate the decision to emigrate.

Some return migrants bring financial capital in order to start business; others have acquired professions, skills and experience, which give them the opportunity to find jobs in Armenia. The capital acquired in Russia assist the returnees in the reintegration process. This process is also facilitated by the social capital gained by the returnees in the country of origin.

Many of our respondents have difficulties finding their place in the Armenian society after return. This forces them to start thinking about remigration in the quest for a better life for themselves and their families. It is interesting to mention that elder generation representatives have fewer difficulties with reintegration in Armenia than teenager have. As a result youth are more disposed to remigration.

Бабунашвили Георгий родился в 1982 г. в Тбилиси. В 2005 г. окончил факультет международного права и международных отношений Тбилисского государственного университета (диплом магистра). С 2004 г. работает в НПО «Центр исследований Общества» (Тбилиси). С 2005 г. участвовал в проекте International IDEA по исследованию политических партий Грузии и Армении; участвовал в организации серии семинаров с грузинскими политическими партиями в содействии с фондом Фридриха Эберта. Один из основателей «Молодежной ассоциации политических наук» в Грузии. В настоящий момент работает над диссертацией по сравнительной политологии и работает младшим преподавателем в Тбилисском государственном университете.

Babunashvili Giorgi was born in 1982 in Tbilisi. He graduated the faculty of international law and international policy at the Tbilisi State University in 2005 (masters degree). Since 2004 he worked as research assistant in the Centre for Social Studies (Tbilisi). In 2005 he worked at the International IDEA where he was engaged in a project on political parties in Georgia and Armenia. He is one of the founders of a georgian «Political Science Youth Association». Currently he's pursuing a PhD degree in Comparative Politics and works as assistant professor at the Tbilisi State University. His primary focus is the research of political party institutions.

Баиадзе Майя закончила факультет психологии Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили по специальности социальной психологии в 2001 г. В фокусе ее научных интересов динамика межлических и межгрупповых взаимоотношений и особенностей коммуникаций. В течение 2005-2007 г. работала в международной организации World Vision Georgia в проекте «Учимся жить», посвященном изучению проблем социально уязвимой молодежи.

Baiadze Maia graduated the department of Psychology at the Tbilisi State University in 2001 (diploma in Social Psychology). She specializes in the dynamics of interpersonal and intergroup relations and communication processes. Between 2005 and 2007, she worked at the international organization World Vision Georgia where she was engaged in a project called «Learners Life for». The project aimed at the improvement of life skills among socially vulnerable youth.

Далалян Торк родился в 1977 г. в Ереване. Окончил факультет востоковедения, кафедра иранистики ЕГУ (1999 г.). Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Армяно-осетинские культурно-языковые отношения» (2002 г.). В 2004 и 2006 г. проходил пост-докторскую

практику и изучал грузинский язык в кавказском отделении Парижского Национального института восточных языков и цивилизаций. С 2007 г. работает в Институте археологии и этнографии НАН РА (научная тема: «Армяно-кавказские эпические параллели»). Преподает персидский в Ереванском государственном лингвистическом университете им. В. Брюсова.

Tork Dalalyan was born in 1977 in Yerevan. He graduated from the Iran section of the department of Eastern Studies at the Yerevan State University in 1999. In 2002 he defended a PhD thesis entitled «Armeno-Ossetian cultural and linguistic relationships». In 2004 and 2006 he completed a postdoctoral fellowship (Diderot) at Paris and studied Georgian language at the Caucasus section of the Paris National Institute of Oriental Languages and Civilizations (INALCO). In 2007-2008 he spent 2 months of DAAD postdoc fellowship at Frankfurt University. Since 2007, he has been working on «Armeno-Caucasian epical parallels», at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences (Republic of Armenia). The scientific interests of Tork include the history of languages, cultures and religious beliefs of Iranian-speaking peoples of the Caucasus, as well as the transformation of pre-Christian faiths and mythological conceptions in the region.

Малания Арчил родился 15 июня 1977 г. в Сухуми. В 1994-1999 гг. учился в Кутаиси на экономическом факультете Государственного университета субтропического хозяйства по специальности экономист-менеджер. С 1999 по 2003 год учился в Гелатской Духовной академии. В 2000-2001 гг. работал экономистом в представительстве верховной власти Абхазии в Имеретинском регионе. С 2001 по 2003 год работал в НПО «Абхазинтерконт» мобилизатором общины, в 2004 – тренером-конфликтологом. С 2004 по 2005 год вел передачу по конфликтологии на радио «Ивериони» в Кутаиси. В январе-марте 2005 г. работал в World Vision International & GCIF мобилизатором общины. С марта 2005 г. работает в CHF International, Georgia по проекту «Программа по улучшению Ифраструктуры и созданию рабочих мест в Грузии». С 2007 г. – экономический офицер общины.

Malania Archil was born in June, 1977 in Sukhumi. He graduated from Georgian State University of Subtropical Agriculture in 1999 with an Economist-manager major. From 1999 to 2003, he attended courses at the Gelati Theological Seminary. During this time (2000-2001), he also worked as the economic representative for the Abkhazian A.R. government in the Imereti region. From 2001 to 2003, Archil worked as the Community Mobilization Officer at the NGO «Abkhazintercont». In 2004, he became

Abkhazintercont's trainer for conflict resolution issues. In 2004-2005, he broadcasted a program dealing with conflict resolution at Iverioni radio station. From January to March, 2005, Archil worked at World Vision International & GCIF as the Community Mobilization Officer. Since March 2005, Archil has worked at CHF International/Georgia – Georgia Employment and Infrastructure Initiative – as the Community Outreach Officer. Recently, he took on the responsibility of the Community Economic Officer within the same organization.

Паверман Екатерина родилась в мае 1981 г. в Тбилиси. В 2003 г. с отличием окончила магистратуру Института психологии Тбилиси, по специальности психолога/ психотерапевта. С 2003 г. работает в НПО и участвует в различных проектах, в том числе направленных на изучение межэтнических отношений и развитие гражданского общества. С апреля 2007 г. работает в банке в отделе управления персоналом.

Paverman Ekaterine was born in May, 1981 in Tbilisi. In 2003 she got her masters degree in psychology. Between 2003 and 2007 she worked at an NGO and participated in different social projects, including those concerning inter-ethnic relations and the development of civil society. Since April 2007 Katherine has been working at the department of human resource management at a bank.

Сулейманов Абульфаз родился в 1975 г. в Уджарском районе Азербайджанской Республики. В 1991-1995 г. учился на факультете социологии Стамбульского университета. В 2003 г. там же получил степень кандидата социологических наук (PhD), защитив диссертацию на тему «Поиск национального «Я» в новейшей истории Азербайджана: социальный аспект». В настоящий момент является старшим научным сотрудником отдела социологии и социальной психологии Института философии и политико-правовых исследований Национальной Академии наук Азербайджана. Организатор и участник многих международных научных конференций, он также является автором многочисленных научных статей и проектов, посвященных вопросам национального самосознания, национальной культуры и прогресса, структуры современной семьи в Азербайджане. Занимает активную общественную позицию, часто выступает в периодической печати и по телевидению.

Suleymanov Abulfaz D., a Ph.D., was born in 1975 in the Udjar region of the Republic of Azerbaijan. Since 2003 he has been working as a senior scientific employee of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, the Institute of Philosophy and Legal Research, at the Department of

Sociology and Social Psychology. He is an organizer and a participant of many international scientific conferences carried out in Turkey, the USA, Russia and Kazakhstan. Abulfez is the author of numerous scientific articles and projects on the questions of national consciousness, national culture and progress and the structure of the modern family in Azerbaijan. He is active on the public scene and is frequently seen in periodicals and on TV.

Чобанян Айкануш родилась в 1978 г. В 1999 г. закончила историко-географический факультет Армянского государственного педагогического института им. Х. Абовяна. С 2000 г. по настоящее время работает в Агентстве по миграции Министерства территориального управления Армении главным специалистом в отделе миграционных программ. Участвовала во многих международных, региональных и местных конференциях, семинарах и тренингах. Сфера ее интересов – вопросы миграции и беженцев, миротворчество и разрешение конфликтов. Имеет опубликованные аналитические и научные работы. Также является исследователем Института новых социальных исследований (НПО).

Chobanyan Haykanush was born in 1978. She graduated from the Yerevan State Pedagogical University, Department of History (Diploma). Since 2000 she has been working as Senior Specialist at the Department of Migration Programs of the Migration Agency of the Ministry of Territorial Administration of Armenia. She has participated in many international, regional as well as local training programs, seminars and conferences. Her fields of interests are the issues of migration and refugees, peace-building and conflict resolution. She has published analytical and scientific works. She is a researcher at the Institute of New Social Studies NGO.

Шубитидзе Георгий родился в 1982 г. в городе Хашури (Грузия). В 2003 г. закончил Тбилисский государственный университет, факультет философии и социологии, в 2005 г. получил степень магистра философских и социологических наук. В 2001 г. принимал участие в серии семинаров по вопросам гендерного насилия, организованных Центром образования и развития женщин, в 2002 г. – в ежегодной студенческой конференции, и пр. В 2001-2002 гг. являлся членом инициативной группы студенческого самоуправления и членом избирательного комитета во время выборов студенческого самоуправления. На сегодняшний день Георгий работает в Кавказском институте мира, демократии и развития и является стипендиатом Фонда социологических и стратегических исследований. Его исследование посвящено

государственной политике в отношении этнических меньшинств в пост-революционный период в Грузии.

Shubitidze Giorgi was born in 1982 in the town of Khashuri. In 2003 he graduated from the Tbilisi State University, the department of Philosophy and Sociology. In 2005 he obtained Master's degree in Philosophy and Sociology. In 2001 and 2002 Giorgi participated in a series of workshops on Gender violence organized by the «Center for Women Education and Development» and in the Tbilisi State University Annual Student Conference. In 2001-2002 he was a member of the initiative group of students' self government and a member of the election committee during student self government elections. Nowadays, Giorgi works at Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development (CIPDD) and is a fellow of the KOK – the Social and Strategic Research Foundation. He conducts a research on Ethnic Minorities and State-Building Policies in the post-revolutionary Georgia.

HEINRICH BÖLL STIFTUNG
SOUTH CAUCASUS

The Heinrich Böll Foundation, affiliated with the Green Party of Germany, is a legally independent political foundation. The regional office for the South Caucasus was opened in 2003. Its main objective is to contribute to the forming of free, fair and tolerant societies in the region. The Foundation supports and facilitates cooperation of individuals and organizations throughout the region who, based on the principle values of human rights, search for the change of undemocratic and intolerant attitudes in societies and politics, for the transformation of ethno-political and territorial conflicts into the direction of fair and non-violent solutions and for the sustainable development of people and communities. The Foundation encourages critical public debate to make processes of decision-making democratic and transparent.

www.boell.ge